

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

ПОДАРОК

От автора романа «Сестра»

ЛУИЗА ДЖЕНСЕН

Annotation

Дженна как никто другой знает, что значит обрести второй шанс. От неминуемой смерти ее спасла пересадка сердца, которое чудом досталось ей от девушки по имени Калли, погибшей, по официальной версии, в автокатастрофе.

Будто чувствуя ответственность за эту смерть, Дженна решает выяснить, что же в действительности произошло с Калли, и разыскивает ее родных. Но вскоре понимает, что эту вполне обычную на первый взгляд семью терзает не только скорбь...

Чего же они боятся и что скрывают от посторонних глаз?

Дженна и не подозревает, что попытка раскрыть эту тайну может стоить ей жизни...

- [Луиза Дженсен](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)

- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Глава 54](#)
- [Глава 55](#)
- [Глава 56](#)
- [Глава 57](#)
- [Глава 58](#)
- [Глава 59](#)
- [Глава 60](#)

- [Глава 61](#)
 - [Глава 62](#)
 - [Глава 63](#)
 - [Глава 64](#)
 - [Глава 65](#)
 - [Глава 66](#)
 - [Глава 67](#)
 - [Глава 68](#)
 - [Глава 69](#)
 - [Глава 70](#)
 - [Глава 71](#)
 - [Глава 72](#)
 - [Глава 73](#)
 - [Глава 74](#)
 - [Глава 75](#)
 - [Глава 76](#)
 - [Глава 77](#)
 - [Глава 78](#)
 - [Глава 79](#)
 - [Глава 80](#)
 - [Глава 81](#)
 - [Глава 82](#)
 - [Глава 83](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Письмо от Луизы](#)
 - [Выражение признательности](#)
-

Луиза Дженсен

Подарок

*Посвящается Каллуму, Кэю и Финли.
Вы навсегда останетесь моими самыми главными
достижениями в жизни.*

Louise Jensen
THE GIFT

Перевод с английского А. Соколова
Компьютерный дизайн В. Воронина

Печатается с разрешения Lorella Belli Literary Agency и Synopsis Literary Agency.

© Louise Jensen, 2016 © Перевод. А. Соколов, 2018 © Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Некоторое время спустя

Бежать!

Было темно. Очень темно. Облака стремительно неслись по угольно-черному небу, заволакивая звезды и луну. Влага наполняла легкие, я втягивала воздух короткими глотками, и время от времени на меня волнами обрушивалась дурнота.

Силы быстро таяли. Кроссовки шлепали по бетону, и мне казалось, что я больше не слышу шагов за спиной, хотя из-за воя ветра об этом трудно было судить.

Тише! Ни звука!

Я испугалась. Очень испугалась.

Я лежала на животе. Замерев. Затаив дыхание. Ждала. Ладони жгло от боли, щеку саднило, преющие листья лезли в нос. Меня замутило, когда, осмелившись пошевелиться, я медленно подалась вперед, оперевшись локтем во влажную почву. Левым, правым. Левым, правым.

Теперь я лежала в подлеске. Колючки впивались мне в кожу, цеплялись за одежду, но я не решалась встать, думая, что здесь, в окружении деревьев,

меня не заметят. Но в этот миг облака разбежались, и в свете луны я увидела рукав своей толстовки – невообразимо белый, несмотря на то что был заляпан грязью. Я выругалась. Идиотка! Идиотка! Идиотка! Я стянула с себя толстовку и спрятала ее под куст. Зубы выбивали дробь от холода. И еще от страха. И от лихорадки. Слева под чьей-то ногой хрустнула ветка. Я инстинктивно привстала и оперлась на мысок, как бегун на старте. И сквозь грохот собственного сердца услышала кашель.

Звук раздался позади меня. Близко. Слишком близко.

Бежать!

Я рванулась вперед. Убеждала себя: у меня получится, хотя понимала, что лгу себе – долго мне не выдержать.

Облака снова закрыли небо, и землю окутала тьма. Я застыла на месте, не видя, куда поставить ногу. Земля была бугристая, а я не могла рисковать подвернуть лодыжку или что-нибудь сломать. Что же делать? Как отсюда выбраться? Порыв ветра отнес облака, и боковым зрением я заметила движение какой-то тени. Повернулась и закричала.

Бежать!

Глава 1

Настоящее

Каждый вторник между четырьмя и пятью часами дня я ходила лгать.

Мой врач Ванесса сдвинула на переносицу очки в роговой оправе и протянула мне упаковку бумажных платков, словно ждала, что именно на этом приеме все мои прегрешения извергнутся из меня и, ядовитозловонные, испачкают ее полированный стол, с которого их придется стирать.

– Итак, Дженна, – она пролистала мою историю болезни, – приближается полугодовой рубеж. Как вы себя чувствуете?

Я пожалала плечами и сняла с рукава неизвестно откуда взявшуюся нитку. Меня раздражали льющийся из баночки с ароматическими смесями запах лаванды и обилие растений с блестящими листьями в этом старательно продуманном пространстве. Но, ерзая на слишком мягком сиденье, я подавила досаду. Нельзя же, на самом деле, винить лекарство в резких колебаниях настроения.

– Все прекрасно, – ответила я, хотя это было далеко от истины. Эмоции рвались из меня, но, как только я попадала в кабинет Ванессы, слова завязывались в узел и не шли с языка. Как бы я ни хотела открыться, у меня ничего не получалось.

– Побывали где-нибудь на этой неделе?

– В пятницу встречалась с мамой. – Вряд ли это можно было назвать новостью. Я так поступала каждую неделю. Иногда мне вообще было непонятно, зачем я приходила к Ванессе. Я закончила курс назначенных мне предписаний и тем не менее безропотно таскалась сюда каждую неделю. Наверное, потому, что не умела справляться с собой и мне нравился установившийся порядок, эти недолгие мгновения нормального состояния.

– А на людях бывали?

– Нет. – Я не могла припомнить, когда я в последний раз выходила вечером развлечься. Мне было только тридцать, но я чувствовала себя по крайней мере вдвое старше. Сто лет ни с кем не общалась и предпочитала отсиживаться дома. Одна. Под охраной стен своего жилища.

– Как настроение? Нормализуется?

Я отвела взгляд. Ванесса имела в виду мою паранойю, и я не знала, что

ей ответить. Почти в каждом медицинском назначении был тщательно подобран коктейль из лекарств, которые мне следовало принимать, чтобы не позволить организму отторгнуть мое новое сердце. Но страх, словно вторая кожа, сковывал меня, и мне никак не удавалось стряхнуть его с себя.

– Тянет... – Ванесса сверилась с записями, – ...куда-нибудь убежать?

– Да. – От выброса адреналина по коже у меня пошли мурашки, и футболка под мышками стала влажной. Накатившее ощущение приближающейся опасности было столь неодолимым, что казалось предчувствием.

– Если произошло нечто такое, с чем трудно справиться, нет ничего странного в желании убежать от собственной жизни. Нужно вместе работать, чтобы разорвать круг навязчивых мыслей.

– Не думаю, что это настолько просто. – Страх был таким же осязаемым, как тяжелое янтарное пресс-папье на столе Ванессы. – У меня случилось больше... – мне не хотелось рассказывать, но она смотрела на меня в своей особенной манере, словно видела насквозь, – ...эпизодов.

– Подобных прежним? Непреодолимое головокружение?

В ожидании ответа Ванесса откинула голову, и я пожалела, что вообще заговорила об этом.

– Да. Я не теряю сознания, но вижу все словно в тоннеле, и звуки становятся глуше. Приступы случаются чаще.

– Как долго они продолжаются?

– Затрудняюсь сказать. Вероятно, несколько секунд. Но, когда это происходит, мне так... – я оглянулась, будто ускользающее от меня слово было написано надо мной на стене, – ...страшно.

– Ощущение потери контроля над собой действует пугающе, Дженна, и это понятно, учитывая, через что вам пришлось пройти. Вы упоминали о приступах доктору Капуру?

– Упомянула. Он говорит, что панические атаки могут случаться от лекарств, которые я принимаю. Если полугодичный осмотр не выявит аномалий, он обещал отменить часть препаратов, и это должно помочь.

– Вот и хорошо. Вы скоро выходите на работу? – Ванесса сверилась с документами. – В понедельник?

– Да. Но сначала на неполный рабочий день.

Мои начальники Линда и Джон проявили большое великодушие, отпустив меня. Они были приятелями отца и знали меня почти всю мою жизнь. И хотя Линда сказала, что я не обязана возвращаться, я скучаю по работе. Я не могла себе представить, что пришлось бы все заново начинать на новом месте. Незнакомом. Но мне все равно было тревожно. Я так долго

отсутствовала. Каково это снова ощутить себя нормальной? Меня беспокоила мысль, что придется общаться с людьми, – я слишком привыкла сидеть дома и коротать время наедине с собой. Как раньше говорила мама, заниматься всякой ерундой. Как она выражалась теперь, «уходить в себя». Но когда я находилась в своей квартире, то колкое беспокойство, которое постоянно копошилось во мне, чувствовалось не так остро. Однако жизнь продолжалась – ведь правда? И если я не заставлю себя ожить теперь, то, боюсь, не сумею сделать это никогда.

– Как вы себя ощущаете при мысли о возвращении на работу?

Я невольно приподняла плечи.

– Ежусь от страха, но борюсь. Твержу себе, что все будет хорошо. Родители меня не поддерживают, пытаются отговорить. Это понятно: они считают, что нагрузка будет непомерной. Но Линда заверила, что я могу вживаться в работу постепенно: если устану, смогу уйти пораньше. И прийти попозже, если выдастся беспокойная ночь. – У меня всегда были хорошие отношения с Линдой, хотя в последние месяцы она меня не навещала. Наверное, не представляла, о чем со мной говорить. Никто не представлял. Людям становилось неловко со мной при мысли, что я одной ногой была на том свете.

– А родные донора? Вы по-прежнему пытаетесь с ними связаться?

Я поерзала на сиденье. Несколько месяцев назад я писала письмо за письмом, в которых изливала свою благодарность, но координатор по трансплантации отказывался их принимать. Я невольно приводила в них слишком много подробностей, и это давало родственникам донора возможность догадаться, кто я такая и где живу, что было против правил. Но без таких деталей текст казался мне холодным и безликим. В итоге я наняла частного сыщика, чтобы он их нашел и я смогла бы написать им напрямую. Их адрес стоил мне кучу денег, но дело того стоило: я смогла выразить, насколько признательна за их поступок, который так много значил для моих родных, и при этом не фильтровать слова. Я не собиралась больше их беспокоить и не рассчитывала на ответ, но они написали и, казалось, были искренне рады моему посланию. Однако я понимала, что Ванессе не понравится то, что ей предстоит услышать.

У меня пересохло в горле, я наклонилась вперед и протянула руку, чтобы взять стакан. Моя рука дрожала, кубик льда звякал о стекло, жидкость плеснула через край и оставила на джинсах мокрое пятно. Я сделала глоток, вслушиваясь, как где-то за спиной тикали настенные часы.

– Я встречаюсь с ними в субботу.

– О Дженна, это, право, неэтично. Как вам удалось их отыскать? Вы

понимаете, что мне придется сообщить о вашем поступке?

Я внимательно разглядывала свои туфли, мои щеки пылали огнем.

– Извините, не могу сказать.

– Вы же в курсе, что такие контакты не поощряются. – В каждом ее слове сквозило неодобрение. – Особенно на раннем этапе. Это грозит причинить страдание всем, а вас – отбросить назад на несколько стадий. Вполне достаточно благодарственного письма, но встречаться... Я просто...

– Я все знаю. Им говорили то же самое, но они хотят повидаться со мной. Искренне. Мне это тоже нужно. Всего один раз. У меня такое ощущение, что внутри меня находится кто-то другой, и я хочу понять, что это за человек. – Мой голос сорвался.

– Это стало у вас почти навязчивой идеей, Дженна, а вам это противопоказано. Какая польза от того, что вы выясните, чье сердце вам пересадили?

Цвета на картине за спиной Ванессы – современном сумбурном полотне – переплетались воедино, отчего мучительное сомнение только росло.

– Это поможет мне понять...

– Понять что? – Ванесса наклонилась ко мне и стала похожа на жокея в седле, посылающего коня вперед в предвкушении победы.

– Почему я жива, а кто-то за меня умер.

На обитом коричневой кожей диване, где я провела так много часов, образовалась вмятина. С таким же успехом там мог бы находиться плакат: «ЗДЕСЬ ЖИВЕТ ДЕВУШКА БЕЗ ЖИЗНИ». Прежде чем плюхнуться на привычное место, я зажгла свечу с ягодным ароматом. Я всегда чувствовала себя выжатой после того, как говорила с Ванессой, и совершенно не понимала отчего – то ли от избытка эмоций, которые, булькая, вырывались на поверхность, пока я сидела в ее безукоризненно опрятном кабинете, то ли от усилий их скрыть и не выпускать наружу. Я взяла с журнального столика альбом. Рисование всегда помогало мне снять напряжение. Я запустила через беспроводную колонку Джеймса Бэя, который пел о своем желании удержать реку, и, глядя на безликие стены, принялась твердо постукивать карандашом по колену, ожидая, когда накатит вдохновение. С тех пор как полгода назад от меня съехал Сэм, я намеревалась заняться ремонтом – приспособить квартиру под себя. Выкрасить светло-кремовые стены в солнечно-золотистый или насыщенно-красный цвет – те самые энергичные тона, которые Сэм не переносил. Вряд ли он сюда вернется,

хотя, я знаю, он бы этого хотел. Сэм не желал разрыва, но я не в силах была видеть жалость в его глазах, когда он смотрел на меня после операции. Не могла выносить его суету вокруг меня и каждые пять минут отвечать на вопросы, как я себя чувствую. Не стоило ему быть связанным с таким человеком, как я, во всем помогать, словно мы старики и у нас больше ничего не осталось в жизни. Отпустить его было самым добрым делом в моей жизни, хотя каждый раз, когда я думала о нем, у меня все переворачивалось внутри. Мы старались оставаться друзьями: переписывались в Сети, встречались в «Фейсбуке». Но, согласитесь, это совсем не то, что наши прежние отношения.

Отделку квартиры я включила в список дел, до которых скорее всего никогда не дойдут руки. Дни, когда мне следовало особенно беречься, остались позади, но я не могла найти в себе силы свернуть с накатанной колеи и, сказать по правде, боялась этого. Несмотря на долгие часы физиопроцедур и горы письменных наставлений, я выписалась из больницы, испытывая неуверенность в движениях. Все делала нарочито медленно. Врачи утверждали, что мой организм успешно идет на поправку, но мозг отказывался в это поверить, и я постоянно опасалась, что перегружаю себя. Пойдет что-нибудь не так, и как тогда быть? Я рисовала себе картины, как падаю на пол и не могу дотянуться до телефона. Лежу без движения, неспособная пошевелиться. Кто придет мне на помощь? В разговорах с матерью я притворялась, что мне комфортно жить одной, и так же морочила голову другим. Обманывала даже себя.

Так что же мне нарисовать? Я пролистала альбом. Сначала страница за страницей следовали изображения Сэма. Затем рисунки стали мрачными. Даже зловещими. Леса с перекрученными деревьями, взгляд из мрака, сова с глазами-бусинками. Я вздохнула. Возможно, Ванесса права, опасаясь за мое душевное состояние.

Пикнул мобильный телефон – пришла эсэмэска от Рейчел. Даже не глядя на экран, я знала: она спрашивала, чем я собираюсь заняться. Я отвечаю, что намерена провести вечер дома, и попрошу выпить за меня в пабе. Это наша обычная переписка, неизменная, словно сюжет кукольного представления Панча и Джуди. Всегда одно и то же, хотя иногда так и подмывало устроить иную концовку. А ведь можно было бы сходить вместе с ней, подумала я, но тут же прогнала эту мысль. Мне казалось бессмысленным возвращаться к прежним привычкам. Я не тот человек, каким была раньше, и люди вели себя со мной по-другому: отводили взгляд, не знали, о чем разговаривать. Увижу Рейчел в понедельник на работе.

Полгода назад умер человек, а я благодаря этому получила шанс выжить. Мой мир стал настолько тесным, что иногда мне казалось, будто я не способна дышать. Каким был тот, умерший ради меня? Я крепко зажмурилась, но мысль безжалостно катила на меня, и я не знала, как ее остановить. Поежившись, я подошла к окну. С улицы повеяло прохладой, но я обрадовалась свежему воздуху. Вот уже несколько недель я была дома, но вязкий больничный запах будто въелся в легкие, и я в любую погоду оставляла щелку в окне. Я выглянула сквозь жалюзи в сумрак, и по спине у меня пробежал холодок. На другой стороне улицы у двери шевельнулась тень, и меня захлестнуло желание бежать, о котором я рассказывала Ванессе. Дыхание участилось, но на улице ничего не происходило – все оставалось спокойным. Я захлопнула окно, опустила жалюзи и укрылась в тускло освещенной гостиной. Мой мир съежился, и уверенность в себе тоже. Вернувшись на диван, я обнаружила, что руки у меня так сильно дрожат, что невозможно держать карандаш. *Я в безопасности*, убеждала я себя. Только вот я этого почему-то не чувствовала.

Глава 2

Десять месяцев назад мы оба заболели. В офисе Сэма ходил какой-то вирус, и, вернувшись домой, я нашла его на диване под пуховым одеялом, а рядом на полу валялась куча скомканных бумажных платков. Батареи отопления извергали жар, и я поспешила снять пальто и джемпер.

– Дженна, я, кажется, умираю, – прохрипел Сэм, протягивая мне руку.

Я рассмеялась, но, прикоснувшись к нему, почувствовала, какая у него скользкая от пота кожа, и приложила ладонь к его лбу: Сэм, хоть и стучал зубами от озноба, весь горел.

– Грипп. – Я прикоснулась губами к его горячей щеке. – Скоро вернусь.

Я поспешила в дежурную аптеку и взяла лемсил и аспирин. Дома разогрела цыпленка и суп из сладкой кукурузы. А через пару дней разболелось горло у меня. Из глаз потекли ручьи, и меня так сильно трясло, что я прикусила язык. Несколько дней мы провели в постели. Воздух в квартире стал спертым, прокисшим. Мы смотрели фильмы один за другим, увеличив звук, чтобы заглушать наш сухой кашель. По очереди таскались на кухню и медленно и упорно, словно зомби, возвращались с едой, которую не могли проглотить, и с напитками, вкус которых не ощущали. Какое это было облегчение – почувствовать себя выздоравливающей! Распахнуть оконные рамы, чтобы свежий ветер выгнал запах болезни. Стоя под душем, я чувствовала, как колющие струи бодрят кожу, и считала, что худшее позади.

Сэм день ото дня креп, а я – нет и через неделю настолько ослабла, что во время обеденного перерыва клевала носом в машине и засыпала на диване, пока в духовке обугливались полуфабрикаты из «Маркс энд Спенсер». По ночам я не спала, пытаюсь втянуть в легкие кислород, высовывалась из окна за глотком воздуха и не могла понять, что со мной.

– Я записал тебя на прием к врачу, – сообщил мне Сэм. – На пять часов. И не спорь.

Я чувствовала себя слишком слабой, чтобы протестовать. Сидела в приемной перед кабинетом терапевта, где концентрированно-болезненная атмосфера буквально удушала. Врач выслушал мои жалобы и, потерев пегую бородку, успокоил: сказал, что мое состояние естественно и мне просто следует отдохнуть. Заверил, что скоро силы ко мне вернуться.

Через три недели их осталось так мало, что я едва могла сползти с

кровати. И больше двух недель не ходила на работу.

– Мне все это очень не нравится. – Сэм наклонился надо мной, на лице его было беспокойство. – Я записал тебя к другому врачу. Надо выслушать мнение еще одного специалиста. Заеду за тобой в обеденный перерыв.

Сэм ушел, а я едва выбралась из постели и поплелась в ванную, но по дороге наклонилась, чтобы подобрать с коврика у двери почту, и отключилась. Больше я ничего не помнила. Сэм обнаружил меня на полу в коридоре с белыми, без кровинки губами и на «Скорой помощи» с воющей сиреной и включенными синими проблесковыми маячками доставил в больницу.

Следующие несколько месяцев я провела как в тумане. Но на каком-то уровне сознания понимала, что происходит. Я заразилась вирусным миокардитом, который так расправился со мной, что единственным шансом на спасение осталась пересадка сердца. Сэм постоянно был рядом. Сворачивался клубком в кресле рядом с кроватью. Каждый день меня навещала мама – приходила с приклеенной к губам радостной улыбкой. Вышагивал по палате, кивая головой и засунув руки в карманы, отец. Я засыпала под писк медицинских аппаратов и под него же просыпалась, не в состоянии понять, куда попала, пока не делала первый вздох. Больничную атмосферу ни с чем не перепутать: смесь дезинфицирующих средств с запахом прелой плоти, геля для рук и надежды. Читать не хватало сил, сосредоточиться на телепередачах тоже.

– То ли из семейства Кардашьян, то ли звезда мыльной оперы, – говорила Рейчел, пересказывая слухи из желтых газетенок, но я, то возникая из небытия, то вновь проваливаясь в сон, не могла взять в толк, кто с кем разводится и какая актриса в последнее время до невозможности растолстела. А какая – до неприличия отощала. Все казалось невероятно мелочным: то, над чем мы раньше с удовольствием смеялись в пабе, теперь не имело значения. Но я была благодарна Рейчел за то, что она меня навещала. Больше из моих прежних друзей ко мне никто не приходил.

Перед тем как на дребезжащей тележке привозили безвкусную еду, мать поднимала меня и приваливала спиной к подушкам. И мне не приходило в голову, что у нее это получалось, потому что я так сильно похудела. Она нарезала больничную еду на мелкие кусочки, и я, не в состоянии жевать, глотала их целиком. Что творилось в это время в ее голове? Может, она вспоминала, как я пухленькой девчушкой сидела на высоком пластмассовом детском стульчике, широко разевая рот, как птенец? Как ей удавалось справляться? Я ни разу не видела, чтобы она заплакала. Мне не сообщили заключение врачей, что для меня вряд ли

удастся вовремя найти подходящее сердце. Я фактически умирала. Список тех, кому требовалась пересадка сердца, был бесконечным. По состоянию здоровья меня не выписывали из больницы, но и приоритетной претенденткой на операцию не считали. Каково это – готовиться к худшему? Не представляю. Мне делается больно, когда я думаю, через что им пришлось пройти: маме, Рейчел и Сэму, когда они, сплетя пальцы, сидели вокруг моей кровати и молились Богу, в которого не верили.

Отец, беспомощный и удрученный, тоже приходил каждый день, но подолгу не задерживался. А когда говорил, в его голосе звучали нотки бешенства. Хотя, возможно, он и вправду был взбешен. Каково наблюдать за тем, как угасает твое единственное чадо? Время тянулось бесконечно: врачи консультировались, медсестры суетились, в моей истории болезни появлялись новые записи, пока однажды не свершилось чудо.

– Мы нашли сердце, – сообщил доктор Капур.

Сердце идеально подходило, но, когда меня готовили к операции, никто не ликовал: все понимали, что этот дар судьбы стал возможен только ценой горя другой семьи.

Когда меня везли по коридору, колеса тележки ужасно скрипели, а свет над головой сиял так ярко, что мог, казалось, всосать меня и переправить в будущую жизнь, в которую я отчаянно хотела поверить.

Я думала, что хуже себя чувствовать невозможно, но когда через два дня я пришла в себя в палате интенсивной терапии, мне было так плохо, что стали одолевать мысли: уж лучше было бы умереть. Через трубку в руке в меня вливали разные жидкости, и грудной дренаж давил, как свинец.

Как-то раз Сэм опустился возле моей кровати на одно колено, и я, решив, что ему стало плохо от усталости, собралась вызвать медсестру.

Но, потянувшись к звонку, увидела на его ладони черную бархатную коробочку. Внутри оказалось кольцо с овальным сапфиром в окружении сияющих бриллиантов.

– Не очень романтическая обстановка, – начал он. – Но прошу тебя, выходи за меня замуж. Пожалуйста.

– Сэм? – Я не знала, что ответить.

Он вынул кольцо из коробочки и протянул мне. Я провела пальцем по синему, как океан, камню.

– Кольцо принадлежало бабушке, – продолжал Сэм. – Она хотела, чтобы я положил начало традиции передавать его в семье.

Я почувствовала в горле ком. Разум боролся с сердцем.

– Если это не нравится, могу купить другое.

Сэм растерялся, казался моложе своих тридцати лет, и мне стоило

больших усилий не расплакаться. Я не позволила ему надеть кольцо мне на палец. Понимала, что не захочу его снять. И прошептала:

– Я не могу выйти за тебя замуж. Извини.

– Почему? Мы ведь с тобой обсуждали это и раньше.

– Все изменилось. Я теперь другая.

– Ты – это ты. – Сэм с такой нежностью погладил меня по щеке, что я чуть не упала в его объятия. Несмотря на мои немытые волосы и несвежее дыхание, он смотрел на меня так, словно я была самой прекрасной женщиной на свете. Но мне было нестерпимо угадывать в его глазах – там, где раньше теплилось желание, – тревогу.

– Сэм, я больше не хочу оставаться с тобой. – Я едва выдавила слова, от которых было больнее, чем от скальпеля, исполосовавшего мое тело.

– Я тебе не верю, Дженна.

– Это правда. Я стала сомневаться насчет нас еще до того, как все случилось.

– Ты говоришь так, потому что заболела...

– Нет, у меня давным-давно появились эти мысли.

– С каких пор? Раньше все было прекрасно.

Раньше... Безобидное слово, но именно оно отделяет все чертой на до и после. Стеклопанная стена отгородила то, что раньше я могла делать, от того, что стало недоступным теперь.

– Дженна, скажи правду: ты же меня любишь?

Я оказалась перед выбором – солгать или сказать правду.

– Не люблю. – Я выбрала ложь. – Прости. – Решение было правильным. Для него.

Сэм начал что-то говорить, но я отвела взгляд. Мяла пальцами крахмальный угол простыни и уговаривала себя не поддаться слабости. Сэму будет лучше без меня.

Он положил кольцо обратно в коробку, и я вздрогнула, когда он с треском захлопнул крышку и, сгорбившись, пошел через палату. Меня так и подмывало крикнуть, что, конечно, я его люблю, но слова застряли в горле. Сэм постоял немного на пороге, и я прикусила щеку, чтобы не расплакаться. Рот наполнился металлическим привкусом крови и жалости к себе, и, пока он удалялся, в моей груди гулко колотилось подаренное мне сердце и чувство вины.

Через четыре месяца после трансплантации меня выписали из больницы. За мной приехала мама.

– Где отец? – спросила я.

Она не ответила на мой вопрос. Усадила на заднее сиденье такси с такой же заботливостью, какую проявляют новоиспеченные отцы, выходя из родильного отделения и прижимая к себе в мечтах о безоблачном будущем автомобильные люльки с новорожденными. Не обращая внимания на мои протесты и заявления, что я могу все делать сама, мать защелкнула на мне ремень безопасности и накрыла мои колени мягким шерстяным пледом.

– Моей дочери пересадили сердце. Пожалуйста, ведите помедленнее, – попросила она шофера.

– Вот это да! – Таксист повернул регулятор громкости радио на минимум. – По мне, ты слишком молода для такого, девочка. Ох уж эти дети! Наши вечные заботы. У меня у самого их трое, да в придачу внуки.

Машина двинулась вперед, и на зеркале заднего вида закачался, издавая тошнотворно-приторный запах, ароматизатор в виде светофора. Мы ехали со скоростью улитки к бунгало с тремя спальнями, где я выросла, и мать нисколько не волновала какофония из гудков, требующих, чтобы мы увеличили скорость и не задерживали на дороге других.

Из динамиков зазвучала композиция «Покрась это черным» «Роллинг Стоунз» – одной из любимейших групп отца, мать разговаривала с водителем о том, какая мягкая пока стоит зима. Я закрыла глаза, прислонила голову к оконному стеклу и соскользнула в сон. От вибрации мотора покалывало щеки.

Меня разбудили крики – громкие, сердитые голоса. Еще в полубессознательном состоянии я стала подниматься, пытаюсь разлепить веки, но тут машина рванулась вперед, набирая обороты, и меня отбросило назад, на спинку сиденья. Моя голова мотнулась, ударилась о стекло, и в глазах почернело.

– *Нет! Нет! Нет!* – В уши мне ударил испуганный женский голос, и по жилам разлился страх.

Скрипнули тормоза, послышался звон бьющегося стекла. Возникло ощущение полета, кожу обожгло, и, когда в тело впились осколки, я почувствовала, как потекла кровь.

Защищая лицо, я инстинктивно вскинула руки, а затем все успокоилось, и наступила тишина. А где же музыка? Я раздвинула пальцы и посмотрела вперед. Меня по-прежнему удерживал ремень безопасности. Голова таксиста покачивалась в такт мелодии «Роллинг Стоунз», мать говорила ему, что в предстоящие выходные обещают сильный мороз.

Я взглядела в свои ладони, повернула кисти – никакой крови. Меня предупредили, что прописанные мне лекарства могут вызывать массу

побочных эффектов, и я старалась разобраться, отчего у меня такой туман в голове и было ли то, что я только что испытала, галлюцинацией. Гул двигателя, усиленный действием лекарств, убаюкивал, и я опять прислонилась головой к стеклу и весь остаток пути смотрела в окно. Все-таки я, должно быть, бредила.

Глава 3

Вот уже несколько недель, как я вернулась домой, но до сих пор чувствовала себя не в своей тарелке из-за того, что жила одна. Просыпалась среди ночи от самого легкого шума и лежала в напряжении, с туманом в голове и страхом в горле, словно на меня накинули петлю. Прижимала одеяло к груди, пока не понимала, что за звук услышала – обычно это была хлопнувшая дверца машины или поздно возвращающийся домой сосед. Тогда я заставляла себя разжать пальцы и, как учила Ванесса, думать о приятном. Но, что бы я ни вспоминала, в память каждый раз проникал Сэм. Мне не хватало его, как глотка воздуха.

Я провела расческой по спутанным волосам и брызнула на запястья духами с ароматом ванили. Небо за окном спальни из приглушенно-пастельного стало васильково-синим. День обещал выдаться прекрасным, но солнце не рассеяло царивший у меня внутри мрак. Сегодня я собиралась выйти из дома. Скрип тормозов на улице заставил меня вздрогнуть. Снизу из такси мне помахала рукой мама, и я крикнула, что спущусь через минуту. В коридоре я открыла переднюю дверь и, помедлив на пороге – мне абсолютно нечего было бояться, – вышла из квартиры.

– Лекарства не забыла? – спросила мама, прежде чем я плотно захлопнула дверцу и пристегнула ремень безопасности.

– Взяла. – Иногда мне казалось, что она считает меня маленькой девочкой, а не тридцатилетней женщиной.

– Чудесный день. У меня для тебя сюрприз. По сути, два.

Счетчик такси уверенно защелкал – клик-клик-клик, – и мы влились в транспортный поток. Я бросила в рот «Поло», чтобы мятная энергия конфетки успокоила раздраженный желудок.

– Хочешь? – Я предложила коробочку маме.

– Нет, спасибо. – Она улыбнулась, но улыбка получилась вымученной, и я заметила, что она очень бледная. Тонкая паутинка морщинок у глаз стала глубже.

– Все в порядке, мам?

Она посмотрела в окно, словно формулируя про себя фразу, прежде чем произнести ее вслух.

– Мне надо тебе кое-что сказать. – Она отвела взгляд, но потянулась и накрыла мою руку своей ладонью. – Я подаю на развод.

– Мама! Не может быть!

Таксист сильнее подкрутил громкость радио, но мне было наплевать, слушает он наш разговор или нет. Я никак не могла поверить, что родители расстались вскоре после моей операции.

– Как можно разрушить брак после тридцати пяти лет совместной жизни? Папа знает? – Я надеялась, пожив немного врозь, они все уладят.

– Пока нет.

– Не понимаю, почему ты так решила?

– Сложный вопрос.

То же самое отвечал отец, если я задавала ему этот вопрос, словно они старательно отрепетировали роли.

– Не может быть, чтобы ты этого хотела.

– И тем не менее это так. Мне комфортнее одной. – Однако новая седея прядь в ее волосах и глубокая морщина на переносице говорили, что она лукавит.

– Это из-за меня?

Раньше родители были счастливы друг с другом. Но им здорово досталось: ведь они боялись, что я могу умереть.

– Не все, что происходит, связано с тобой, моя юная леди. – Тон матери был энергичным и невозмутимым, но с толку меня не сбил. Моя болезнь стоила нам всем больших нервов, и теперь радость выздоровления омрачалась разрывом родителей. И моим с Сэмом тоже.

– Приехали. Высадите нас здесь. – Мать выудила из кошелька двадцать фунтов, и шофер остановился у Масонского зала. Отцепившись от дверной ручки, я вышла из машины и, пошевелив пальцами, чтобы восстановить кровообращение, удивилась: что мы здесь делаем?

В зал спешила группа девушек в юбочках в разноцветный горошек и таких же повязках на запястьях. Над каменным входом трепетал плакат: «Разум. Тело. Дух». Я подавила стон.

– Знаю, ты не любительница таких вещей, – сказала мать, – но ведь Ванесса советовала медитировать. Чтобы сопротивляться страхам. Вот я и подумала, что это подходящее место. – Ее лицо покраснелось от предвкушения.

Прежде чем я успела ответить, сзади по ступеням громко затопали. От толчка в плечо я с писком отпрянула и вскинула руки, защищая голову.

– Дженна! – Мать нежно взяла меня за запястья и заставила опустить руки. – Ты сама не своя. Постоянно на грани срыва. Я только хочу, чтобы ты снова стала счастливой. Начинай жить.

– Я тоже этого хочу. – Эмоции грозили перехлестнуть через край. – Я

благодарна, что получила второй шанс. Правда. Но...

– Понимаю, тебе очень тяжело. Но, если ты в понедельник пойдешь на работу – а ты знаешь, я считаю, это преждевременным, – тебе потребуется как-то снимать напряжение – уж слишком много ты принимаешь таблеток. Давай просто заглянем внутрь, поищем им естественную альтернативу.

– Хорошо. – Мой голос прозвучал неуверенно, и мать, взяв меня под руку, увлекла в здание.

Бум! Я похолодела от звука гонга, который со всей силой отозвался в моей голове. Зал был заставлен столами на козлах, гнувших и поскрипывающих под тяжестью серебряных украшений и груд книг, обложки которых все как одна обещали «перемены в жизни».

Поджав губы, я пробиралась вдоль ряда висящих на металлической перекладине ярких платьев. В воздухе стоял дымок от курящихся благовоний, ноздри щекотал запах сандалового дерева. Мое внимание привлекла юбка с эластичным поясом. Я сняла ее с вешалки и приложила к себе – подол скользнул по лодыжкам. Мне срочно требовались новые вещи: на диете – самой полезной, какая только может быть, – я прибавила почти двенадцать килограммов. На последнем приеме доктор Капур в ответ на мои жалобы убежденно заявил, что моя диета – это мое лечение и что она небольшая цена за жизнь. Мне стало стыдно, что я вообще упомянула об этом. Но такие юбки все-таки не мой стиль – обычно я ношу джинсы. В прошлом году я решила примерить на себя новый дерзкий образ, но, когда нацепила блестящие легинсы из «Топшопа», Рейчел чуть не лопнула от смеха. Я улыбнулась и пожалела, что ее нет рядом.

Мама, изучая программку, украдкой косилась на меня.

– Во втором кабинете принимает экстрасенс. Заглянем?

Ничего ужаснее я не могла себе представить, но понимала, что мать обрадуется, если я соглашусь. В конце концов, визит к экстрасенсу мне никак не повредит.

К двери второго кабинета был приколот лист размера А4 с выведенными синей шариковой ручкой словами: «НЕ БЕСПОКОИТЬ». Я привалилась к стене, а мать наставляла меня, предупреждая, чтобы я не сообщала экстрасенсу ничего слишком личного. Наконец дверь распахнулась, и из кабинета вывалилась широко улыбающаяся девица лет двадцати.

Мать сжала мне руку. Ее ладонь показалась мне горячей и липкой, и я решила, что она воспринимает наш приход сюда слишком серьезно. Оставалось надеяться, что Цыганка Ли, или как она там себя называет,

отнесется ко мне с теплотой.

В комнате было светло. Женщина, поманившая нас к себе, была ненамного старше меня. На голове – роскошная копна золотистых волос, кремовая блузка пестрела маленькими красными бабочками. Я была разочарована – ожидала чего-нибудь более экзотического: свечи, магический кристалл, на худой конец, карты Таро.

– Будьте любезны, садитесь. – Женщина указала на стулья пальцами с острыми акриловыми ногтями. – Меня зовут Фиона.

Мы с матерью переглянулись, и я почувствовала, что она сомневается, стоит ли нам называть наши настоящие имена. Я подавила смешок, вспомнив, как мы с Рейчел, изображая порнозвезд, придумали себе имена, составив их из кличек наших первых домашних животных и названий улиц, на которых выросли. У меня получилась Шелковая Королева, у нее – Туманный Замок.

– Вы в первый раз? – спросила Фиона.

– Да. – Мама послала в мою сторону «особенный взгляд» – такой, каким владеют все матери, и я взяла себя в руки. – Я Дафна, а это моя дочь Дженна.

– Очень приятно. Я экстрасенс. Представляете, что это такое?

– Общаетесь с умершими? – предположила мама, и я невольно закатила глаза.

– Не совсем. Я с помощью интуиции настраиваюсь на энергию людей или предметов и ощущаю окружающее вас духовное поле. С кого начнем?

– Мы пришли к вам ради Дженны. – Мать скинула с плеч кардиган и подалась вперед. – Со мной все в порядке.

Фиона на секунду закрыла глаза, а затем впилась в меня взглядом, от которого у меня вспыхнули щеки.

– Недавно вам пришлось подвергнуться серьезному испытанию?

Я кивнула. Ее слова не произвели на меня особого впечатления. Любой человек подвергается каким-либо испытаниям. Теряет близких. Поджав губы, я решила ничего ей не сообщать и, уж конечно, не упоминать имени Сэма.

– Вы недавно болели, – продолжала Фиона, а я, подавив вздох, подумала, что каждого недавно мог донимать кашель или мучить простуда. Или, по крайней мере, мигрени. Мысли уходили в сторону, я прикидывала, что мы будем есть на обед, когда все это закончится.

– Дженна, вы одна из близнецов?

Я удивленно посмотрела на мать.

– Мне об этом ничего не известно.

– У вас были основания полагать, что существовал второй плод? – Этот вопрос Фиона адресовала не мне, а матери.

– Нет, никогда, – ответила та.

Фиона нахмурилась:

– Я определенно ощущаю две энергии. Обычно это наблюдается, если имеешь дело с однополыми близнецами. Впечатление такое, словно борются две личности.

Мое новое сердце екнуло в груди.

– Эта другая энергия женская или мужская? – спросила я.

– Определенно женская, – отозвалась экстрасенс.

Я невольно наклонилась на стуле вперед. Неужели она говорит о доноре? Смешно, согласитесь. Прикусив губу, я размышляла, стоит ли сказать ей о трансплантации.

– Может, речь идет о ее бабушке? – предположила мама.

Меня охватила досада. Разумеется. Она говорит об ушедшей из жизни бабушке. Я выругала себя за то, что слишком легко поверила в особый дар Фионы.

– Нет, – возразила та. – Эта сущность моложе. И сильнее.

– Что же это такое?

За окном темные облака, закрыв солнце, превратили день в ночь. Я поежилась.

Фиона потянулась ко мне, взяла за руку, и я ощутила словно удар током и покалывание в пальцах. Я попыталась отнять руку, но она только усилила хватку – ее ярко-красные ногти впились мне в кожу. Когда она коснулась меня, мое зрение стало затуманиваться, а комната – проваливаться в пустоту, пока я не оказалась во тьме. Где я? Послышались крики. Сердце гулко колотилось, на лице выступил пот. Впереди возникла тень, появилось ощущение, что меня трясут. Я испугалась. Очень испугалась. Происходило что-то нехорошее, а я была беззащитна. Я проглотила едкий вкус собственного страха и сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, но ноздри забил металлический запах. Перед глазами повисла красная пелена. Кровь. Но в этот момент Фиона убрала руку, и я вернулась в Массонский зал. Моя грудь вздымалась от страха, я силилась что-то сказать, но не могла выговорить ни слова, только вытерла влажные ладони о джинсы.

– Ты в порядке, Дженна? – Мать испуганно коснулась моей руки. – Ты вся дрожишь.

– Что произошло? – Я едва могла говорить. – Это было так реально.

– Не знаю, дорогая, – проговорила мать. – Ты как будто отключилась...

– Она просит вас о помощи, – перебила ее Фиона.

– Кто? – К моим глазам подступали слезы. Я схожу с ума? Что я только что видела?

– Вам надо научиться слушать, что она вам говорит. – Фиона похлопала меня по руке.

Я вздрогнула от ее прикосновения, но на этот раз ничего не случилось.

– Не понимаю...

В дверь постучали, и в комнату вошли две девушки. Но, заметив нас с матерью, в нерешительности остановились.

– Простите.

– Все в порядке, – ответила Фиона. – С ними я закончила. Мне вам больше нечего добавить, Дженна.

– Но кто...

– Связь, которую я ощущала, оборвалась. Мне в самом деле больше ничего не известно. – Фиона говорила, словно извиняясь, но девушки уже нависли над столом и явно ждали, пока мы уйдем. Ноги у меня так дрожали, что мне потребовалось усилие, чтобы устоять. – Будьте осмотрительны, Дженна, – бросила мне вслед экстрасенс.

– Давай поищем, где посидеть, – предложила мама, беря меня под руку. – Никак не пойму, что она такое несла. Похожа на шарлатанку. Извини, дочка, надеялась, она скажет что-нибудь такое, к чему тебе захочется стремиться. А это ее «Будьте осмотрительны» выбрось из головы.

Мы спустились по лестнице.

– Присядь, доченька, принесу тебе воды. Ты такая бледная.

Я сидела у подножья какой-то лестницы и, закрыв глаза, пыталась разобраться, что же только что случилось. Сердце часто и сильно прыгало в груди. Вторая энергия? Неужели... разве такое возможно? Я приложила к ребрам ладонь и почувствовала, как мое новое сердце глухо стучит: *помоги, помоги, помоги.*

Глава 4

Когда мы с мамой выходили из Массонского зала, моя голова все еще шла кругом после встречи с Фионой. Испытанные мною ощущения казались невероятно реальными: чувство, будто меня трясли, кровь, мрачная фигура. Эпизоды, о которых я рассказывала Ванессе, обычно были залиты чернотой. Но этот опыт общения был совсем другим – словно я смотрела в калейдоскоп. Картина держалась секунду и сразу исчезала. Один поворот – и все пропадало, оставались фрагменты, не имевшие никакого смысла.

При мысли о «второй энергии», о которой говорила Фиона, у меня по спине бежали мурашки и в голове гудело от усилия разобраться в ее словах. Хотя я и не верила в экстрасенсорику, я не могла отрицать то, что почувствовала сама, и это меня нервировало и угнетало.

– Если хочешь, вернемся домой, – предложила мама. Ее голос оборвал мои мысли, и я заставила себя улыбнуться. Я понимала, что она планирует что-то еще, и не хотела ее разочаровывать.

– Со мной все в порядке. Не терпится узнать, что ты еще приготовила. – Я надеялась, что она не заметит, как я погрустнела.

– Сюрприз. Мы почти у цели. У тебя будет возможность посидеть.

Я поняла, что мне не удалось ее обмануть: мать понимала, насколько я выдохлась.

Вскоре она толкнула стеклянную дверь заведения, которое некогда было кондитерской. У меня перехватило дыхание от резкого химического запаха. Внутри глянцевые черные плитки составляли контраст блестящему хрому.

– Я записала нас к парикмахеру. За мой счет.

– Разве с моими волосами что-то не так?

Нас встретила девушка со светлыми крашеными волосами и стрижкой боб. Взглянув на меня, она скептически изогнула брови. Я почувствовала, что краснею, потому что не могла вспомнить, когда в последний раз мыла голову.

– Они слишком длинные. В понедельник тебе надо выглядеть на уровне, если ты по-прежнему планируешь выйти на работу. – Последние слова мать произнесла с заметной резкостью.

Я понимала, что она беспокоится обо мне. Но сколько бы я ни пряталась в своей квартире, это не могло продолжаться вечно. Положенное

мне пособие по болезни закончилось, и хотя отец сказал, чтобы я ни о чем не беспокоилась – он будет платить за мое жилье, – несмотря на все его заверения, это было ему не по силам, потому что он уже и так оплачивал мамины счета. Достаточно было увидеть его однокомнатную берлогу, чтобы понять, насколько он стеснен в средствах. Кроме того, мне нравилось работать ветеринарной медсестрой, и я расстроилась, когда врачи рекомендовали мне первые несколько месяцев после операции держаться подальше от животных. Существовал риск инфекционного заражения – особенно от кошек, – что могло привести к фатальным последствиям. Пришлось добавить и это к длинному списку того, что мне запрещалось в первое время: посещать места скопления людей, водить машину, заниматься сексом. Машины у меня не было, да и мужчины, с которым можно было лечь в постель, тоже, но это обстоятельство тем не менее воспринималось как лишение. Мне сократили дозу препаратов, препятствующих отторжению пересаженных тканей, и доктор Капур был доволен моим прогрессом, так что все приходило в норму. В мою новую норму. Врач согласился, что благоприятный психологический эффект от возвращения на работу перевешивает возможные риски, которые стали несравненно меньше, чем были раньше.

– По-прежнему планирую, – подтвердила я. – Линда за мной присмотрит.

Мама поджала губы. Она не сомневалась, что ни один человек не способен присмотреть за мной так, как она.

– Подровнять – это то, что надо. Спасибо, мам. – Я накрутила на палец длинную прядь мышинового цвета. Концы секутся, волосы намного тоньше, чем прежде. Я скинула пальто и развела руки, подобно манекену, – вокруг меня обвилась темная накидка.

Край раковины врезался мне в шею, когда, сжав челюсти, я откинула голову назад. Теплая вода попадала мне в уши и, остывая, просачивалась за воротник, но я сквозь стиснутые зубы подтвердила, что температура меня устраивает. «Да, да, мне вполне комфортно». Вода перестала течь, и сильные пальцы принялись массировать мне голову. По запаху я решила, что шампунь – лимонный. Прикосновения показались такими приятными, что я чуть не застонала от удовольствия, и напряжение растаяло.

В зеркале я увидела, как парикмахер провела расческой по моим волосам. В соседнем кресле мать макала в кофе печенье.

– Значит, только подровнять?

В мозгу полыхнул красный свет. Чувство легкости, которое я прежде не испытывала, влекло меня вперед. Словно после слов Фионы о второй

энергии мне стало не так одиноко. По другую сторону сознания слышался чей-то шепот, и у меня немного прибавилось решимости:

– Я передумала. Можем мы попробовать что-нибудь совершенно новое?

Теперь, без длинных волос, мою шею охлаждал ветерок. Я не могла удержаться и косилась на свое отражение в каждой витрине магазина. И не узнавала себя. Войдя домой, я застыла перед купленным на блошином рынке золоченым зеркалом и таращилась на себя.

– Вид вполне привлекательный. – Мама встала у меня за спиной.

– Не знаю, что на меня нашло. – Я вертела головой и тянула волосы на висках, словно от этого они могли подрасти.

– Признаюсь, смелый шаг для человека, который никогда не красил и не стриг волосы, но прическа тебе идет, – заявила мать. – Ты выглядишь моложе.

Я и так не старая, но поняла, что она хотела сказать. Напряжение последних нескольких месяцев отпечаталось на моем лице, но мальчишеская стрижка с рваными прядями мне понравилась.

– Чаю? – предложила мама.

– Давай. – Я вздохнула, когда она протискивалась за моей спиной на кухню.

Послышался шум льющейся из крана воды и щелчок выключателя электрочайника. Скрипнула дверца холодильника – мать доставала пакет с молоком, и я представила себе, как она принимает, решая, свежее ли оно.

Я же не могла оторваться от зеркала. От нового красного цвета волос оттенок кожи стал теплее. Лиловые мешки под глазами были не так заметны. Я подняла руки и обеими ладонями приладила волосы к голове. Какие мягкие! В кончиках пальцев возникло покалывание, как от электрического тока, и во мне всколыхнулся страх, который я ощутила на приеме у Фионы. Реальность словно разваливалась, изображение в зеркале помутнело, закружилась голова. Неужели снова? Только не это!

Тьма. Крики. Боль.

Страх напал так жестоко и быстро, что я реально ощутила, как мои легкие, прерывая дыхание, стягивает жгутом. Чувство опасности было удушающим, но через мгновение рассеялось, и я снова стояла в своем коридоре, привалившись к стене, будто без ее поддержки не могла удержаться на ногах. *Мне ничто не угрожает*, твердила я себе, но напрасно. Мелькнула мысль, что Фиона спустила что-то во мне с тормозов,

и я поежилась. Стала дышать глубоко и размеренно, но услышанный секундами ранее крик не исчез – тянулся вместе с нарастающей паникой. Доставшееся мне сердце колотилось о ребра, и я надавила на него пальцами. Кому ты принадлежало?

– Пора избавляться от навязчивых идей, – сказала мне Ванесса в прошлый вторник.

А если они не позволят мне от себя избавиться? Что тогда?

Глава 5

– Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать. Кто не спрятался, я не виновата.

Я открыла глаза и стала искать цветной всполох твоего рубиново-красного сарафана, но не видела тебя. Папа не велел заходить далеко, и ты должна быть где-то рядом. Но ты меньше меня и способна забиться туда, куда я не пролезу. Гравий хрустел под ногами, пока я бежала. В обувь попал маленький острый камешек. Прихрамывая, я приблизилась к гигантской деревянной сове и села на землю. Ее распростертые крылья скрыли меня от горячего желтого солнца. Я растянула ремешок сандалий из блестящего пластика и выбросила галечник обратно на дорогу.

В безоблачном небе носились чайки, оповещая криками округу о том, как они голодны. И у меня засосало под ложечкой, когда мимо пробежал мальчишка с хот-догом в руке, оставляя за собой запах жареного лука и кетчупа.

Жара меня достала. Я подбежала к изгороди и, привстав на мысочках, посмотрела поверх нее, но тебя там не оказалось.

То и дело слышались удары металлических клюшек по шарам. Я перелезла через забор и оказалась на площадке для детского гольфа. В кармане звенели монеты, которые отец дал мне на два рожка с шоколадной стружкой, и я почти ощущала прохладу мороженого и как я сталкиваю пальцем шоколад на дно конуса, оставляя самое вкусное напоследок.

Я окидывала взглядом пандусы и закоулки, выискивая маленькую фигурку с неряшливым хвостиком на затылке и коленками в болячках. Если быстро не найду, придется позвать тебя по имени, и тогда я проиграла. Но ничего не поделаешь, придется, и тогда мы сможем купить себе по рожку.

Этот звук я различила сквозь грохот волн вдалеке и визг малышни на игровой площадке. Плач. Я медленно повернула голову и напрягла слух, стараясь отсеять все постороннее. Вот снова! Плач. Теперь я точно знала, где ты находишься, и бросилась к деревянному строению, в котором хранились клюшки и шары для гольфа. Я опустилась на четвереньки. Твердая земля царапала кожу, жесткая трава щекотала ноги. Я заглянула вниз.

– Нашла! – Я протянула руку, ты вложила свою маленькую ладошку в мою, и я помогла тебе вылезти. Твое лицо было в грязи, по щекам текли слезы.

– Сто лет искала. – Ты громко шмыгнула носом. – Думала, никогда не найдешь.

Я наклонилась, достала из джинсовой юбки платок и помогла тебе высморкаться.

– Нашла бы, – ответила я. – Обещаю, буду всегда тебя находить.

Глава 6

В спальню проник мутный свет. Я свернулась на боку, обняв подушку, и смотрела в окно на небо, которое по мере того, как медленно поднималось солнце, превращалось из розовато-лилового в серое, а затем в голубое. Сон был беспокойным. Яркие видения были побочным действием преднизона, который я принимала, и я это знала, но, проводя ладонью по пятке, почти ожидала, что смахну с ноги на измятую простыню песчинки. Крики чаек и запах хот-догов были очень живы в сознании.

После душа я втерла в кожу кокосовое масло, и мои пальцы прошлись по тонкому – не толще бумажного листа – шраму на груди. Эд Ширан пел «Город». Я подавила зевок и принялась наносить консилер на темные круги под глазами.

Мелодия телефона известила, что звонит отец, и я включила громкую связь.

– Думал, ты вчера заскочишь взять книги, которые я брал у Линды, чтобы отнести их в понедельник.

– Извини, пап, вылетело из головы. Весь день провела с мамой.

– Как она? – спросил отец.

– Нормально.

Отец с шумом выдохнул, и я почти увидела, как он сдвигает очки и трет переносицу. Такое впечатление, что ему не терпится услышать, что она без него не может, что отчаянно хочет, чтобы он к ней вернулся, но я не могу тешить его ложными надеждами.

– Почему бы тебе самому не спросить ее об этом?

– Это не так просто.

– Это очень просто, если ты ее по-прежнему любишь. Так любишь или нет? Папа, она заговорила о разводе. Ты должен это пресечь, пока не поздно. – Мой голос взлетел вверх.

Последовала долгая пауза, и он переменял тему:

– Я понимаю, Дженна, почему ты хочешь выйти в понедельник на работу, но меня беспокоит, что нагрузка будет для тебя непомерной. Помоему, слишком рано. Почему бы тебе не поработать со мной? Я за тобой присмотрю, и уходить ты сможешь, как только устанешь – никаких проблем.

– Со мной все будет хорошо. Линда и Джон за мной присмотрят. И работать я буду неполный рабочий день. – Этот разговор отец заводил

миллионный раз. Я посмотрела на часы. – Мне пора.

– Спешись в какое-нибудь приятное место? – с надеждой спросил он.

– Рейчел обещала заглянуть. – Мне ужасно не хотелось его обманывать, но от мысли о предстоящей встрече с родственниками донора у меня внутри все переворачивалось, и не было сил разобраться не только со своими чувствами, но еще и с чувствами родителей. Кроме того, я сильно подозревала, что они, как и Ванесса, не одобряют моего шага.

Автобус сначала трясся по городу, а затем выехал на шоссе и стал набирать скорость. За окном овцы щипали изумрудно-зеленую траву, а пасущиеся в поле коровы на таком расстоянии казались ростом с собак-далматинцев. Идиллический пейзаж, зато в салоне воняло дешевыми духами и было слишком жарко. Я встревожилась, что мне не хватит воздуха, и, постаравшись отвлечься от этой мысли, стала успокаивать дыхание. Снова попыталась представить, какой была мой донор. Том – тот человек, которому я писала, – упоминал о ней в ответном письме как о «своей дочери», из чего я узнала, что во мне бьется женское сердце. И мне не терпелось узнать сегодня больше об этой женщине.

Скрип тормозов вернул меня к действительности: на крутом повороте наш автобус подрезал серебристый кабриолет. Шофер нажал на клаксон и резко крутанул руль. Мы виляли по травянистой обочине, и меня мотало слева направо, голову больно колотило о стекло. В груди похолодело от страха. Мир вокруг померк, словно меня перенесло в совсем иное место. Возникло ощущение, что меня трогают за руку и трясут. Я простонала.

– Все в порядке, мы ни в кого не врезались. Вы не пострадали? – Голос успокаивал, и я внезапно вернулась в автобус и устала на солнце сквозь немытое стекло. На меня с тревогой смотрел пожилой мужчина, а остальные пассажиры ворчливо ругали идиотов водителей. Дыхание было прерывистым. На меня опять накатило, и я пожалела, что рядом нет мамы. *Со мной все нормально. Нормально! Нормально!* Я напонила себе слова Ванессы о том, что мой страх от лекарств, но от этого он был ничуть не менее реальным. Ничуть не менее пугающим. Остаток пути в голове у меня гудело, и мне казалось, что меня крепко держали за руки – так крепко, что чужие пальцы впились мне в кожу.

Автобус остановился на ухоженной улице, в глубине которой стояли частные дома с эркерами. Судя по гугл-картам, мне предстояла двадцатиминутная прогулка, и я вышла из салона, рассчитывая частично снять напряжение. Ветер приносил аромат свежескошенной травы. Теплая погода поощряла автомобилистов помыть машины, а хозяев – заняться

газонами. Из-под земли пробивались колокольчики и нарциссы.

Следуя проложенному на смартфоне маршруту, я повернула направо. Как только центральная улица осталась позади, дома стали меньше, они казались уже не такими ухоженными и стояли ближе к тротуару. Солнце здесь, казалось, тоже светило не так ярко. По улице, будто перекасти-поле, несло шуршащий пакет, пока он не попал в забитый окурками водосток. Перед домом номер тридцать я удивленно остановилась: неужели моя донор обитала в таком жилище, на вид почти заброшенном?

Когда-то здесь была дорожка. Под пробившимися сквозь трещины в бетоне сорняками огромных размеров виднелись очертания серых плиток. Грязные окна были затянуты пожелтевшей сеткой, краска на деревянных наличниках облупилась. Я пробралась сквозь крапиву и нажала на кнопку дверного звонка, но, не услышав его звука, повторила попытку большим пальцем. Из соседнего дома донесся грохот, послышалась ругань, и на улицу выскочил маленький мальчишка – под носом засохшие сопли, на груди давно не стиранной майки жирные пятна от еды. Я улыбнулась ему, мальчишка показал мне два пальца, и я почувствовала, что краснею. Отвернулась к двери и постучала с такой силой, что заболели костяшки пальцев.

Дверь со скрипом отворилась. Мне открыла женщина с посеревшим от горя лицом, которое прорезали глубокие морщины тревоги, по ее плечам рассыпались волнистые светлые волосы.

Мы стояли словно громом пораженные – так подействовала на нас эта встреча. Потребность обнять ее была настолько сильной, что я спрятала руки в карманы.

– Здравствуйте. Вы Аманда? – Вопрос был совершенно лишним, все и так было ясно. – Я...

– О боже... – Она закрыла ладонью рот и, качая головой, отступила назад. Глаза ее округлились, и она захлопнула дверь.

Глава 7

Соседский мальчишка залился смехом, а я так и осталась стоять с разинутым ртом, слишком пораженная, чтобы пошевелиться. Я смотрела на закрытую дверь – на голые доски под облупившейся краской, на не совсем ровно прибитый номер дома. Изнутри доносился запах забившейся канализации. К горлу подкатила тошнота, я сжала зубы, прикусив при этом язык. Во рту возник привкус крови и унижения. Я неделями представляла этот день – нашу первую встречу. И никак не ожидала присутствия маленького сорванца, приплясывающего в стороне и выкрикивающего: «Неудачница!» Никогда я не чувствовала себя такой маленькой и жалкой.

Ощущая, как пылают мои щеки, я порылась в сумочке и достала смятый клочок бумаги с адресом. Все верно – это тот самый дом. Как теперь поступить? Дверь снова скрипнула. На этот раз на пороге показался темноволосый краснощекий мужчина.

– Дженна? – Он протянул мне руку. Его ладонь была теплой и влажной. – Простите за Аманду. Я подумал, что, если отправлю ее открыть вам дверь, ей будет легче держать себя в руках. Перед встречей с вами она очень нервничала, но ваши волосы вызвали у нее настоящее потрясение. Понимаете?

Я коснулась ладонью затылка. Я понятия не имела, что он имеет в виду, и уже собиралась спросить, как он снова заговорил:

– Я Том, но вы об этом уже догадались. Входите, пожалуйста.

Сердце у меня колотилось о ребра, словно узнав его голос. Я переступила порог. К глазам ни с того ни с сего подступили горячие слезы, но я сдержалась и не расплакалась.

– Чувствуйте себя как дома.

В середине ковра я заметила полосу, которая была темнее, утоптаннее и засаленнее, чем все остальное, – результат многолетнего хождения по этому месту. Двигаясь по коридору, я вдруг осознала, что иду по стопам своего донора. Наступаю на пол там же, где она. Меня поразила немислимость происходящего.

В гостиной было душно. Сквозь стекла окон пробивалось солнце, тянуло запахами с кухни. Аманда утопала в кресле с цветочной обивкой.

– Простите меня, Дженна. – Она не могла на меня смотреть, а Том, наоборот, не сводил взгляда с моего лица.

– Хотите чаю? Я могу заварить, – предложил он.

– С удовольствием. – В этой духоте я предпочла бы стакан воды, но понимала, что ритуал кипячения воды и заварки чая сделает происходящее более обыденным, чем-то в порядке вещей. Том направился к двери в дальнем конце гостиной. Я же ухватилась за свой шарф и оттянула его от шеи, чтобы было легче дышать, но все же не сняла, будто закрывающая шрам ткань могла скрыть причину моего появления в этом доме. Вот уж глупость. Ведь эти люди ни о чем не забыли.

Я пожалела, что не принесла никакого подарка – ни шоколада, ни цветов – ничего такого, что помогло бы растопить лед. Конечно, я думала об этом. Но мне не хотелось показаться неделикатной. Тот подарок, который они сделали мне, не мог сравниться ни с чем на свете. Но, придя к ним с пустыми руками, я почувствовала себя невежей. Я кашлянула. Аманда подскочила, словно забыла о моем присутствии.

– Том скоро вернется. Располагайтесь удобнее. – Она говорила так тихо, что я боялась пошевелиться, чтобы не пропустить ни слова.

– Спасибо. – Я поставила сумочку на пол и огляделась. Обои с изображением цветов магнолии потемнели от старости. Стоящий в углу телевизор с плоским экраном был покрыт толстым слоем пыли. Под окном виднелась большая китайская ваза. Заляпанный пятнами стеклянный журнальный столик опирался золотистыми ножками на выцветший коврик с желтовато-зеленым узором. Мебель оказалась солидной. Дорогой. Не такой, какую можно было ожидать увидеть, глядя на фасад дома. На стенах висело несколько написанных маслом небольших картин.

– Какая прелесть! – Я подошла к одной из них, чтобы рассмотреть получше. Две девочки, держась за руки, стояли у кромки океана в набегающих волнах, переливающихся в лучах маслянисто-желтого солнца. Брызги воды навсегда застыли на их смеющихся лицах. – Очень хороши. Они все кисти одного художника? – Я перешла к следующей картине. Вверху была изображена чайка в полете, а внизу, на песке, к земле припала маленькая девочка и, глядя на птицу, загоразивала пухлыми ручонками пакетик с чипсами.

– Это я рисовала, – ответила Аманда.

– Вы очень талантливы. Мне всегда хотелось рисовать, но в моей квартире так и не нашлось места для мольберта. Хотя я пытаюсь делать какие-то наброски. – Меня подмывало спросить, рисовала ли также и ее дочь, но я побоялась затронуть эту тему, чтобы не расстроить ее еще сильнее. – С вами не сравнюсь. – Мой голос прозвучал громче, чем я предполагала, прокатился по комнате и показался совершенно неестественным.

На полке над газовым камином в окружении фотографий стоял серебряный наградной кубок. Когда я подошла поближе к смотревшему на меня множеству лиц, сердце у меня екнуло. Неужели одна из запечатленных на снимке девушек – мой донор?

Мой взгляд остановился на викторианской рамке рядом с фотографией Тома с рыбой и удочкой. Я взяла ее в руки – рамка была тяжелее, чем казалась, и, чтобы удержать ее на весу, потребовалось усилие. В объектив, обнявшись, смотрели две девушки. У той, что стояла слева, была мальчишеская стрижка, и волосы окрашены в красный цвет. Я потянулась к своим волосам. Неудивительно, что Аманда испытала потрясение, когда открыла дверь и увидела меня.

– Это ваша дочь? – спросила я, не сомневаясь в ответе.

– Да. Калли.

– Калли. – Я покатила слово на языке. Как ты умерла, Калли? В комнате было жарко и душно, но кожа у меня на руках покрылась мурашками, и я не могла сдержать дрожь.

Глава 8

– Кто это рядом с Калли? – Я пригляделась ко второй девушке на фотографии. У нее были длинные пепельные волосы. Когда я рассматривала ее лицо, меня не покидало ощущение, что эта девушка мне знакома, хотя я сомневалась, что мы когда-нибудь встречались.

– Это Софи, наша младшая дочь.

– Она здесь? – Я посмотрела через плечо, почти ожидая, что девушка сейчас появится.

– Нет. – Голос Аманды дрогнул. – Ее мы тоже потеряли.

– Простите. – Я аккуратно вернула фотографию на полку. Футболка прилипла к телу, и я отлепила ее от живота. Казалось, из комнаты выкачали весь воздух, и я не могла понять, как Аманда выдерживает здесь в своей шерстяной кофте. Вероятно, она потеряла способность чувствовать – во всех смыслах этого слова.

Мы неловко молчали. Ком в горле становился все плотнее. Казалось, можно было залезть внутрь пальцами и достать его. Послышалось брэнчание посуды. Я вскочила на ноги, и в это время в гостиную вошел Том с серебряным подносом, на котором звякали друг о друга чашки и блюдца.

– Присаживайтесь, Дженна. Чувствуйте себя как дома.

Том улыбнулся, и я решила, что его улыбка искренняя, более искренняя, чем моя. Мне отчаянно хотелось уйти, оставить этих людей, потому что я не знала, как их утешить.

– Угощайтесь. – Том подхватил кубик сахара и с плеском опустил его в свою чашку. – Печенье?

– Спасибо. – Я взяла песочное печенье, но была слишком взволнованна, чтобы есть, поэтому положила его на коленку и, слизнув с пальцев сахар, всеми силами старалась подавить панику. Ужасно! Я никогда не была мастером светских разговоров, и хотя не хотела ходить вокруг да около причины своего появления в этом доме, не могла и сразу же броситься ее обсуждать. Я беспокойно смотрела по сторонам и ерзала на стуле.

– Чья это награда? – Я показала на полку над газовым камином.

– Тома, – быстро ответила Аманда. Я решила, что она благодарна мне за то, что мы пока не заговариваем о Калли.

– Мой отец всю жизнь играет в гольф.

Отец играл с Джоном по субботам после обеда. Мать с Линдой в это время иногда ходили по магазинам. Его клюшки до сих пор лежат в ее гараже. Наверное, он скучает по игре, и ему их недостает. Хорошо бы он начал снова играть, но таковы последствия разрыва человеческих отношений. Люди оказываются по разные стороны баррикад и теряют друзей.

– Я поздно начал, – сказал Том. – А три года назад перенес инфаркт. Но посчитал, что слишком молод для долговременных проблем с сердцем, и заполучил второй. Некоторое время был на волосок от смерти – врачи считали, что я не выберусь. Калли и Софи перепугались. Софи каждый день допрашивала меня – что я ел, что пил, жила в постоянном страхе, что я вот-вот умру.

– Мы все боялись, – прервала его Аманда.

– Знаю. Я бросил пить и курить, приучил себя к быстрой ходьбе, стал играть в гольф. Но это занятие нравилось мне куда меньше, чем рыбалка со старшим братом Джо в прежние времена. Сидя у реки, клюшкой не помашешь, не тот эффект для здоровья. Трудно соблюдать режим, если он тебе не нравится. Вот Аманда со своей йогой – каждый день встает в шесть утра и занимается, а я больше не делаю упражнений.

– А надо бы. Я не вынесу, если с тобой что-нибудь случится, Томас. – Лицо Аманды горестно скривилось.

– Никуда я не денусь. – Том потянулся к ней и убрал с ее щеки волосы. – Останусь с тобой. – Этот жест был настолько естественным и интимным, что у меня сдавило грудь.

– Странная игра гольф, – продолжал Том. – Проходишь за мячом много миль. Хорошо одно – не сидишь дома. Я провел так много времени лежа, отдыхая, что, казалось, оторвался от мира. Аманда сказала, что мне необходимо хобби, чтобы себя занять. Без нашего бизнеса я как-то потерялся. На время моей болезни бразды правления взял мой брат Джо. Предполагалось, что на время, но я так и не вернулся к делам. Мне нельзя подвергаться стрессу. Мне сказали, я подчинился. – Говоря это, он улыбнулся Амалии.

– Чем вы занимались? – Я была рада, что Том оказался таким разговорчивым.

– Торговал автозапчастями. Мой отец был сборщиком металлолома. В отличие от Аманды я не родился в богатстве. Когда мы начали встречаться, ее родители пришли в ужас. Не могу сказать, что они и потом прониклись ко мне. Сейчас они живут во Флориде. Я, конечно, не завидная пара. Рос в муниципальном районе. Мать была уборщицей, отец – сборщиком

металлолома. Но Аманда во мне что-то нашла. Согласись, дорогая.

– И до сих пор нахожу. Ты хороший человек.

– Сначала я продавал страховки, но, когда отец скончался, оставив нам с Амандой мастерскую, а старшему брату Джо дом и деньги, я подумал: почему бы не попробовать? Дело свернулось после смерти Калли. Не было сил продолжать. С Джо вы еще познакомитесь, он завезет Аманде рецепт, по которому повторно отпускают лекарства. Он для нас настоящая находка. Не знаю, что бы мы без него делали.

Аманда насупилась и, заметив, что я на нее смотрю, объяснила:

– Болезнь Томаса стала для меня настоящим кошмаром. Когда врачи предупредили, чтобы я готовилась к худшему, я была сама не своя. И когда он выписался и вернулся домой, просто замучила его своими заботами.

– Уж это точно. Брызгала повсюду «Деттолом», чтобы исключить мои контакты с микробами. Представляю, какой это стресс, если близкий человек тяжело болен.

– Я едва справлялась. – Аманда заправила прядь волос за ухо. – У нас обо всем заботился Том, и вдруг все свалилось на меня. Я даже не знала, когда меняют контейнеры для мусора. Пришлось во все вникать.

– Тебе прекрасно удалось держать хозяйство в порядке, – заметил Том.

Аманда грустно покачала головой и спросила:

– Как родители пережили вашу болезнь?

– Судя по всему, она их развела. Когда я заболела, они расстались.

– Как жаль! – посочувствовала Аманда. – Может, все еще утрясется?

– Надеюсь.

– Не исключено, что теперь, когда вы выздоравливаете, им нужно отдохнуть друг от друга, – предположил Том. – Когда я пошел на поправку, Софи укатила на несколько недель – отправилась путешествовать. Прискорбно, но мы больше никогда не были так близки, как тогда. Она проводила больше времени со своим приятелем, чем с нами. Девочка росла, и, вероятно, отдаление от нас стало частью ее взросления. Каждый идет своим путем. Согласны?

– Вероятно. – Я кивнула, однако подумала, что в разрыве моих родителей есть нечто большее, чем то, что они мне рассказали.

– Так вы ветеринарная сестра и живете в центре города?

Я обрадовалась тому, что Том переменял тему разговора.

– Приятно, что вы находитесь так близко от нас. В больнице пришли в ужас, узнав, что мы получили письмо непосредственно от реципиента. Советовали не встречаться, но я подумал...

– Мне безразлично, что там говорят, – вырвалось у Аманды. – Вы к

нам пришли, и у меня такое ощущение, что вместе с вами находится часть Калли. В этой комнате. Невероятно!

Атмосфера переменялась, наполнилась теплом. И когда мы встретились с Амандой глазами, я ощутила, что между нами установилась новая связь. Она расплакалась, и я почувствовала, что у меня тоже потекли по щекам слезы.

– Она спасла вам жизнь. Наша маленькая девочка... – Голос Тома сорвался.

– Направляясь к вам, я приготовила речь. – Я смахнула слезы кончиками пальцев. – Но вот я здесь и говорю... спасибо. Этого недостаточно, но я не могу выразить, насколько благодарна. И мои родители тоже. Такой бескорыстный шаг. Не могу себе представить...

– Невыносимо подумать, что другим родителям пришлось бы страдать, как нам. Я хотела поступить, как должно, сделать правильный выбор. – Аманда вынула из рукава платок и в тишине высморкалась.

А я лихорадочно подыскивала слова. Хоть какие-нибудь слова. Часы тикали, Аманда шмыгала носом, и в итоге заговорил Том:

– Калли тоже жила в центре. Такое совпадение.

– Моя мама утверждает, что не существует такого понятия, как совпадение. События либо случаются, либо не случаются. Она всецело верит в судьбу. Или верила... до того, как... – Я запнулась, понимая, насколько бестактно звучат мои слова. Судьба или не судьба, но случается такое, что невозможно постичь.

– У вас есть братья или сестры, Дженна? – спросил Том.

– Нет. Я единственный ребенок в семье. Но мне всегда хотелось иметь младшую сестренку, за которой я могла бы ухаживать. – Мой взгляд упал на фотографию, где Калли была изображена с Софи, и я вздрогнула: снова сказала глупость.

Но Аманда немного оживилась:

– Калли тоже хотела сестру. Оберегала Софи. Всегда приходила на помощь. Если сестра застревала на вершине горки и боялась спуститься или терялась в супермаркете, Калли тут как тут. Они были очень близки. Правда, Томас?

– На первый взгляд похожи как две капли воды, но по характеру совершенно разные. Интересно было наблюдать, какая между ними установилась связь. Мы с Джо тоже росли вместе, и, когда были совсем юными, он заботился обо мне. Родителям приходилось много работать. Так же получилось у Калли с Софи.

Я проглотила застрявший в горле ком и наконец решилась:

– Вы не будете возражать, если я спрошу, как умерла Калли?

Атмосфера в комнате сгустилась, Том со стуком опустил чашку на блюдце, и я, заметив, как он сжал пальцы, с замиранием ждала ответа.

Глава 9

– Калли погибла в автокатастрофе, – сказал Том, а лицо Аманды съезжилось, словно из него вынули скулы. Она принялась раскачиваться на стуле. – Может быть, хочешь лечь? – спросил Том. И, когда она кивнула, не в силах произнести ни слова, взял ее под локоть и помог встать.

В моей голове роились мысли и чувства. С одной стороны, я хотела попросить Аманду остаться, заверить, что у нас нет необходимости говорить о Калли, с другой – меня ярким горячим пламенем жгло желание узнать больше о смерти ее дочери, и это не позволило произнести слова, которые следовало сказать. Я безвольно наблюдала, как она, шаркая ногами, идет к двери. Том обнимал ее за талию, она опиралась на него. И еще долго слышались ее неверные шаги, когда они поднимались по лестнице.

Оставшись одна, я бросилась к окну и, рванув в сторону плотную занавеску, стала давить на раму, пока она, хлопнув, не открылась. Я стояла и вдыхала свежий бодрящий воздух, словно пловец, вынырнувший на поверхность после погружения.

У меня над головой поскрипывал потолок – это Том возвращался, спускаясь по лестнице.

– Для меня это слишком больно, – сказал он, появившись в гостиной со стопкой фотоальбомов, которую положил на пол, где она тут же развалилась. На потертый ковер выскользнули отдельные снимки. Встав на колени, я подхватила меньшую копию того, что стоял на камине, – изображение Калли с Софи. Я не могла отвести от него взгляда.

– Мы напечатали много таких, хотели сделать рождественские открытки, – объяснил он. – Возьмите, если хотите.

– Спасибо. – Аккуратно спрятав снимок в сумочку, я стала разглядывать другие фотографии. В груди у меня щемило: передо мной разворачивалась короткая жизнь двух девушек.

Том долго молчал, а когда заговорил, слова падали медленно и тяжело, как свинец:

– Мы поехали на свадьбу к дочери нашего давнего соседа: я, Аманда и Калли с Натаном.

– С Натаном?

– Это жених Калли. Славный парень. Они были вместе пять лет. Мы считали, что ей слишком рано сходиться с мужчиной, но Натан о ней по-

настоящему заботился, оберегал. В тот вечер ребята заехали за нами, и я заметил, что они мало разговаривали по дороге. И на свадьбе были какими-то тихими, хотя мы не очень-то их слышали в шуме и гвалте, которые устроил там диджей. Грайм – кажется, так Калли называла этот стиль – определенно не в нашем вкусе. Для нас было большим облегчением, когда диджей приглушил звук, чтобы дать собравшимся поесть. Мы с Аmandой проголодались, но Калли с Натаном сказали, что пока подождут. Когда мы вернулись к столу, их там не было, и мы решили, что они опять пошли танцевать. И лишь когда диджей объявил танец счастливых новобрачных, мы поняли, что наши молодые исчезли. Не знаю, когда они уехали. Мы проверили туалеты, затем вышли на улицу – посмотреть, не решили ли они подышать свежим воздухом, и тут заметили, что их машины нет. Я попытался им звонить, но никто не отвечал. Вот тогда я встревожился. Это было не похоже на Калли – исчезнуть, не попрощавшись. – Лицо Тома страдальчески скривилось. – Больше я живой ее не видел.

– То есть авария... – Я запнулась, понимая, какими бесчувственными могут показаться мои слова. – Все случилось по дороге домой?

– Нет. Не сумев дозвониться, мы взяли такси и поехали к ним. Машины возле дома не оказалось, но свет горел. Нам открыл Натан и объяснил, что у него разболелась голова и он вернулся домой на такси. Неудивительно, заметил я, в таком-то гвалте. Автомобиль он оставил Калли, потому что она сказала, что хочет задержаться с нами. Он ей тоже звонил, но и ему она не ответила.

– Как вы поступили?

– Натан был в панике – собирался немедленно ее искать. Но я попросил его остаться на месте и обзвонить всех ее друзей – в том числе Сару и Крису с работы – и больницы. Машины у Натана не было, и я хотел, чтобы он был дома на случай, если Калли объявится. Сами мы поехали домой на такси. Возможно, они поссорились, а Натан не признается, сказал я Аманде. Будем у себя, может, Калли приедет к нам. В школе у дочери было много друзей, но, сойдясь с Натаном, она почти никуда не выходила одна. Они постоянно были вместе. Как будто приклеилась к нему, говорил я.

– Они часто ссорились?

– Господи, никогда! Я вообще не слышал, чтобы Натан повышал голос. И нам в голову не приходило, что они могли поругаться. Но они весь вечер были такими тихими, и мы старались понять, что бы это значило. Представить все возможности. – Том помолчал, а когда заговорил вновь, его голос звучал гораздо тише: – Зазвонил телефон, и у меня похолодела

кровь: я не ждал хороших новостей. Звонили из больницы. Калли нашли на газоне в Вудхейвене. Машина врезалась в дерево. Калли... – Том сглотнул застрявший в горле комок. – Калли вылетела через лобовое стекло. Когда мы приехали в больницу, она была едва жива. – Он прижал к векам кончики пальцев, словно пытался прогнать ужасную картину.

– Вудхейвен? Это то место, где играли свадьбу? – Примерно в сорока милях. Мы с Сэмом как-то проезжали там, возвращаясь с побережья, и остановились выпить сидра в пабе в виде бунгало на травяном газоне. В парке было много деревянных скамеек и ярких разноцветных зонтов.

– Нет. Свадьбу играли совсем в другой стороне. У Калли не было причин оказаться в Вудхейвене.

– Натан не мог подсказать, почему так случилось?

– Он был безутешен. И сбит с толку не меньше нас. Полиция задавала вопросы по поводу психического состояния Калли: не могла ли она сознательно направить машину в дерево? – Краска отхлынула от лица Томаса. – Видите ли, она не была пристегнута ремнем безопасности. – Теперь он заметно дрожал. – Трудно представить, в каком надо быть упадке духа, чтобы сотворить с собой такое. Только это не о нашей Калли, она была совершенно счастлива. Если бы было по-другому, мы бы об этом знали. Вы согласны?

– Конечно. – Я коснулась его руки.

– Я думаю так: она вывернула руль, чтобы на кого-то не наехать. На животное, выскочившее прямо перед капотом. Это очень характерно для Калли – для нее было совершенно невозможно причинить другим боль. На дороге не было следов торможения, но полицейские сказали, что так бывает, если асфальт мокрый. – Том открыл коричневый кожаный альбом, перелистал страницы и, вынув снимок, протянул его мне. – Вот Натан.

Осторожно, сознавая, что кончики пальцев могут оставить на фотографии следы, я взяла ее за уголок и положила на ладонь. На меня смотрел высокий, смуглый, симпатичный парень. Взглянув на его вьющиеся волосы и шоколадные глаза, я почувствовала, как у меня затрепетало глубоко в груди. На снимке Натан и Калли стояли на запорошенной снегом лужайке. На заднем плане, несмотря на зиму, деревья и кусты были в ярких цветных точках. Калли прижалась к груди Натана щекой и смотрела на него с обожанием.

– Вы поддерживаете с ним отношения?

– Нет. Он был вне себя от горя. И, если честно, я ему тогда нагрубил. Утверждал, что он не мог не знать, что Калли с нами нет, практически обвинил во лжи. А тут еще полиция со своими вопросами. – Том покачал

головой. – Я не хотел его обидеть – знал ведь, как сильно он любил нашу дочь, но эмоции взяли верх. Наверное, хотел найти виноватого. Ужасно. На похоронах Калли мы не сказали друг другу ни слова, а на поминки он не пришел. Потом я извинился, и, когда через несколько месяцев он завез ее вещи, мы выпили чаю. Но разговор получился неловким. А ведь раньше... до того... он был мне как сын. – Голос Тома от волнения дрожал.

– Здесь они выглядят счастливыми.

– Так и было. Он в ней души не чаял. Это их первое Рождество.

– Где они снимались? Симпатичное место. – Я перевернула фотографию, но на обороте надписи не оказалось.

– Дома. Раньше у нас было красиво. Калли нравилось ухаживать за садом, а не сидеть взаперти. Мы-то с Амандой в садоводстве совсем ничего не смыслим.

Я посмотрела сквозь стеклянную дверь на небольшой мощный дворик.

– Не здесь, – объяснил Том, заметив мое недоумение. – Раньше мы тоже жили в центре, но после того, что случилось с Калли, и крушения бизнеса больше не могли тянуть ипотеку и переехали сюда.

– Простите. – Я не могла себе представить, сколько им пришлось пережить за год.

– Есть гораздо более неприятные вещи, чем потеря денег. – Том коснулся моей руки. – А мы выкрутились. Были кое-какие накопления, выручает оставшаяся с прежних дней страховка, которая дает небольшой доход. Пусть сейчас мы на мели, но пятьдесят лет – не тот возраст, чтобы окончательно отказаться от работы, и я планирую чем-нибудь заняться, если найду место. Хотя на меня уже смотрят, как на динозавра, да и Аманду не хочется оставлять одну – она такая слабая.

Том забрал снимок, а я вернулась к первой странице альбома. Калли и Софи, но гораздо более юные, позировали на золотистом песке. За ними блестело море, с неба обжигало оранжевое солнце. Девочек можно было принять за близняшек: одинаковые светлые волосы, одинаковые желтовато-зеленые купальники.

– Им нравилось на побережье. Софи плавать не умела, но любила бултыхаться в воде. Каждый год они закапывали меня в песок.

Следующая фотография могла сойти за поздравительную открытку: родители с красивыми дочерьми на фоне рождественского дерева. Светили огоньки гирлянды, на ветвях были симметрично развешаны серебристые украшения. Калли и Софи держали в руках блюдо с имбирными пряничными человечками.

По сравнению с фотографией Том почти не изменился. Похудел, в глазах не было улыбки, но он был вполне узнаваем. Но чтобы понять, что рядом с ним Аманда, мне пришлось поднести фотографию к глазам и всмотреться в изображение. Лицо более округлое и гладкое, волосы пышнее и отливают цветами меда и жженого сахара. На шее искрится кулон в виде звезды – рубины и бриллианты сияют так же ярко, как ее улыбка. Когда Аманда открыла мне дверь, я решила, что ей за пятьдесят, но сейчас подумала, что ей должно быть лет на десять меньше. Горе ее иссушило.

На последнем фото в альбоме были Калли с Натаном. На нем – желтый галстук, кремовая гвоздика в петлице. На ней – элегантное длинное красное платье в блестках, которое должно было диссонировать с ее крашеными малиновыми волосами, но почему-то хорошо с ними сочеталось. Они сидели за круглым столом, в центре которого помещался искусно составленный букет. Но не он, а лицо Калли привлекло мое внимание. Я с удивлением взглянула на Тома. Он вздохнул.

– Неудачный снимок. Совсем ее не красит. В тот день Калли ударилась на работе о шкаф. Она бы его стерла, если бы увидела, но это последнее ее фото, которое мы сделали.

– Снято вечером, перед тем как она погибла?

– Да.

Калли сидела, отвернувшись от Натана и наморщив лоб. Она то ли была поглощена своими мыслями, то ли смотрела на что-то, что не попало в объектив фотоаппарата. Густая косметика не могла скрыть синяк под глазом и распухшую щеку.

Глава 10

– Калли так и не пришла в сознание, – продолжал Том.

Фраза повисла между нами. С таким же успехом эти слова мог произнести мой отец обо мне. Я посмотрела Тому в глаза.

– И как вы поступили? Подписали согласие на донорское изъятие сердца?

– Она бы этого хотела. Я с вами откровенен, Дженна. – Том сжал мне руку, и у меня по телу разлилось ощущение теплоты. – Мне приятно сознавать, что Калли спасла вам жизнь. И я думаю, для Аманды хорошо, что вы здесь – это может хоть немного вытащить ее из черноты. Во всяком случае, это надежнее, чем чертовы таблетки, которыми ее пичкают врачи. От них у нее лишь упадок сил, но никакого подъема настроения. Она ни с кем не разговаривает, не выходит из дома. Знакомство с вами и уверенность, что часть Калли продолжает жить... – Он похлопал меня по руке. – Я рад, что вы приехали.

– Я тоже рада, – ответила я. И это было правдой.

– Надо посмотреть, как там Аманда. – Том пересек гостиную, но теперь не прежней целенаправленной походкой, а мелкими, неторопливыми шагами, шаркая по полу подошвами. Он, казалось, хотел что-то добавить, а подойдя к двери, обернулся и привалился к косяку: – Ну почему все так случилось? Вопросы, вопросы. Аманда, оглушенная лекарствами, по ночам спит, а я ломаю голову. Почему они уехали со свадьбы? Как Калли оказалась в Вудхейвене? Почему Натана не было рядом с ней? Готовясь к похоронам, мы с ним об этом заговорили. Он разрыдался и сказал, чтобы я перестал об этом твердить, иначе сойду с ума. Но я-то плакать не мог – настолько был зол. Знал, что Натан прав: даже если мы выясним, как погибла Калли, дочь нам не вернуть. – Том покачал головой. – Никогда не понимал, что американцы подразумевают, когда упоминают катарсис... Извините. – Он пошаркал ногой по ковру.

– Вам не в чем извиняться.

– Аманда не может об этом говорить. Не в состоянии. Утверждает, что знание не принесет покоя. Покой придет лишь в одном случае – если Калли вернется. Но это невозможно. Наверное, она права. Не знаю. Но это так мучительно – оставаться в неведении. Я даже проверил ее мобильный телефон, когда Натан его вернул, хотя понятия не имел, что искал. Может быть, она просто любила погонять? Мне этого никогда не узнать. – Губы

Тома скривились, и мне на какое-то неприятное мгновение показалось, что он вот-вот расплачется, но он наклонился и подобрал с пола невидимую нитку. А затем, понутив плечи, вышел в коридор. Больше всего на свете мне хотелось ему помочь, но как это сделать? И что сказать?

– Вот уж чего человек никак не предполагает, так это того, что ему придется хоронить своего ребенка. – Эти слова сорвались с губ вернувшегося в гостиную Томаса, словно он больше не мог держать их в себе.

– Это совершенно неправильно, – начала было я, но он сел и продолжал говорить:

– Церковь была переполнена – обычное явление, когда умирают молодые. А Аманда хотела, чтобы присутствовали только родные. Похоронить дочь в тесном кругу. Никому из нас не хотелось вести светские разговоры, но весть облетела округу, и я в итоге обрадовался, что нашей дочери пришли оказать уважение столько людей. Ее коллеги. Даже прежние школьные друзья. Я думал, что, сойдясь с Натаном, она со многими перестала общаться, но нет, явилось столько народу. Мы не всех узнавали, и сейчас бы я не взялся сказать, с кем мы тогда виделись, – все происходило будто в тумане. Звучала композиция «У меня есть мечта» квартета «АББА» – любимая песня нашей дочери. На поминки в паб пришли совсем немногие – только чтобы выпить по рюмке. И мы вздохнули с облегчением, когда остались одни.

– Представляю, что вам пришлось пережить. – Сама я была всего на одних похоронах – и то маленькой, когда ушла из жизни моя бабуля. Никогда не забуду тот озноб, который я испытала в храме, и запах восковых свеч.

– Тот день вообще был ужасным, – продолжал Том, и я заметила, как задергалась его щека. – Вернувшись с похорон, мы обнаружили, что в доме все перевернуто вверх дном. Полицейские сказали, что это обычное дело. Можете себе представить, что на свете живут люди, которые добывают деньги, проникая в дома, когда хозяева хоронят родных? Как их только земля носит? Аманда обезумела от горя. Но мы все равно решили переезжать – упаковать вещи, уехать вон из центра и начать все сначала. Но память... она с тобой, куда бы ты ни делся. От нее не скроешься.

– Сочувствую. У вас много украли?

– Взяли из сейфа наличные. Украшения – у Аманды было несколько хороших вещиц. Сделанная на заказ звезда с рубинами и алмазами стоила кучу денег, но в тот момент все это нам казалось неважным. Вещи – дело наживное, а человека не вернуть.

В комнате повисло молчание. Где-то вдалеке лаяла собака. Том подавил зевок. Солнце переместилось на небе и теперь светило с задней стороны дома. Теплый золотистый отсвет проникал сквозь грязное дверное стекло и разливался по дивану, на котором сидел замолчавший хозяин. Луч коснулся его головы, и сквозь жидкие волосы стала видна кожа – бледная и дряблая. Он показался мне старше, чем в тот момент, когда я пришла. Я сочувствовала ему от всей души. Не могла представить, что он должен испытывать, потеряв двух дочерей. Мне хотелось узнать, что случилось с Софи, но для одного раза с него явно было довольно. Я поднялась.

– Мне пора. Могу я зайти в ванную или это разбудит Аманду?

Том выпрямился и поднял голову:

– Она приняла снотворное. Теперь ее разбудит только землетрясение. Дверь напротив верхней лестничной площадки.

Наверху я скользнула мимо открытой двери, за которой, судя по всему, находилась спальня Аманды и Тома. Там царил темнота, и наружу сочился кислотный запах.

– Нет, нет, нет, – бормотала Аманда, и я, повинувшись инстинкту, подошла к ней.

Из-под ночной рубашки торчали острые ключицы – она выглядела еще более худой, чем в гостиной, закутанная в кофту. Казалось, ее тело не рассыпалось лишь благодаря опутавшим его нитям горя, но она так сильно мотала головой, что я испугалась, что они порвутся и не останется ничего, что бы держало ее на свете. Я стала успокаивать ее словами, которые Аманда не могла слышать, отвела с впалых щек влажные волосы.

Мне трудно было от нее оторваться, но я на цыпочках вышла на лестницу. Заглянув в соседнюю комнату, увидела, что все помещение забито коробками. Стены бледно-розовые, обои с нарисованными на них кроликами местами отклеились. Не задернутые до конца сиреневые занавески на окнах были настолько тонкими, что не препятствовали свету. Последней хозяйкой здесь явно была маленькая девочка, и я не могла вообразить, с какими чувствами Аманда и Том переступали порог – слишком многое здесь навело тяжелые воспоминания. На одной из коробок лежала кукла, и я подумала, не принадлежала ли она Калли или Софи. И хотя надо было идти в ванную, невольно потянулась к игрушке. Коснулась похожих на проволоку волос и ощутила подушечками пальцев их грубоватую жесткость.

Я провела рукой по картонной коробке и, хотя понимала, что этого делать не следует, не удержалась и приподняла крышку.

– Вы там в порядке? – раздался громкий шепот хозяина. Под его тяжелыми шагами скрипнули ступени лестницы.

Я метнулась в ванную и, тяжело дыша, стояла, прислонившись спиной к двери. Подумать только, меня чуть не застали роющейся в вещах Калли!

Звякнул дверной звонок, и шаги Тома стали затихать. Я дернула цепочку смывного бачка и открыла кран. А когда была уже на середине лестницы, из гостиной донесся сердитый шепот.

– Она никак не может узнать, – почти прошипел Том, и я застыла на ступени.

– Ты знаешь, как я к этому отношусь. – Слова незнакомца были полны негодования.

– Что сделано, то сделано, и больше не о чем сожалеть. – Голос Тома звучал твердо.

Моя сумочка осталась в гостиной, и я не могла уйти из дома, не заглянув туда. Поэтому стала нарочито громко топтать ногами, чтобы предупредить мужчин о моем появлении. Голоса замерли, и, когда я открыла дверь, Том сделал шаг в сторону от человека, с которым только что спорил.

– Дженна, – произнес он ровным голосом. – Познакомьтесь, это мой брат Джо.

Мужчина обернулся, ожег меня взглядом, и я почувствовала на своей коже миллион невидимых муравьев.

Глава 11

– Мне пора, – пробормотала я, обходя мужчин стороной, подобрала с пола сумочку и повесила ее на плечо.

– Я очень рад, Дженна, что вы пришли. – Том взял мои руки в свои. – А теперь позвольте Джо подвезти вас домой. На автобусе трястись долго, а вы, судя по вашему лицу, сильно устали.

– Я в порядке. Право, не стоит беспокоиться... – Я сделала шаг к двери.

– Никакого беспокойства. Джо заглянул только для того, чтобы передать рецепт для Аманды. Ты ведь не против, Джо?

Повисла пауза, во время которой Джо внимательно меня изучал, и было слышно лишь тиканье часов. Наконец он ответил:

– Разумеется, не против. Только подсказывайте, как ехать.

– Я не знаю отсюда дороги. – Я не собиралась предлагать ему воспользоваться гугл-картами в моем телефоне. Меня вовсе не прельщала перспектива сидеть в машине в неловком молчании. – На автобусе будет проще.

– В одной из коробок Калли наверху лежит спутниковый навигатор, – сказал Том. – Мы купили эту штуковину ей на Рождество. Поднимусь возьму. Все равно нужно проверить, как там Аманда.

– Пожалуйста, не стоит... – начала я, но он ушел.

Внутри у меня все похолодело. Я боялась, как бы Том не заметил, что я открывала коробку, и не могла вспомнить, закрыла ее или нет. Погруженная в эти мысли, я буквально подпрыгнула, когда Джо заговорил:

– Не знаю, как много вам удалось услышать, прежде чем здесь объявиться. – Он показал на дверь.

Его взгляд буравил меня насквозь, и мне пришлось признаться:

– Слышала, как кто-то сказал: «Она не сможет узнать». Я не подслушивала. – Мой тон стал таким, словно я оправдывалась. – Меня ваши дела не касаются.

– Мы говорили о вас, – отрезал Джо, и я моментально обмякла. – Том не хотел, чтобы вы узнали, что я возражал против вашего прихода. Чтобы вам не стало неловко. Видите ли... – Он опустил взгляд, потом снова посмотрел на меня. – Буду откровенен, я был не в восторге, когда узнал... ну вы понимаете... Страшно было подумать, как искромсали бедняжку Калли. Я пришел в бешенство, когда Том сообщил, что получил от вас

письмо. Возмутился: какой же это эгоизм пытаться связаться с ним и Амандой без их согласия, тем более когда у них такое горе.

– Простите меня, пожалуйста. – Я тяжело опустилась на диван и уронила голову на руки.

– Хотя, получив от вас письмо, он как будто даже взбодрился. Когда мы росли, я старался опекать Тома, и, видя, в каком он теперь состоянии, почувствовал себя бессильным. Словно не справился со своей ролью старшего брата. И, когда от вас пришло письмо, невольно направил на вас часть своей злости.

– Я решила сделать письмо чуть более личным, чтобы Том и Аманда немного узнали обо мне и моей семье. О том, как мы все им благодарны. Надеюсь, что это их тоже поддержит. Хотя бы самую малость. Не могла себе представить...

– Нелегко представить себя на месте других. – Джо сел рядом, и я почувствовала, как подо мной сдвинулась диванная подушка. От него пахло сигаретами. – Я думал лишь о том, что потеряли мы, а не о том, что могла приобрести безлика для меня женщина. Но, увидев вас, осознал, что без Калли ваше появление здесь было бы невозможным, и по-настоящему горд за нее. Добрая душа – она бы хотела, чтобы все так и получилось.

– Спасибо.

– Не за что. – Его любезность оставила во мне похожий на стыд тяжелый осадок, и я не знала, что еще сказать. К счастью, в это время пришел Том.

Я повернулась на сиденье и помахала на прощанье рукой. Том стоял на ступеньках и становился все меньше, а я смотрела в заднее стекло, пока он не исчез вовсе.

Машина у Джо была старая и раздолбанная. От заднего стекла наполовину отклеился стикер из тех, какие обычно лепят на бамперы: «ЛУЧШЕ БЫ Я ПОШЕЛ НА РЫБАЛКУ». Весь салон был завален пакетами из «Макдоналдса». Один, валявшийся на полу, я отпихнула, чтобы освободить место для ног.

– Казалось бы, после инфаркта Тома мне следовало поумнеть. Но иногда это лучшее решение, если ты за рулем. Швыряй назад все, что попадает под руку. – Он опустил стекла обоих окон, и поток воздуха ослабил запах дыма и картофеля фри.

Я нажала на кнопку на навигаторе, который Том вложил мне в руку, когда мы уезжали, но ничего не произошло. Устройство имело зарядный шнур, и я вставила его в гнездо прикуривателя. Индикатор заряда аккумулятора на боку засветился зеленым.

– Совсем выдохся, – прокомментировала я.

– Пока я представляю, куда ехать. Если потребуется, там лежит карта. – Джо показал на бардачок. Я потянула за ручку и вытащила пакетик конфет.

– Детские карамельки?

– Часто катал девчушек, когда они были маленькими. Том был целыми днями на работе, Аманда зашивалась с двумя малютками, и ей не хватало денег, чтобы их как-то развлечь. Мы ездили куда глаза глядят, запускали воздушных змеев, бегали наперегонки по холмам. В машине постоянно находился пакетик с карамельками, и я всякий раз извлекал его на свет, когда начинались неизбежные вопросы: «Далеко еще?» С годами сам к ним пристрастился. Не слишком здоровая привычка, если проводишь так много времени в машине.

– Чем вы занимаетесь?

– Продаю чистящие средства гостиничным сетям и крупным организациям. Звучит не слишком весело, но не так легко найти работу людям среднего возраста. Когда накрылся наш бизнес, я решил подыскать что-нибудь поспокойнее. Теперь мне каждый день говорят, куда ехать и что говорить. Нельзя об этом думать, но мне не хочется надолго оставлять Тома. Он так занят заботами об Аманде, что ему не хватает времени позаботиться о себе. По мне, так сидеть бы с ним вдвоем целыми днями на бережку с удочками, но рыбалкой, как известно, на жизнь не заработать.

Мы болтали о разных пустяках, пока не съехали с шоссе на магистраль с разделительной полосой. Джо прибавил скорость, поднял стекла, и я пригладила волосы.

– Могу я вам задать вопрос о Софи? – Я старалась подобрать нужные слова. – Она умерла недавно?

– Умерла? – Джо в изумлении покосился на меня. Справа проревел сигнал, он снова посмотрел на дорогу, резко вывернул руль, и меня бросило на дверь. – Софи жива!

– Простите, но Аманда сказала: «Мы ее тоже потеряли». – Я почувствовала, как у меня вспыхнули щеки. – Прошу прощения... я решила...

– Софи в Испании со своим приятелем. Она отдыхала, когда сестра попала в аварию. Я сообщил ей о трагедии по телефону, но она ответила, что не приедет на похороны. Ей требуется время, чтобы осознать случившееся. Но мы считали, что к сегодняшнему дню она должна была вернуться.

– И она никак не контактирует с родителями?

– Не прислала ни одной весточки.

– Том говорил, она исчезала и раньше?

– Да. После его первого инфаркта от переживаний слиняла на несколько месяцев, а затем в один прекрасный день появилась на пороге, словно ничего не произошло. Уверен, что и на этот раз будет то же самое. Вернется, как поступала всегда. Хотя могла бы сообщить, где она и как она. Вот на той круговой развязке я не уверен, куда поворачивать.

Я снова нажала на кнопку навигатора, и на этот раз устройство заработало и вскоре предложило нам несколько вариантов. В одном из разделов меню хранилась память о прежних маршрутах. Я посмотрела на Джо – он все свое внимание сосредоточил на дороге. Обуреваемая желанием побольше узнать о Калли, я коснулась экрана. Куда ей нравилось ездить? Последний маршрут был проложен за несколько дней до аварии. Я ввела команду «воспроизвести», а затем, увеличив карту, прочитала название: «Аэродром Бертон». Жуткая глушь, но я хорошо знала, где он находится. Когда я была совсем маленькой, у нас некоторое время жила овчарка по кличке Фокс. Она досталась нам из приюта, куда отца вызвали, чтобы он ее усыпил, а он привел ее к нам домой. Старая, истощенная, местами облысевшая, с людьми она вела себя тихо, но проявляла агрессию к другим собакам. Каждый вечер после работы отец запихивал Фокса в машину и вез на аэродром. Взлетное поле забросили несколько лет назад, рядом никто не жил, так что риск наткнуться на другого пса на прогулке был минимален.

Но что понадобилось там Калли?

Глава 12

В моей квартире было тепло. В воздухе витал чесночный запах от съеденной вчера вечером лазаньи. Я бросила ключи на кухонный стол, подняла окно и высунулась наружу, чтобы помахать на прощанье Джо, чья машина осторожно пробиралась вдоль дороги. В голове у меня гудело от сдерживаемого напряжения – день выдался тяжкий. Но наконец я у себя. В безопасности. Джо исчез за углом. Я, не подумав раздеться, уселась за кухонный стол, включила ноутбук и моргнула, когда он ожил и экран ярко осветился.

Калли Валентайн – вот чье сердце билось в моей груди, и я больше не могла не думать о ней.

Я вбила в поисковую строку «Гугла» ее фамилию, затем добавила «автокатастрофа» и дату, когда она случилась. При этом я не сомневалась, что получу детальное описание происшествия. Мне не давала покоя мысль: если загадка Калли настолько заинтриговала меня, то каково убитым горем Тому и Аманде не знать ответов на возникающие в их головах вопросы? Я могу им помочь. Эта мысль прочно засела в моем мозгу. Мои пальцы соскользнули с клавиатуры, и я откинулась на стуле. Беда в том, что *нам ничего не известно*. Слова Тома острыми кололи мне мозг. Что, если я сумею выяснить, почему Калли сбежала со свадьбы и оказалась одна в машине далеко от дома?

Прочитав в Интернете отчет об автокатастрофе, я не узнала ничего нового. Во время удара о дерево Калли оказалась не пристегнутой ремнем безопасности. Условия вождения названы тяжелыми – дорожное покрытие было мокрым. Случай отнесли к разряду «смерть по неосторожности», другие машины в аварии не участвовали.

Я пробежала по страницам Калли в соцсетях и не обнаружила ничего особенно личного. На фотографии профиля в «Фейсбуке» она смеялась, демонстрируя ровные, невероятно белые зубы. И была несколько не похожа на бледную, хмурюю девушку, которую сфотографировали на свадьбе. Ее посты были обыденны и нерегулярны, фотоальбом пестрел снимками с Натаном. Он был помечен как Натан Прескотт, и как только я узнала его фамилию, мои пальцы забегали по клавишам. Возникло его миниатюрное изображение: смуглый, в рубашке с галстуком в полоску, темные глаза смотрят прямо в объектив. До смешного смазливый. В биографических данных сообщалось, что он бухгалтер в «Нэш энд Роджерз». Я зевнула.

Мысли роились в голове, я щурилась от усталости. Как узнать, что случилось тем вечером? Мне вдруг показалось, что у меня ничего не получится, но и бросить это я тоже не могла – не могла предать Тома и Аманду, даже не попробовав им помочь.

Я решила зафиксировать все, что мне известно. С тех пор, как мне выписали лекарства, память меня подводила, и я легко путалась, теряя направление мысли. Я достала из шкафа альбом, нарисовала квадратик, а в нем черным фломастером написала: *КАЛЛИ*. Потом провела линию к квадратику поменьше, в котором вывела *НАТАН*. Готовясь к экзаменам, я привыкла выстраивать в голове схемы, тем самым давая простор мыслям, но теперь не знала, куда двигаться дальше. Тут я вспомнила последний маршрут Калли: его конечная точка – аэродром Бертон, странное место для посещений. Я нашла его в «Гугле»: в последнем сообщении, датированном несколькими месяцами назад, говорилось, что очередное ходатайство о застройке территории было отклонено, поскольку эта зона имеет статус охраняемой.

Мне потребовались цветные ручки и новые квадратики, чтобы зафиксировать уже известные факты. Калли на свадьбе. Ранний отъезд Натана. Аэродром Бертон. Авария. От Тома и Аманды я узнала, что Калли работала сестрой в стоматологической клинике, а теперь обнаружила старый газетный репортаж с фотографией: на снимке несколько девушек с ослепительными улыбками в угольно-черных туниках держат гигантский чек на пятьсот фунтов. В статье говорилось, что сотрудники клиники, где работала Калли, участвовали в благотворительном марафоне по сбору средств на исследование методов борьбы с раковыми заболеваниями. Я добавила детали в схему и, когда она была готова, прикрепила ее к холодильнику магнитными буквами, которыми раньше пользовалась, когда писала сообщения Сэму. Затем села и так долго смотрела на лист, что белые промежутки между квадратиками исчезли. В кухню вползли тени, в окно подул холодный ветер, и по рукам у меня побежали мурашки. Я потянула вниз оконную раму. Луна за стеклом серебрилась и отражалась в лужице воды на дне мойки. Я провела по ее поверхности пальцами, и луна скрылась за сеткой ряби. Сквозь мысли пробился звонок мобильного, и я вытерла пальцы, прежде чем взять трубку.

– Привет, Рейч.

– Ты дома?

– Только что пришла, – солгала я. Забыла, что обещала ей позвонить, как только вернусь. – Хорошо провела день?

– Крутилась как белка в колесе. Сама на мели, а тут еще у Лиама

появилась возможность поехать в образовательный лагерь, так что пришлось раскошелиться и на это. – С тех пор как матери Рейчел не стало, ее отец запил и долго на работе не задерживался, поэтому она взвалила себе на плечи заботу о брате. – Ладно, хватит обо мне. У тебя-то как прошло? Ты в порядке?

– Я-то в порядке. А вот они – нет. Аманда и Том, это ее родители. Родители Калли, так ее звали. Ей было всего двадцать четыре года. – Слова хлынули потоком, и я прервалась, чтобы вздохнуть.

– Понятно, что нет, – вставила Рейчел. – Как они могут быть в порядке?

– Конечно. Однако я надеялась, что, познакомившись со мной и осознав, что хотя бы часть их дочери продолжает жить, они немного утешатся.

– В каком-то отношении – наверное. Но они потеряли ребенка, Джен. От этого нет утешения. Лечит только время.

– Есть кое-что еще, что могло бы им помочь. – Я рассказала Рейчел об обстоятельствах смерти Калли. – Если бы удалось разузнать, почему Калли ушла со свадьбы и куда отправилась, этому словно бы наступил конец, была бы поставлена точка.

– Точка? – Я почувствовала в ее голосе скепсис и почти увидела, как она недоверчиво изогнула бровь.

– Не в том смысле, что они ее забудут. Но незнание тяготит. Так сказал мне Том. Они просыпаются по ночам. Согласись, это очень странно – то, как она исчезла.

– Ничего странного. Просто мы о ней ничего не знаем. Если бы существовала некая странность, ее бы своевременно расследовали.

– Ты только послушай. – Я прочитала ей выдержку из заметки в Интернете. – Она ехала, не пристегнувшись. Кто так поступает?

– Она так поступила. – Последовала пауза. – Дженна, зачем тебе понадобилось рыться в Сети и узнавать обстоятельства аварии? Ты познакомилась с ее родителями и поблагодарила. Разве этого недостаточно? Вот уже несколько месяцев, как ты зациклилась...

– Скажешь тоже, зациклилась...

– Не говорила ни о чем ином. Обещала, что, как только узнаешь, чье тебе досталось сердце, сможешь жить, как прежде. Давай приходи в норму.

– Я все понимаю, но...

– Не сомневайся, я знаю, как тебе было тяжело. Все последние месяцы без работы, без Сэма, поневоле сосредоточишься на доноре. Но теперь все возвращается в свою колею: в понедельник ты снова приступаешь к работе,

и у тебя появится много забот, чтобы себя занять.

– Но я чувствую, что обязана им.

– Ты обязана себе, и эта обязанность – вернуться к нормальной жизни.

К тому же каким образом ты рассчитываешь узнать, что случилось?

– Надо спросить Натана. Тебе не кажется странным его утверждение, что ему неизвестно, куда подевалась Калли? Он должен был знать. Что, если она сбежала из-за него?

– Тысячи людей ругаются, велика важность.

– У Калли на лице были синяки. Может, он ее бил.

– Ее родители так считают?

– Нет. Наоборот, утверждают, что они были счастливы, никогда не ссорились. И тем не менее...

– Вот видишь! Брось это занятие, Джен. Ладно, выяснишь ты, где живет этот Натан, убедишься, что это он наставил ей синяков. Это будет означать, что он опасен и к нему нельзя приближаться на пушечный выстрел.

– Я уже узнала, где он работает.

– Боже, спаси и помилуй! – вырвалось у Рейчел.

Я почувствовала, как возбуждение во мне начинает спадать.

– Ты что, собираешься подойти к нему и сказать: «Ты меня не знаешь, но я та, кому пересадили сердце твоей невесты. Так что колись, отвечай, куда она подевалась со свадьбы»? Он скорее всего пошлет тебя подальше. Я бы на его месте так и поступила. – Рейчел помолчала, а потом заговорила снова, но уже мягче: – Обсуди-ка все это с Ванессой и послушай, что она скажет.

– Скажет, что это плохая идея.

– Возможно, потому, что так оно и есть. – В трубке раздалось какое-то пиканье. – Извини, Джен, сработала пожарная сигнализация. Побегу, пока мой братец не спалил дом. Не думай, у меня тоже не все так просто. Обещай, что бросишь дурить и придешь в себя. Пожалуйста, Джен.

Но я не могла обещать и потому ничего не сказала. Несколько секунд слышался только треск, а потом разочарованная Рейчел отсоединилась.

Чувствуя, как муторно на душе, я достала из холодильника трубочку мороженого с соленой карамелью и рывком открыла ящик кухонного стола. Там рядом с ножами и вилками лежала деревянная ложка, которая служила Сэму микрофоном, когда, напевая «Поцелуй меня» на манер Эда Ширана, он готовил свое фирменное блюдо – тушеную говядину с перцем. Больше он ничего готовить не умел. А песня была нашей с ним общей. Была ли Калли так же счастлива с Натаном, как я с Сэмом? Что бы ни думала

Рейчел, в понедельник я собираюсь повидаться с Натаном. Кому от этого вред? Ведь если бы он был опасен, Том и Аманда об этом бы знали.

Глава 13

Мерная дробь капель дождя по стеклу вырвала меня из сна. Когда я открыла глаза, первой среди роящихся мыслей проскользнуло воспоминание о Калли. Я перевернулась посмотреть, сколько времени. Еще не было восьми. Передо мной простиралось воскресенье, и его бесконечные часы предстояло чем-то заполнить. Рейчел звонить рано. Я всегда была ранней пташкой, а она по выходным не поднималась раньше одиннадцати. Я вспомнила наш вчерашний разговор, и когда прозвучавшее в ее голосе разочарование кольнуло вновь, уже не знала, захочется ли мне звонить ей сегодня.

Знакомство с Томом и Амандой всколыхнуло во мне множество чувств, разбередило то, что я, казалось, сумела в себе преодолеть. Рейчел не испытала сокрушительного ощущения потери, и я за нее рада, но это означало, что между нами была некая пропасть. Было то, о чем мы могли разговаривать, и то – о чем не могли.

Я откинула одеяло. В комнате было прохладно. Прежде чем ступить на пол, я натянула толстые носки. Достала с нижней полки шкафа деревянную коробку и поставила ее на кровать. Села на матрасе, скрестив ноги и накинув на плечи пуховое одеяло. Вокруг было очень тихо. Я запустила медиаплеер «Айтюнс», и на моем айпode зазвучала композиция «Ирис» группы «Гу-Гу-доллз». Я положила ладони на крышку коробки, но, как всегда, не была готова ее открыть. Вместо этого провела пальцами по украшающей ее резьбе в виде слоников. «Столкновение с прошлым – лучший способ шагнуть в будущее» – так учит Ванесса. Но что, если я не готова выбросить прошлое из головы?

Зажужжал телефон, и на экране вспыхнуло изображение Сэма. Видимо, я чувствовала себя особенно одинокой и потерянной, раз ответила на звонок, а не переадресовала его, как обычно, на голосовую почту.

– Привет, – поздоровался он, и от звука его голоса у меня перехватило дыхание. Слышать его мне было невероятно тяжело.

– Решил, что ты должна уже проснуться. Что делаешь?

– Ничего, – ответила я.

– Как прошла вчерашняя встреча?

– Нормально. – Я поперхнулась, и это меня выдало.

– Давай заеду. Хочешь поговорить?

– Нет. – Принимать его в доме, который раньше был нашим общим,

казалось невыносимым. Мы помолчали. Я слышала его дыхание и вспомнила, как лежала вот на этой кровати и он обнимал меня за плечи. Моя голова покоилась на его груди и поднималась и опускалась в такт его дыханию – вверх, вниз. – Сэм, – попросила я, – мне надо кое-куда съездить. Подвезешь меня?

Я ждала на крыльце, спрятавшись от дождя под крышей. Когда темно-вишневый «Фиат» Сэма свернул на нашу дорожку, я натянула на голову капюшон и бросилась ему навстречу по тротуару, шлепая по лужам. Я привычно погрузилась в пассажирское сиденье, на котором ездила тысячи раз, вытянула ноги и уперлась ступнями в пол. Ощущение было такое, что регулировка кресла нисколько не изменилась с тех пор, как я сидела в нем в последний раз. Пол был усыпан обертками от карамелек, которые Сэм постоянно сосал за рулем. В салоне пахло мятой. Мы молчали: видимо, он чувствовал, что я не готова говорить о том, что произошло вчера. Но молчание было уютным и спокойным, как раньше, и вскоре мы оказались на месте.

Гремел гром, церковь напротив освещали молнии. Церковный двор был безлюден. Утренний морозящий дождь превратился в ливень, небо закрыли темные облака. Мы искали путь между могилами, и ноздри щекотал запах прелых листьев. В кустах возились невидимые зверьки. Кроссовки у меня промокли, края джинсов липли к ногам. Сэм нес искусственные цветы, которые мы купили по дороге в супермаркете «Асда». Я внезапно остановилась, и он налетел на меня.

– Здесь. – На черном блестящем надгробном камне витиеватым шрифтом было выбито «*Калли Аманда Валентайн*». Так вот где она упокоилась. Я представила, как ее тело лежит под землей, а сердце бьется во мне, и от чудовищности этого факта мои ноги подкосились, и я опустила на мокрую траву. Сэм положил цветы и, встав за моей спиной, взял меня за плечи. Я нащупала пальцами надпись: «*Раз встретив, никогда не забудешь*». И хотя я никогда не встречала эту девушку, понимала, что все оставшиеся дни своей жизни буду думать о той, которая предоставила мне второй шанс.

Я сморгнула готовые покатиться по щекам слезы.

– Я тебя не отпущу, – прошептал мужской голос. Но это был не Сэм, хотя, кроме него, рядом никого не было.

Неожиданно возникло ощущение, что меня толкают и я падаю. Меня охватила паника, я с трудом поднялась на ноги и, спотыкаясь, побежала – только бы оказаться подальше отсюда. И когда кто-то, пытаюсь остановить,

взял меня за талию, я повернулась и начала отбиваться.

– Дженна!

Лицо Сэма обрело резкость, и я прижалась к его затянутой в плащ груди. Он обнял меня, и я, ткнувшись носом ему в шею, ощутила знакомый пряный запах его лосьона. Он не отпускал меня, пока я не перестала дрожать.

– Что там случилось? Ты выглядишь такой напуганной.

Мы сидели в машине Сэма, я съежилась, закутавшись в его зеленую флисовую куртку.

– Не знаю. Почувствовала себя... как-то странно. Такое происходило и раньше. Ванесса считает, что мне прописали слишком сильные лекарства, но доктор Капур заявил, что не уменьшит дозу, пока я не пройду полугодичный осмотр. Для беспокойства нет причин. – Уверенность, с которой я это сказала, не имела ничего общего с тем, что я ощущала на самом деле. Я была потрясена до глубины души, но понятия не имела, что еще ответить Сэму. Как я могла услышать неизвестно кому принадлежащий мужской голос? Ощутить толкнувшие меня руки? Страх, который в одно мгновение сковал меня, а в следующее – прошел без следа? Иногда мне казалось, что я схожу с ума.

– Может, стоит еще раз с ним проконсультироваться? Хочешь, схожу с тобой в больницу?

– Нет, – отказалась я, хотя на самом деле мне этого хотелось.

В первое время после трансплантации я думала, что все вернется в обычную колею. Мы почти накопили нужную сумму для первого взноса за дом. Мы заведем троих детей, как мечтали. Так я представляла себе все в первые дни, когда считала, что новое сердце означает новую жизнь. Но врач покачал головой и предупредил: если хочу жить, никаких беременностей. Нельзя, чтобы крохотные ножки колотили по моей плоти. Никаких маленьких человечков с глазами Сэма и моими волосами, которые бы хватили своими пальчиками мои, пока жадно сосут молоко. Сэм, конечно, заявил, что все это не имело значения, но когда он обмолвился об усыновлении, я поняла, что он по-прежнему мечтает о семье.

Статистика выживания после пересадки сердца постоянно улучшалась, но, хотя я знала эти цифры наизусть, все равно постоянно залезала в Интернет и изучала их снова и снова. Надеялась наткнуться на чудесную историю человека, который, игнорируя закономерности, прожил десять, пятнадцать и даже двадцать лет. Мысль, что через пять лет меня, возможно, не будет на свете, не давала мне покоя. Я гнала ее прочь,

повторяя, что всегда была везунчиком и что существуют же исключения из правил. Но пять лет показались невероятно коротким сроком, а иногда – длиннее того, на что я смела надеяться. Как я могла усыновить ребенка, если не была уверена, что успею его вырастить? Сэм говорил, что мы можем оставаться семьей из двух членов, но согласиться с ним почти означало бы насильно его удерживать. Он мог бы встретить другую женщину, завести с ней детей. Я же больше всего желала ему счастья.

Однако сегодня мне хотелось, чтобы все было по-другому. Холодные капли дождя падали с моих волос и струйками стекали по шее, а Сэм стирал их большим пальцем. Кожу покалывало.

– Я беспокоюсь о тебе.

Его мягкие теплые губы коснулись моих, дыхание отдавало мятой. И я потеряла самообладание и, прежде чем прийти в себя и оттолкнуть его, обхватила пальцами его голову и ответила на поцелуй.

– Сэм...

– Я все знаю. – Он откинулся на спинку сиденья. – Мы с тобой друзья.

Сэм повернул ключ зажигания, и мотор ожил. Я видела, как в его глазах гасла надежда.

Глава 14

Мой желудок был набит сэндвичами, которые ты приготовил для нашего романтического пикника. Лучшего бойфренда нельзя себе представить. От чрезмерной сытости меня потянуло в сон. Я слышала, как ты тихонько похрапываешь, и тоже попыталась отключиться. Над ухом раздалось жужжание, и я пошевелилась. Мне было жарко. Одной рукой я прикрывала лицо и прищурила глаза. С голубого безоблачного неба палило солнце. Все казалось чрезмерно ярким, слишком трепещущим. В такой идеальный летний день незнакомые люди улыбаются друг другу, и никто не сомневается, что зонт на этот раз не понадобится. Продержись такая погода до конца недели, и они же начнут ворчать, что в саду слишком сухо, цветы пожелтели и пожухли. Кому пришло в голову запрещать поливать из шланга, когда в разгаре июнь?

Я лениво отмахнулась, пытаюсь прогнать пчелу, центр тяжести тела сместился, и мне стало неудобно. Я поерзала задом, пытаюсь найти углубление в земле, в котором лежала прежде. Прилипшее к обнаженным бедрам походное одеяло сдвинулось вместе со мной.

Я согнула ноги, напрягла икры и пошевелила пальцами. Коралловые ногти выглядели по-летнему нарядными. Надо было бы покрасить ногти и на руках, но они у меня такие ломкие. Я перестала напрягать мышцы, и ноги разъехались в разные стороны. К пяткам пристали песчинки. Слева журчала речушка. Немногим раньше мы стояли на шатком деревянном мостике в тени огромной ивы и бросали палочки вверх по течению – чья первая проплывет под мостом. Я выиграла, и ты сделал вид, что надулся.

– Не имею обыкновения проигрывать, – проворчал ты, притворяясь сердитым, а затем крепко прижался ко мне и вдавил свои губы в мои.

Прислушиваясь к журчанию воды, я почмокала пересохшими губами. Сумка-холодильник стояла далеко, а жара была такая, что лень пошевелиться. Я дала себе еще пять минут, после чего решила все же напиться и побултыхаться в воде. Но, видимо, задремала, потому что следующее, что я почувствовала, – это жжение кожи и пульсирующую боль в глазах. Я обливалась потом. Вдали гудел мотор трактора, оставалось только надеяться, что фермер направляется не в нашу сторону.

Мой локоть уперся в землю – так я пыталась помочь себе подняться. Но на меня упала тень, и ты своим весом прижал меня к земле. Твоя кожа

была такой же липкой, как моя. Горячими руками ты прошелся по моему телу, осторожно скользнул пальцами под лифчиком купальника. Мои соски отвердели, и я застонала.

– Слишком жарко для этого. Отстань. – Но сколько бы я ни протестовала, мы оба знали, как легко я сдаюсь. Кто же перед тобой устоит?

– А как насчет этого?

Что-то влажное коснулось моей нижней губы. Я потрогала языком. Клубника! В ноздри проник сладкий аромат, и, когда ягоду убрали, у меня потекли слюнки.

– покорми меня! – Я открыла рот, как птенец, и на язык мне скатилась мягкая ягода. Я покатала ее между зубами и надкусила. Сок наполнил рот и потек в горло. Не припомню, чтобы когда-нибудь до этого я испытывала такое ощущение счастья.

От яркого солнца у меня слезились глаза, и я щурилась. Темные очки, как всегда, остались лежать на холодильнике. Я не могла разглядеть твоего лица – ты казался темным силуэтом на фоне раскаленного добела солнца. Но я тебя чувствовала. О, как я тебя чувствовала!

Я прожевала и проглотила ягоду и облизнула губы.

– Еще одну, крошка?

Я подумала: а сам не хочешь? Не хочешь, как в прошлый раз, поесть их с моего обнаженного тела?

– Давай. – Никак не наемся. Обожаю их не меньше, чем тебя.

– А меня хочешь? – Я почувствовала горячие пальцы на внутренней стороне бедра.

– Всегда.

– Вечно? Я буду всю жизнь о тебе заботиться.

– Попробую представить. Вечно – это долгий срок. – Я улыбнулась, давая понять, что шучу.

– Хочешь не хочешь, но будешь со мной. – Он провел пальцем по моим ребрам.

Я прыснула, расхохоталась и вскочила на ноги.

– Только если сумеешь поймать, – крикнула я через плечо и, смеясь, побежала.

– От меня не убежишь!

В этот момент я подумала: а с какой стати мне убежать?

Глава 15

В мой первый день на работе я выдохлась, еще даже не приступив. Всю ночь я ворочалась и встала рано, кутаясь во флисовую куртку Сэма, которую ему так и не отдала, когда он привез меня домой. Мозг, подобно заевшему DVD-диску, пытался воспроизвести события на кладбище, но чем отчаяннее я старалась восстановить детали, тем сильнее они расплывались, превращаясь в подобие детских воспоминаний. И я уже не знала, не придумала ли я все от начала до конца. Спала я беспокойно, а когда проснулась, не могла поверить, что во сне с восторгом ела клубнику. Терпеть не могу эти ягоды, но их вкус пристал к языку, и я еще долго не могла от него избавиться.

Без пятнадцати восемь с мятной жевательной резинкой во рту я стояла перед ветеринарной клиникой и чувствовала себя, как школьница в первый день занятий после летних каникул. При мысли, что надо переступить порог, у меня все трепетало внутри, но я понимала, что вернуться к прежней работе – правильный шаг. Если не это, чем я стану заниматься? Кем буду?

– Дженна!

Кто-то обхватил меня за плечи, и мое сердце подпрыгнуло к горлу.

– Тыходишь или как? – улыбнулась Рейчел. Ее круглое веснушчатое лицо светилось радостью оттого, что она видит меня, и я последовала в стеклянную дверь за ее мотающимся на затылке коричневым конским хвостом. Внутри в нос ударил запах дезинфицирующих средств, и я стала успокаиваться. Уже не понимала, почему мне казалось, что все здесь будет по-другому. Изменилась я, а здесь все осталось, как прежде.

– Вчера ты не отвечала на мои звонки. – Рейчел помахала пальцем перед моим носом, будто в самом деле сердилась. Но я понимала, что это не так. Рейчел не умела не только сердиться, но даже дуться. – Как ты себя чувствуешь?

– Нормально. Правда нормально. – Теперь я не лгала. Физически я чувствовала себя вполне сносно. Но из того, как сузились глаза подруги, сделала вывод, что она мне не поверила.

– Так о чем мы говорили с тобой в субботу? О доноре? Ты подумала над моими словами?

– Ее звали Калли. – Выпалив это, я тут же принялась извиняться: – Прости, Рейчел, я не хотела...

– Проехали, мисс Плакса. Не сомневаюсь, ты снова станешь доброй, как только тебе уменьшат дозу лекарств. А пока... – Рейчел театрально вздохнула, – дружить с тобой – нелегкое занятие, но ведь кому-то надо. – Она печально покачала головой, я пихнула ее в плечо и вдруг почувствовала, что оказалась именно там, где надо.

– И вот еще что: теперь, когда ты вышла на работу, изволь не увиливать от наших викторин в пабе. Среди нас нет другого такого кладезя знаний, как ты, если речь заходит о художественных штучках, до которых другим нет дела.

– Уж тебе-то в познаниях паршивой поп-музыки нет равных.

– Все лучше, чем слушать занудно-депрессивную авторскую песню, которая так тебе нравится. – Рейчел изобразила зевок, и я расхохоталась.

Я так давно не слышала собственного смеха, что смущенно прикрыла ладонью рот.

– Как здесь дела? – С тех пор как я заболела, мы почти не разговаривали о работе.

– Все по-старому. Если не считать, что Линда совсем извелась и на всех кидается. Джон почти не появляется, и на нее свалилась куча дополнительной работы.

Клиникой владели Линда и ее муж Джон, но с прошлого года Джон наполовину отошел от дел. Странно будет не видеть его каждый день, не слышать, как он отпускает шуточки или между консультациями совершает налеты на круглую коробку с печеньем.

– До того дошла, что заказывает простое печенье вместо шоколадного. Представляешь? Это можно считать издевательством над сотрудниками. Вот верну тебе венец старшей ветеринарной сестры, и можешь возглавить бунт.

– Пожалуй, повременю – пока потружусь на полставки.

– Вот и славно, – расцвела Рейчел. – Я привыкла к ежемесячной прибавке к зарплате. – Она запнулась. – Извини, я не то хотела сказать. На моих плечах Лиам и все такое.

– Не парься, я все понимаю. А если потребуется, не стесняйся, проси. – Предложить-то я предложила, но понимала, что она никогда не попросит – слишком гордая.

Мы принялись выполнять свои обязанности: Рейчел включила вентиляцию, а я занялась конторкой – перебрала CD-диски, нажала на кнопку древнего проигрывателя, и крышка поднялась. Некоторые вещи не меняются.

– «АББА»? – Рейчел, пританцовывая, направилась ко мне и удивленно

изогнула бровь, когда зазвучала «Мамма мия». – Кто вы такая и что сделали с настоящей Дженной?

– Просто хотела поставить что-нибудь, чтобы поднять настроение.

– И это заявляет девушка, которая поклялась, что скорее вскроет себе вены, чем будет слушать шведскую попсу! – Рейчел закружилась, толкнула меня бедром, потом схватила ручку и держала ее между нами, словно микрофон.

Я сто лет не чувствовала себя такой счастливой, как в то утро.

– Вижу, кое-кто рад, что вернулся на прежнее место. – Линда процокала на каблуках через приемную и обняла меня. Я сквозь одежду почувствовала, как выступают у нее ребра. Наша начальница похудела, под глазами у нее появились темные круги, и казалась она бледнее обычного.

– Вы здоровы, Линда?

– Это я должна тебя спрашивать.

– Я в порядке.

– Джон передает тебе привет. Заглянет к концу недели проверить, как ты устроилась.

У Линды с Джоном не было детей. Они всегда относились ко мне с теплотой: когда я была маленькой, угощали конфетами, когда подросла, всякий раз, когда приходили к нам обедать, совали мне в руку пятифунтовую банкноту. Джон был мягче Линды, но мне нравилось работать с ними обоими.

– Только не перетрудись сегодня, девочка. Я вообще не уверена, что тебе следовало выходить на работу. – Линда вгляделась в мое лицо. – Если почувствуешь, что больше не можешь, мы пойдем. Не думай, что обязана находиться здесь.

– Хорошо. Но я справлюсь, если буду втягиваться постепенно.

– Уверена? Мы взяли медсестру на время. Элли мечтает попасть в штат, так что не бойся, если уйдешь, будет кому работать.

Я еще не познакомилась с временной медсестрой, которую наняли выполнять мою работу. Рейчел утверждала, что она милая, но она обо всех так говорит.

Звякнул колокольчик входной двери, и в клинику, скрежеща когтями и тяжело дыша, ворвался первый пациент.

– Джонсон! – Я невольно опустилась на колени, чтобы потрепать по холке боксера, который, стараясь сохранить равновесие на белых стерильных плитках, подался назад.

– Рад снова видеть вас на работе, Дженна.

– Спасибо, мистер Харви. Джонсон здоров?

Мистер Харви приобрел пса после смерти жены, и, хотя Джонсон оказался сущим наказанием, сын мистера Харви больше не плакал до изнеможения каждую ночь.

– Пока никаких катастроф, пришли на прививки.

Мистер Харви поставил закорючку на форме согласия, и Рейчел повела боксера в смотровую, где он прыгал, стараясь схватить зубами красный матерчатый поводок.

Все утро шел нескончаемый поток пациентов. За время болезни я успела забыть, насколько напряженный в клинике рабочий день, и обрадовалась перерыву, когда Линда высунула из кабинета голову и попросила меня приготовить напитки. Насыпая в кружки кофе и добавляя молока, я оперлась о кухонный стол. Чайник ворчал и плевался паром. В приемной зазвонил телефон, я отправилась туда ответить, но, пока шла, аппарат замолчал. Вернувшись в комнату для сотрудников, я разлила по кружкам кипятков и раздала их коллегам. Потом опустилась на колени перед холодильником, чтобы вытереть выплеснувшееся из пакета молоко, и в это время зашла Элли, вылила свой кофе в раковину и ополоснула кружку. За ней последовала Рейчел с двумя кружками – своей и Линды.

– Хочешь превратить нас в диабетиков?

– Что-то не так?

– Ты туда набухала по килограмму сахара.

– Не помню... извините. Видимо, устала больше, чем предполагала.

– Если хочешь уйти пораньше, я тебя прикрою, – предложила Элли.

– Спасибо. – Мы вернулись в приемную, и я собрала вещи. – Только задержусь, чтобы поздороваться с миссис Бейнбридж. Ее джек-расселу Касперу назначено на двенадцать.

Каспер был удивительно милым. Как и сама миссис Бейнбридж. Не верилось, что мы не виделись девять месяцев. Мне не хватало нашей дружеской болтовни. Она через Линду посылала мне цветы и открытки с пожеланиями выздоровления, и я хотела ее поблагодарить за то, что она обо мне помнила. Понимала, как непросто, живя на одну пенсию, покупать цветы. Несколько раз потихоньку от Линды я платила за лечение Каспера, если на процедуры не хватало страховки.

Звякнул колокольчик, и мы обе повернулись к двери. Улыбка на моем лице погасла, и от страха свело желудок, когда Каспер, пыхтя, бросился в мою сторону. Из его пасти вывалился розовый язык. У меня под мышками защипало от пота, поле зрения сузилось. Миссис Бейнбридж стояла напротив, и я уголком глаза видела, как шевелятся ее губы, но не могла отвести взгляда от Каспера, от слюны, которая сочилась из его пасти между

острыми, как иглы, зубами.

– Дженна? – Лицо Элли приблизилось ко мне.

Я слышала, что меня назвали по имени, но звук был, как под водой. Я оперлась ладонями о стол перед собой, откатила назад стул и бросилась в туалет. К горлу у меня подступила тошнота. Я набрала в ладони холодной воды и плеснула в лицо. Оторвала от рулона грубое голубое полотенце и насухо вытерла кожу. Из зеркала на меня смотрело мое изображение: ярко-красные волосы и затравленные глаза. Почему я так испугалась Каспера? Ростом он в три раза меньше Джонсона. И ведь я люблю собак.

В дверь забарабанили.

– Как ты там, Джен? Элли сказала, ты сильно испугалась.

– Спасибо, Рейч, все в порядке, – отозвалась я. Но в порядке я вовсе не была. Ноги у меня так сильно дрожали, что я опустила на крышку унитаза и уронила голову на руки. Что со мной такое? После субботнего визита к медиуму Фионе накатывающие на меня непродолжительные приступы, от которых перехватывало дыхание и начиналось сердцебиение, стали острее и чаще. Что-то почти все время грызло меня изнутри, и я не могла избавиться от мысли о второй энергии, хотя раньше ни во что подобное не верила. Я не была уверена, что верю и теперь. Однако... Что-то изменилось, и я готова была признать, что напугана. У меня появились дурные предчувствия, и я не понимала их значения. Неужели мне что-то угрожало? Вдруг мне послышался крик – короткий и резкий. Но я не могла с уверенностью сказать, что его слышала.

Глава 16

Сон склеил мои веки, я разлепила их и зевнула. Со мной всегда так: если задремлю днем, потом чувствую себя разбитой. Все еще ярко светившее за окном солнце, проникая сквозь щели ставен гостиной, разукрасило ламинированный пол тигровыми полосами. Тело никак не хотело расставаться с кожаным диваном, я с усилием оторвалась от него, села и, вспомнив, какой кошмар приключился со мной в первый день на работе, закрыла голову руками. Проковыляла на кухню, прилипла подошвами к плиткам, налила в стакан лимонный сквош и, облокотившись о раковину, пила, ощущая, как кисловатая горечь прогоняет остатки усталости. Взгляд упал на прикрепленную к холодильнику памятку, и я внимательно смотрела на нее, не обращая внимания на гудение телефона. Наверняка это отец или мать – тревожатся, хорошо ли прошел у меня первый день на работе. Вернувшись домой, я послала им по эсэмэске, заверив, что со мной все в порядке, но они не успокоятся, пока не поговорят лично. По тому, как они суетятся и волнуются, можно подумать, что я отправилась покорять горную вершину. Если я сейчас позвоню, они – особенно мама – почувствуют, что что-то не так. Но мне невыносимо представить, что придется рассказать им, как после встречи с Каспером я в слезах позорно бежала из клиники. За этим непременно последуют упреки: «Я же предупреждала, что тебе будет не по силам».

Отбросив мысли о Каспере, я скачала несколько фотографий Калли с ее странички в «Фейсбуке» и отправила на стоящий в коридоре беспроводной принтер. Аппарат загудел и выплюнул распечатки. Я начала прикреплять их магнитными буквами к холодильнику, а когда места не стало, развесила на стенах: Калли на зеленом травяном ковре, ее лицо сияет от счастья, на голове веночек из маргариток; Калли и Натан не знают, что их снимают, и замороженно смотрят друг другу в глаза; Калли между Томом и Амандой, в полных до краев бокалах пузыряется шампанское, они поднимают за что-то тост. Под каждым снимком я поместила стикеры с надписями, чтобы не забыть, откуда и когда взяла каждую фотографию. Куда ты подевалась в тот вечер? Я обвела пальцем овал лица Калли. Ее чистая идеальная кожа сияла. Я распрямилась, словно мое тело наполнилось энергией, и встала, внезапно почувствовав себя сильной. Не было никакой болезненной слабости, я ощутила себя способной на поступки. Разительная перемена! Решительно взяв телефон, я набрала

рабочий номер Натана.

Рядом с его офисом солнце блестело на расплавленном асфальте, а воздух был пропитан запахом выхлопных газов. Я прислонилась к стволу дерева, скрываясь от прямых лучей: из-за иммунодепрессантов существовала опасность заболеть раком кожи, и этим летом мне предстояло щеголять в облике бледнолицей английской розы. Мой взгляд не отрывался от входа в здание. Секретарь Натана сообщила мне по телефону, что он заканчивает работу в шесть. Я ждала, чувствуя себя одинокой и незащищенной в ставшей влажной от мучительного беспокойства одежде. Избегала взглядов людей, мысленно повторяя заготовленные фразы, но эти слова даже мне самой казались надуманными и неестественными. В шесть из офиса Натана потянулись сотрудники. Мужчины ослабляли узлы галстуков и закатывали рукава, женщины сворачивали кардиганы и прятали их в сумки. Я вздрагивала всякий раз, когда кто-то из спешащих мимо людей слегка меня задевал, и крепче вжималась в ствол. Кора царапала обнаженную кожу плеч, и ее стало саднить. Через четверть часа у меня заболели ноги. Как бы часто я ни смотрела на часы, время от этого быстрее не бежало. В половине седьмого мне стало настолько жарко и тягостно, что я была готова бросить задуманное. Решила, что пропустила Натана. Машины шли сплошным потоком, гудели моторы, из окон гремела музыка, и тупая боль сдавила мне виски. Я уже собиралась идти домой, когда дверь снова отворилась, и на пороге появился он. Натан. Через руку у него был переброшен бежевый плащ. В другой покачивался желто-коричневый кожаный кейс. Потрясение узнавания заставило меня порывисто вдохнуть. Мои ноги сами зашагали к нему, словно меня притягивал невидимый канат. Он шел размашистой походкой, черные блестящие ботинки стучали по асфальту, и мне, чтобы не отстать, пришлось почти бежать.

Густела толпа спешащих по домам прохожих, торопившихся порадоваться солнцу, пока оно не зашло, меня нещадно толкали и пихали. В этом столпотворении я потеряла Натана из виду. Кровь шумела у меня в ушах, но я старалась не волноваться, сжимала и разжимала кулаки, вспоминая советы Ванессы: следить за частотой дыхания и пытаться дышать медленнее. Волнение нарастало, и я уже не могла сообразить, как себя вести: то ли вдыхать, то ли выдыхать, то ли на счет три, то ли на счет пять. Я почувствовала, что совершенно не в состоянии справиться с паникой, и завернула к чьим-то дверям, стараясь казаться как можно незаметнее, но вскинула голову, когда автобус, отпустив тормоза, с шипением выбросил клубы дыма, и колеса, вращаясь, повлекли его от

тротуара. Когда он проезжал мимо, я заглянула в окна, но Натана в салоне не заметила. Он мог быть теперь где угодно. Ясно, что найти его невозможно, и мысль, что, прождав его у офиса, я потеряла время зря, угнетала. Но, если честно, с разочарованием наступило облегчение. Голова пухла, в ней все путалось, горло пересохло. Я оглянулась, высматривая, где бы купить бутылку воды, и заметила дальше по улице кооперативный магазин. Сделав усилие и продолжая глубоко дышать, я перешла мостовую и направилась в его сторону, решив, что потом поеду домой.

В магазине было людно, почти рождественская горячка: покупатели протискивались к полкам и хватали последние бургеры для барбекю, жаловались, что кончились булочки. Прохладный от кондиционера воздух представлял собой разительный контраст с царством солнца на улице. В первый момент я застыла, наслаждаясь тем, как охлаждалась кровь и наступало успокоение, но затем мои руки стали покрываться мурашками, и я поспешила к прилавку с замороженными продуктами. Эмоции утихали, и я, задумавшись об обеде, стала смотреть, не найдется ли чего-нибудь, что мне захотелось бы съесть. В овощном отделе стояли корзиночки со свежей клубникой – сочной и красной, – и у меня потекли слюнки. Хотя раньше я терпеть не могла эти ягоды, на этот раз не удержалась, сорвала целлофан, вытянула самую большую за стебелек и покатила во рту, прежде чем впиться зубами в податливую мякоть. Ощувив на языке взрыв сладости, я закрыла глаза, чувствуя, как течет по подбородку сок.

– Похоже, ловите кайф?

Я открыла глаза – передо мной был он. Натан! Звуки в одно мгновение достигли крещендо и начали замирать. Я не могла отвести от него взгляда. Еле сдерживала руку, подрагивающую от почти непреодолимого желания провести подушечками пальцев по щетине на его скулах. Ощутил ли он эту связь? Я вытерла рот тыльной стороной ладони.

– Не смогла устоять. Потом заплачу.

Его смех был низким, утробным.

– Я вас не осуждаю. Знал одну девушку, которая постоянно так поступала. – Он склонил голову набок, изучая меня. – Вы мне напомнили ее. Видимо, дело в волосах.

Я провела рукой по шее – до сих пор не могла привыкнуть к ощущению незащищенной кожи.

– Она обожала клубнику, постоянно ее ела. Говорила, что эти ягоды – естественный отбеливатель зубов. Хотя зачем ей был нужен какой-то отбеливатель? Она сама работала медсестрой в кабинете стоматолога. – Он провел пальцами по своим густым, вьющимся волосам. – Извините,

заболтался. Но Калли именно так и поступала – пока ходила по магазину, съедала клубнику, которую мы брали для пикника, и нам приходилось возвращаться за новой.

Калли. Пикник. Клубника. Мои сны. Не могли же они быть как-то связаны с Калли. Я вспомнила рисунок в доме Аманды. Девочки на морском берегу в моем сне. Калли и Софи? Натан спрашивал, как я себя чувствую, хмурился, но мои губы словно парализовало: я не могла ни улыбнуться, ни ответить. «Вторая энергия», о которой говорила Фиона? Невозможно! Несмотря на кондиционер, я вся пылала от бурлящих чувств, все привлекало мое внимание. Я плыла над собственным телом, почти касаясь полос света. Шум стих, но тишина была громче любого звука. Я вертелась и крутилась, и мое зрение все больше сужалось. Я чувствовала себя Алисой, проваливающейся в кроличью нору, – вот погас последний лучик шириной с булавочную головку, а затем – чернота.

Обувь была повсюду. Меня окружали ноги. В кроссовках, в туфлях на высоченных каблуках, в шлепанцах. Вокруг, словно конфетти, разбросана клубника. Я пришла в чувство и, проморгавшись, села и потянула за край топики, сознавая, что окружающим видны складки на моем животе.

– Держите. – Натан опустил на пол подле меня и отвинтил крышку с бутылки с водой «Эвиан». Я заметила, что наклейка сморщилась и размокла от конденсата.

Я прохрипела слова благодарности и, пока люди вокруг расходились, жадно глотнула из горлышка.

– Должно быть, перегрелись на улице. Перебрали солнца.

– Наверное. И не успела перекусить.

Прыщавый продавец, хотя на его бейджике было написано «РАД ВАМ ПОМОЧЬ», сердито жег меня взглядом, собирая целые ягоды клубники и вытирая белые плитки там, где их успели раздавить. Магазин стал похож на место преступления; я поежилась, подтянула колени к подбородку, обхватила голени руками.

– Вы меня, ясное дело, не знаете. Но я живу совсем рядом. Не хотите зайти? Предложу вам что-нибудь поесть и вызову такси, когда почувствуете себя лучше. – Натан подал мне руку и помог подняться. Я покачнулась, он поддержал меня за талию, и я прижалась к нему, словно проделывала это тысячу раз.

– Очень любезно с вашей стороны, но...

– Никаких «но». В таком состоянии я не могу оставить вас одну. Никогда себе не прощу, если вы снова потеряете сознание, переходя улицу

или еще где-нибудь.

– Я могу позвонить отцу и подождать здесь, пока он приедет.

Продавец энергично орудовал вокруг нас шваброй и прошелся рядом с моими ногами – брызги попали мне на пальцы, а на сандалиях появились отметины от капель дезинфектанта.

– Прошу прощения. – Он произнес это с такой ухмылкой, что у меня начисто пропало желание задержаться в магазине хотя бы еще на секунду.

Не в моих правилах было идти домой к незнакомому мужчине, не говоря уже о том, чтобы соглашаться с ним обедать. Но я неважно себя чувствовала. Да и Натан был не то чтобы совсем мне незнаком. Я собиралась с ним поговорить. Но в этот миг вспомнила синяки на лице Калли и заколебалась. Что, если он опасен?

– Если вам удобнее позвонить отцу, я подожду с вами, пока он приедет.

Он озабоченно морщился, и я отбросила все сомнения. Сколько можно насчитать людей, которые настолько добры, что готовы потерять время, бескорыстно помогая незнакомому человеку?

– Спасибо. Пожалуй, предпочту приходить в себя у вас.

Это дорога к Калли, подумала я.

Это путь к себе, отбивало ритм мое сердце.

Глава 17

У меня возникло ощущение, что, когда я шла с Натаном, ноги знали, куда они меня несут: слева светофор, справа церковь, дожидаться зеленого сигнала и перейти мостовую. Тихий голос Натана успокаивал, но я не могла разобрать, что он говорит. Не понимала, что со мной произошло. Клубника? Терпеть не могу клубнику. В голове мелькнули обрывки сна о пикнике. Неужели я схожу с ума? Сердце Калли заныло в груди. Что, если оно навсегда привязано к Натану? Не будь смешной. Сердце всего лишь орган.

Каким-то образом я поняла, что мы пришли. Возникло ощущение дома. Все сделалось нереальным, словно я опьянела. В конце подъездной аллеи мы замедлили шаги. Натан, держа плащ в одной руке, другой похлопал себя по карманам в поисках ключей. Дома в этом квартале все еще выглядели как новые, хотя их построили лет двадцать назад. Красные черепичные крыши и никаких печных труб.

Натан толкнул ворота и отпер черную блестящую входную дверь с серебряным молоточком, я последовала за ним в коридор, где стоял застарелый запах стирального порошка. На стене в черной блестящей раме висела огромная репродукция Эйфелевой башни ночью.

– Чувствуйте себя как дома. – Ему хватило четырех шагов, чтобы оставить позади коридор и оказаться на кухне. – Чаю?

– Да, пожалуйста. – Я скользнула пальцами по молочно-белой стене, потрогала отполированный белый косяк ведущей в туалет двери. Не могла себя остановить, хотела до всего дотронуться, ощутить под пальцами реальные вещи и убедить себя, что не сплю.

На кухне Натан достал из шкафа кружки, взял из холодильника молоко.

– С сахаром?

– Нет, спасибо.

Он погрузил ложку в баночку, набрал белых гранул, бросил их мне в кружку и, когда они утонули, помешал. Не знаю, слышал ли он меня, но, прежде чем я успела что-то сказать, посмотрел и добавил еще полложки.

– Хоть вы и отказались, сахар помогает от стресса. Вы до сих пор очень бледны. Сейчас вас где-нибудь устроим. Давайте посидим в саду. – Он уже снял крючок с задней двери.

Мне безумно хотелось посмотреть весь дом, но он подал мне коробку с

шоколадным печеньем.

– Несите это на улицу и поешьте, чтобы заморить червячка. А я пока организую что-нибудь посущественнее.

Сад был прекрасен – буйство красок, и я вспомнила слова Тома о том, что его дочь любила садовничать. Прислонившись к забору, я потягивала чай, а Натан возился с большим зеленым зонтом, устраивая его так, чтобы стол оказался в тени.

– Достаточно окрепли, чтобы принести подушки на кресла из сарая?

В сарае стояла удушающая жара, но одновременно пахло сыростью и землей. На стенах висели садовые инструменты, на зубьях вил еще сохранилась грязь. В дальнем конце были сложены мешки с компостом и известью, на полках лежали книги по огородничеству и пакетики с семенами. Подушки оказались наполовину спрятанными под брезентом. Я потянула их и задела горшок, тот перевернулся, мелькнуло что-то серебристое, и по полу побежал такой большой паук, каких я еще видела. Я вскрикнула и выскочила на улицу.

– С вами все в порядке? – Натан принял у меня ношу.

– Паук, – объяснила я, отступив в угол сада, пока Натан тряс подушки. Облако пыли поднялось и тут же осело.

– Вы, девушки, всего пугаетесь. – Натан улыбнулся.

– Не всего, – возразила я. – Ваша девушка боится пауков?

– У меня нет девушки. Калли была моей невестой. Умерла несколько месяцев назад.

– Очень сочувствую. – Я ничуть не покривила душой.

– Спасибо. – С непроницаемым выражением Натан потащил кресла к столу, и я поняла, что он не хочет обсуждать Калли. У меня немного отлегло от сердца. Я не знала, с чего начать, а в голове до сих пор гудело от попыток проанализировать все случившееся.

Из соседнего двора послышалось тьяканье, судя по звуку, надрывалась совсем небольшая собачка.

– Мерзавец! Терпеть его не могу, – проворчал Натан. – Его хозяева – наши новые соседи. Калли бы хватил удар, если бы она до сих пор была здесь. Всей душой ненавидела этих джек-рассел-терьеров. В детстве ее тяпнул один такой, и с тех пор она их боялась. Удивительно. Вообще-то она любила собак, а к джек-расселам не приближалась, даже если они были на поводке.

Сад покосился и закачался, картина из стабильной превратилась в пульсирующую. Миссис Бейнбридж, Каспер, его острые, как иглы, зубы, Калли, страх, который я испытала на работе. Я шагнула к двери.

– Только загляну в туалет. – Мне надо было собраться с мыслями.

В туалете я устроилась на крышке унитаза. Калли боялась джек-рассел-терьеров. Не мог ли мне в клинике передаться ее страх? Звучит безумно. Я прижала ладонь ко лбу. Голова горела. Солнце в тот день жгло нещадно, и я уверяла себя, что это от жары и лекарств у меня такие нелепые идеи. Но было еще нечто помимо зноя. Я чувствовала то же, что и она. Но разве такое возможно?

Натан постучал в дверь и еще больше взвинтил мои и без того натянутые до предела нервы.

– Вам плохо, Дженна?

– Одну минуту. – Я нащупала запор, но рука так и не перестала дрожать. А когда я открыла дверь, то не знала, что сказать.

– Извините. С моей стороны было глупо приглашать вас в сад после всего. Вы очень бледны. Только не упадите снова в обморок.

– Я в порядке. Правда. Немного закружилась голова. Мне, пожалуй, пора.

– Подождите, сначала поешьте. Или, по крайней мере, повремените, пока вам не станет лучше. Сейчас сооружу болоньезе. Можем поесть в столовой. Славно в кои веки ею воспользоваться.

Я колебалась. С одной стороны, чувствовала себя отвратительно, с другой – мне очень хотелось поговорить с Натаном.

– Простите, я не слишком раскомандовался? Калли говорила, со мной такое бывает. Но это из лучших побуждений. С удовольствием проведу с вами время. – Он улыбнулся, и я поняла, что останусь.

– Согласна. Спасибо.

– Как вы с ней познакомились? С Калли? – Я сидела на кухонном стуле и хрустела кусочком перца, который Натан нарезал для соуса к макаронам.

– В баре. Пошел туда как-то вечером с коллегами по работе. Она ждала, когда ее обслужат, и смеялась тому, что говорил ей приятель. От ее внешности у меня перехватило дыхание. Она показалась мне самой красивой девушкой из всех, кого я встречал. Ее спутник отошел в туалет, и какой-то проходимец подкатил к ней и стал клеиться. Тот еще наглец – так много выпил, что почти не стоял на ногах. – Натан, вспоминая, хмурился. – Она отвернулась, показывая, чтобы он отвалил, но парень не понял намека. Не забуду ее лица, когда я подошел к ней и, обняв, поцеловал в щеку. Сказал: «Извини, дорогая, опоздал». На этот раз до парня дошло, и он ретировался к своим друзьям. Она назвала меня своим рыцарем в сияющих доспехах. Вот так мы и познакомились.

– Любовь с первого взгляда? – Наши с Сэмом чувства закипали

медленно. Прежде чем сойтись, мы сто лет дружили.

– В ней было все, что мне нужно. Милая, красивая, добрая. Даже слишком добрая. – Натан срезал верхушку с очередного красного перца.

– Разве можно быть слишком добрым? – спросила я. Самой мне часто казалось, что мир отнюдь не добр.

– Бывают случаи, когда нужно уметь постоять за себя. – Натан произнес это спокойно, но так крепко сжал нож, что побелели костяшки пальцев. Он сгреб овощи с разделочной доски на сковороду. Мясо, чеснок и томатный соус с травами уже кипели на медленном огне, и у меня заурчало в животе. – Посидим в гостиной, пока наше блюдо приготовится, – предложил он.

Гостиная оказалась безукоризненно чистой, белая мебель сверкала, между кожаным диваном цвета жженого сахара и журнальным столиком лежал большой ковер с длинным ворсом. В дальнем конце находилась еще одна дверь, которая, как я решила, вела в столовую. На каминной полке – большая фотография Калли в серебряной рамке. Она стояла на шатком деревянном мосту над бурлящей речкой и, смеясь, выбрасывала вперед руку. Из разжатых пальцев в воду летела маленькая палка.

Мой сон. Ноги словно лишились костей, и я утонула в диванных подушках.

– Это в ее день рождения, – объяснил Натан, но я не могла оторвать глаз от снимка. – Калли любила эту игру. У нас тогда не было денег, чтобы куда-то выбраться, но она сказала, что рада импровизированному празднику на природе.

Я это знала. Хотела ему рассказать о своем сне, о чувстве, когда ты бесконечно любима и бесконечно счастлива. Но разве он поймет? Совершенно невозможно. Мне снилось то, что никогда со мной не происходило. А происходило с другой женщиной, с которой я даже не была знакома. Я приложила ладонь к груди и ощутила удары – тук-тук-тук – биение сердца Калли во мне.

И в этот миг я с удивительной ясностью поняла: сердце – не просто орган. В сердце копят тайны и ложь. Надежды и мечты. Сердце больше, чем мышца. Я в этом убедилась. Сердце обладает памятью.

Глава 18

– Прочтите это. – Я помахала перед Ванессой стопкой листов формата А4, помятых после того, как они побывали в моей сумке.

Накануне вечером, вернувшись от Натана, я провела несколько часов, копаясь в поисковике, а затем распечатала страницы с реальными историями из жизни. Некоторые из них я прилепила на стену среди фотографий Калли, укрыв ими почти всю поверхность кухонных стен цвета магнолии.

– Дженна, насколько я понимаю, вы поверили в существование такого явления, как клеточная память... – начала Ванесса.

– Она существует! – Я вскочила со стула и невольно сжала кулаки. – Многие ученые и врачи поддерживают теорию, согласно которой память может накапливаться в нейронах сердца и передаваться реципиенту. Современная наука проверяет гипотезу о том, что с сердцем связаны наши чувства. Уже доказано, что оно обладает интеллектом.

– Однако никем не доказано, что клеточная память...

– Доказано, что память рассредоточена в нервной системе и что нервная система сердца насчитывает около сорока тысяч нейронов, которые сообщаются с мозгом. При пересадке сердца реципиент вместе с ним получает его нейроны. – Я не спала полночи, анализируя факты, вникая в медицинский жаргон и стараясь понять прочитанное. – Австрийский журнал «Исследование качества жизни» опубликовал работу, в которой приводятся факты, что двадцать один процент больных, которым пересадили донорское сердце, до некоторой степени испытали изменения своего состояния. Двадцать один процент – огромная цифра!

– Пожалуйста, сядьте. – Ванесса постоянно говорила одинаковым тоном. Она могла, вопросительно изогнув брови, так посмотреть поверх очков, что собеседник начинал сомневаться буквально во всем, но никогда не повышала голоса.

Я не послушалась и отошла к окну.

– Как прошел ваш первый день на работе?

– Вы сами можете посмотреть в Интернете. – Я была полна решимости не дать ей уйти от темы. – Клеточная память...

– Дженна, я не могу...

– Вы не хотите! – Я резко повернулась. – Пожалуйста, почитайте медицинские журналы. В Университете Гонолулу на Гавайях в отделении

подготовки медицинских сестер провели исследование. Выяснилось, что все, кто принял участие в эксперименте, претерпели изменения – стали ближе к своим донорам не только в плане воспоминаний, но также сенсорного восприятия. В Сети зафиксированы тысячи реальных случаев, когда людям пересаживали орган, и он их менял.

– Разумеется, менял: давал второй шанс на жизнь.

– Чью? Свою или донора?

– Совершенно невозможно, чтобы...

– Рассказывается, как англичанка, придя в себя после операции, свободно заговорила по-русски. Она никогда не была в России. Зато получила сердце от русской. Другая история: юноша обнаружил, что может играть, как профессиональный пианист, хотя никогда раньше не притрагивался к клавишам. Не я же все это выдумала. – Утром я снова и снова повторяла про себя факты, которые узнала, – понимала, что их нужно представить спокойно, иначе серьезной беседы не получится. А теперь спешила их выложить, и получался полный сумбур. Я торопилась, говорила слишком громко.

– Не сомневаюсь, конечно, не вы. Но с научной точки зрения...

– С научной точки зрения никак невозможно, чтобы девушка после трансплантации на первом уроке вождения автомобиля села за руль и поехала, как Льюис Хэмилтон. Ее донором был гонщик. – Я понимала, насколько нелепо звучат мои слова, но очень хотела, чтобы Ванесса мне поверила. И, опустившись на диван, заставила себя говорить спокойнее. – Речь не только о глобальных изменениях в людях. Меняются их привычки: им нравится есть то, что раньше они терпеть не могли, слушать новую музыку, читать другие книги. Если реципиенты встречаются с родными донора, выясняется, что все это любили те, чей орган они получили. Ученые воспринимают это всерьез, почему же вы не можете?

– Согласитесь, что вкусы могут меняться. И если человеку дарован шанс на вторую жизнь, вполне естественно, что он стремится к новому опыту. К новым книгам и музыке в том числе.

– Но эти странные сны... Воспоминания о том, чего не случилось с реципиентами, зато происходило с их донорами.

– Люди, сами того не подозревая, испытывают одно и то же. Абсолютно новый опыт – удел немногих.

– Но меня тянет к Натану. Слово мы с ним каким-то образом связаны.

– И у него такое же чувство? Ощущение связи?

В доме Натана, накручивая спагетти на вилку, я чувствовала себя в каком-то оцепенении и ушла, как только он помыл тарелки. Мы не

обменялись телефонными номерами. Утром я послала ему запрос на дружбу в «Фейсбук», но он не ответил. Том и Аманда также были недоступны. Неужели люди, с которыми я ощущала связь, так легко от меня отвернулись? Или я все это выдумала? Не обращая внимания на вопрос Ванессы, я продолжала:

– А как быть с моими приступами? Со страхом? Паникой? С видениями того, что якобы случилось в прошлом. А что, если это случилось на самом деле, но только не со мной, а с Калли? Ведь это возможно? Я же не схожу с ума?

– Вы не сумасшедшая, Дженна, но на вашу долю выпали мучительные испытания, и вам прописаны сильнодействующие лекарства. Ваша психика пострадала, и это вполне понятно. Так мы говорили о релаксации?

Я пропустила ее вопрос мимо ушей.

– А как быть с моим сном? Игра в палочки на мосту? Пикник?

– Я думаю, в такую игру в какой-то момент жизни успели поиграть все. Возможно, всплыли воспоминания из ваших детских лет.

Я не занималась сексом на пшеничном поле, когда была маленькой, подумала я, но эту часть видения решила Ванессе не рассказывать. Слишком неловко.

– Но почему воспоминания всплыли именно теперь? Перед знакомством с Натаном? – Что бы Ванесса сейчас ни ответила, это не имело смысла.

– Кто знает. Многие способны побудить подсознание вытолкнуть те или иные эпизоды на сознательный уровень. Запах. Звук. Ощущение.

– Уж слишком много совпадений. – Я подтянула рукава зеленой флисовой куртки Сэма и оперлась локтями на прыгающие вверх-вниз колени.

– Зачастую памятью управляют неуправляемые моменты. Вам приходилось видеть представления психологического иллюзиониста Деррена Брауна? Он пользуется побудителями, чтобы направить сознание в нужную сторону. Знает, что люди скажут и как поступят, потому что сам конструирует их реакцию. Внедряет визуальные и слуховые стимуляторы. Не исключено, что ваша память была спровоцирована подобным образом.

– Но мне кажется, что это не мои воспоминания, а Калли. Те видения, когда я на морском берегу с другой девочкой... я решила, что это Софи. У матери Калли на стене висят картины с изображением дочерей у моря. Мужчина на пикнике – это, должно быть, Натан.

– Допустим на минуту, что вы грезите воспоминаниями Калли. – Лицо Ванессы ничего не выражало, и я поняла, что она мне просто уступает. –

Что чувствует та девушка? Каково ей с тем мужчиной?

– Она с ним счастлива.

– Вам не приходило в голову, что ваше глубоко спрятанное чувство вины из-за смерти донора может проявляться в ваших видениях? В них Калли счастлива, и это облегчает вашу совесть.

Мгновение я размышляла над ее словами, и они показались мне вполне логичными.

– Но все это настолько реально! По-моему, она пытается мне что-то сообщить, но только слишком сумбурно. Сами видения радостные, но обрывки воспоминаний, мелькающих в моей голове, очень мрачные. Она чего-то боялась. Или кого-то. Я в этом не сомневаюсь.

– А вы, Дженна, испытываете страх? Вы, не Калли?

– Иногда.

– Давайте разберем ваши сны. Возьмем тот, в котором вы играете на побережье. Какое он оставил в вас чувство?

– Я чувствовала себя менее одинокой. – В детстве я всегда мечтала, чтобы у меня были брат или сестра. – И... – Я осеклась, краска залила мое лицо. Я вспомнила о других снах, в которых была с мужчиной. Не хотела говорить Ванессе, что до сих пор ощущала на коже его теплые пальцы, а когда просыпалась после таких снов, мое тело горело желанием. Может, мне просто нашептывало подсознание? Час назад клеточная память казалась реальной. Но теперь моя уверенность стала таять.

– Вы одиноки?

– Нет. То есть да. Немного.

– Если чувствуешь себя одинокой, мир может показаться страшным местом. Все, что вы испытываете, Дженна, исключительно ваши чувства. Это надо признать, чтобы двигаться дальше. У вас позади осталось трудное время – вы чуть не умерли. Отношения с Сэмом расстроились. Ваши родители расстались. Каждое из этих событий могло бы повлечь за собой сильный стресс. А на вас навалилось все вместе. Неудивительно, что вы настолько подавлены.

– Но Калли...

– Зацикленность на Калли вам на пользу не пойдет. Я всей душой симпатизирую ее родным: чрезвычайно похвально, что они согласились отдать вам орган, но вы должны сделать над собой усилие и примириться с тем, что произошло. Калли в любом случае не спасли бы – будь она донор или нет. А это... – Ванесса постучала кончиком ручки по моим распечаткам. – Вот почему мы не поощряем никаких иных контактов, кроме благодарственных писем. Получается слишком эмоционально. Для

всех сторон. Настоятельно не рекомендую впредь общаться с родными Калли. Не хочу показаться черствой, но вы моя главная забота. И должны ставить на первое место собственное психологическое самочувствие.

– Но сон о пикнике... – Теперь мой голос звучал неуверенно. – Раньше я терпеть не могла клубнику, а теперь не могу остановиться – ем и ем.

– Вкусы меняются по мере того, как мы становимся старше. Когда-то я заворачивала брюссельскую капусту в платок и прятала в карман, а теперь люблю.

– Это вряд ли одно и то же.

– Я не диетолог, но полагаю, что пристрастия может вызвать дисбаланс и недостаток гормонов. Организм знает, что ему требуется. Клубника – здоровый выбор, тут не о чем беспокоиться.

– Но... слушать «АББУ»!

– А вот это уже предмет для беспокойства. – Ванесса подмигнула, давая понять, что шутит. Затем положила планшет с зажимом и ручку перед собой на стол. – Простите, Дженна, наше время закончилось. Я вижу, что вы встревожены, и отношусь к этому серьезно. Конспектируйте свои мысли, записывайте все, что покажется странным, и приносите на следующей неделе. Будем разбираться вместе. А пока, пожалуйста, постарайтесь успокоиться.

Ванесса поднялась, и я поняла, что не найду у нее ответов, за которыми пришла. Она мне не поверила. Но со мной что-то происходило, и я собиралась выяснить, что именно.

Я уже собиралась выйти за дверь, когда она бросила:

– Дженна, отпустите Калли.

Я хотела спросить: «А что, если это Калли меня не отпускает?» – но промолчала. В затылок мне повеяло ледяным холодом.

Глава 19

Выйдя из кабинета Ванессы, я погрузилась в свои мысли. Ванесса мне не поверила. Но теперь я и сама в себе сомневалась. Вчера вечером, читая заметки очередного реципиента, я была уверена, что тело способно хранить память, но теперь задумалась: ведь, как сказала Ванесса, мы все принимаем одни и те же лекарства. Не могут ли они вызывать одинаковые побочные эффекты? Я ступила с тротуара на мостовую, и тут же раздался автомобильный гудок и скрип тормозов. Я застыла на месте. Разъяренный водитель высунулся из окна и, обозвав меня безмозглой дурой, объехал и умчался прочь. Откуда-то взявшаяся женщина среднего возраста увлекла меня обратно на тротуар.

– Вы в порядке, дорогая? – спросила она и при этом продолжала держать за руку. Меня охватила паника – ощущение, что мою свободу ограничили, настигло, как удар кулаком. Неужели раньше нечто подобное испытала Калли? Или я брежу? Я вырвала руку, но дыхание не восстанавливалось – воздуха не хватало. Свет слепил глаза, звуки оглушали. Терзало единственное желание – убежать. Я почувствовала себя одинокой. Совершенно, безнадежно, безвозвратно одинокой. Существовало всего одно место, куда я стремилась.

Машина Сэма стояла у дома его матери. С тех пор, как мы разъехались, он жил здесь. Я поднялась на мысочки у садовых ворот, ухватила пальцами холодный металлический запор, но открыть не смогла. После того как мы с Сэмом расстались, мы с Кэти не виделись, и я не знала, какой мне окажут прием.

Стук в стекло привлек мое внимание. Из окна спальни мне махал Гарри, брат Сэма по матери, и неловкость оттого, что меня засекли, сменилось облегчением, что мне не надо сразу возвращаться домой.

Отворилась передняя дверь. На Сэме были брюки от костюма и белая рубашка с закатанными рукавами, а галстук, насколько я его знаю, он закинул в карман пиджака. Видимо, недавно вернулся домой, иначе бы переоделся в футболку и джинсы. Большой палец ноги глядел из дыры в черном носке, и я испытала тянущее чувство печали, понимая, что, если бы обстоятельства сложились иначе, я была бы его женой, ухаживала бы за ним и штопала бы ему носки. Выругав себя за романтические бредни, я постаралась не распускать нюни. В жизни ничего не штопала.

– Привет, – поздоровался Сэм.

– Пришла вернуть тебе куртку. Знаю, что это твоя любимая. – Я вертела в пальцах шнурок, на который она затягивалась на поясе, но не делала попытки ее снять.

– Не хочешь зайти поздороваться с мамой?

Я поколебалась, но мне так сильно не хватало хотя бы видимости нормальной жизни, пусть даже на час, что согласилась, и, как только переступила порог, в мои объятия торпедой влетел Гарри. Я оперлась подбородком о его макушку и вдохнула аромат его шампуня – лимон с лаймом.

– Я по тебе скучал, Дженна.

– Я тоже по тебе скучала.

– Тогда ты должна была к нам приходиться.

– Должна. Вот такая я глупая. – Я отошла на шаг и скорчила ему гримасу.

Гарри хихикнул. Ему всего семь. Он результат непродолжительных отношений Кэти с мужчиной моложе ее, который не хотел иметь ничего общего ни с ней, ни с ребенком.

На кухне Кэти, стоя на коленях, поворачивала регулятор духовки и нажимала на кнопку электроподжига. Зашумело пламя. Когда она поднялась и повернулась ко мне, внутри у меня все похолодело. Я напряглась, ожидая ее реакции. На лице Кэти лежала печать усталости, вокруг глаз пролегли морщинки, которых несколько месяцев назад не было, но она, похоже, искренне обрадовалась моему приходу.

– Останешься на ужин? – Тон у нее был такой, словно мы расстались только вчера.

– С удовольствием.

– Тогда засучивай рукава. – Она улыбнулась, и все пошло как в прежние времена. Гарри разливал по стаканам апельсиновый сок. Кэти рылась в холодильнике, извлекая наугад пакеты с тем, из чего можно приготовить еду. Смайлики из картофеля, сосиски в тесте. Сэм открывал банку с тушеной фасолью. А я держала над миской с горячей водой замороженный шоколадный торт, надеясь, что так он оттает чуть быстрее. Из радио, неизменно настроенного на станцию «Хиты восьмидесятых», неслась композиция «Голоден, как волк» группы «Дюран Дюран». Когда мы с трудом уместились за крохотным кухонным столом, мне пришло в голову, что, оказавшись в этом доме, я ни разу не вспомнила о Калли. И ощутила укол совести оттого, что это было для меня облегчением.

За едой мы болтали, а после того, как съели торт по краям – в середине

все еще был лед, – Сэм принялся мыть посуду, а Гарри, сообщив, что теперь собирает «Лего Звездные войны», бросился за ними наверх.

Мы с Кэти перешли в гостиную. Она зевнула. Пряди волос выбились из хвоста, и она заправила их за уши.

– Гарри хочет познакомиться с отцом.

– О! – Я не совсем представляла, что ей ответить. Раньше она не заговаривала со мной об отце Гарри, а Сэм почти о нем не упоминал. А если упоминал, называл придурком.

– Это, конечно, должно было случиться, но, попросив раз, он больше от меня не отстает.

– Как вы думаете поступить?

– Я посчитала, что, каким бы он ни был прохвостом, будет честным послать ему эсэмэску – написать, что его сын задает вопросы. Решила: прощупаю почву, а там посмотрю. Но он не ответил и вскоре прекратил платить алименты. Прежде он всегда давал мне знать, прежде чем сунуть несколько бумажек в почтовый ящик – с банком дел не имел. – Кэти изобразила пальцами в воздухе кавычки. – Делал все, чтобы Гарри его не вычислил. Ему и в голову не приходило, что сын захочет с ним познакомиться. Наверное, сделал ноги.

– Вы пробовали ему звонить?

– Да. Четыре недели номер не отвечал, а теперь вообще отключен. Приходится брать дополнительную уборку, чтобы заработать. Выжата, как лимон.

– Что вы сказали Гарри?

– А что я могу сказать? Только не правду. Что его отец был безмозглым гулякой? Ребенка не хотел? Вел себя сам как маленький? Как-то видела его, когда он ехал мимо в машине с открытым верхом. С девицей, которая ему в дочери годится. Когда они остановились на светофоре, всю ее излизал. Очень хотелось ее предупредить, чтобы она поостереглась. В его пользу можно сказать, что он содержал Гарри, хоть знаться с ним не хотел. А вот теперь...

– Разве нет таких организаций, которые взимают с отцов пособия на детей? Вы пробовали с ними связаться?

– Бессмысленно. Он всегда говорил, что у него собственное дело. Что он предприниматель. Раз нет работодателя, с которого можно удержать деньги, то ничего поделаться нельзя.

Прежде чем мы успели продолжить, в комнату влетел Гарри с кучей моделек в руках. Я села, скрестив ноги, на пол и, восхищаясь всеми подряд, стала помогать ему пристраивать на место детали, выскочившие, пока он

бежал по лестнице. Гарри успел трижды обыграть меня в «Доктора Кто», когда я сказала, что мне пора.

– Дженна, можно я опять приду к тебе на работу посмотреть на зверьков? Ну пожалуйста! – Мальчик обхватил меня за ноги руками.

– Можно? – спросила я Кэти.

– Конечно.

– В воскресенье утром подойдет?

– Замечательно. До встречи.

– Я отвезу тебя домой, – предложил Сэм.

– Не беспокойся. Доберусь сама. – Я не хотела рисковать, оказавшись в машине наедине с Сэмом. Целоваться с ним. Это было бы нечестно по отношению к нам обоим.

На пороге мы неловко постояли. Затем потрепали друг друга по плечам, стараясь не коснуться телами.

На улице я снова почувствовала себя одинокой. Небо нахмурилось, по нему быстро неслись облака. Заметно похолодало, и я порадовалась, что забыла отдать Сэму его флисовую куртку.

Я была на полпути домой, когда небеса разверзлись, и на меня посыпались крупные холодные капли дождя. В квартире под дверью я подобрала с коврика конверт, принесла его в спальню, стянула через голову флисовую куртку Сэма, сняла джинсы и бросила их в стоящую в углу переполненную корзину с вещами для стирки. Села на край кровати и вскрыла пришедшее по почте письмо.

Дорогая Дженна!

Большое спасибо за то, что приходили познакомиться с нами. Мы и до этого знали, что частица Калли продолжает жить, но, встретившись с вами, убедились в этом воочию. Наша дочь спасла человеческую жизнь, и мы этим чрезвычайно горды. Оба ощущаем с вами тесную связь. В следующую субботу будет день рождения Калли. Или правильнее сказать: «был бы»? Не знаю. Не уверен, что когда-нибудь привыкну к тому, что случилось. Не хотелось застать вас врасплох, задавая этот вопрос по телефону, но мы собираемся возложить цветы на ее могилу и приглашаем вас затем присоединиться к нам отметить жизнь нашей девочки. Нам приятно сознавать, что ее часть с нами.

Ваши Том и Аманда.

Перечитав письмо во второй раз, я почувствовала, что дрожу. Открыла шкаф, чтобы взять сухую одежду, и, не удержавшись, достала деревянную

коробку и прижала ее к груди. Как Том и Аманда мирятся с тем, что им пришлось испытать? Коробка закрыта, но мне нет необходимости поднимать крышку, чтобы увидеть, что находится внутри. Я вижу это каждый раз, стоит мне закрыть глаза. Что сказал бы Сэм, если бы знал, что хранится в ней? Не представляю. Встав на колени, я осторожно отставила коробку в сторону и накрыла шарфом.

Вот и наступил очередной вечер. Я выложила таблетки в линию на кухонном столе, как когда-то выкладывала лекарства для животных, и, проглотив первую из огромного количества тех, что должна принимать, чтобы продолжать жить, запила теплой водой. С фотографий на стенах на меня с упреком смотрела Калли. Я не знала, что думать. До сегодняшнего приема у Ванессы я не сомневалась, что сердце – ее сердце – должно чувствовать хотя бы что-то из того, что раньше чувствовала она.

В гостиной мне никак не удавалось устроиться, чтобы было уютно. Я зажгла кокосовую свечу, которая всегда создавала впечатление, будто я лежу на золотистом песке и просеиваю между пальцами горячие песчинки. Я дала волю мыслям. Бен Ховард пел «Только любовь». Рука рисовала почти без моего участия. Я опустила взгляд на лист и, пораженная, увидела, что получилась девушка. Колено приподнято в воздухе, рука согнута в локте под прямым углом, словно она бежит. Голова повернута – посмотреть, что там за спиной, на лице выражение ужаса. Но меня потрясло не это. Девушка была точь-в-точь похожа на меня.

Глава 20

Я воткнула в башню, украшенную перышком, палочку от леденца. Чем не флаг? Камешки представляли окна и двери. На берегу было много других детей, но я не сомневалась, что наш замок самый лучший. Ты копала ров, и песок взлетал в воздух, попадая мне в глаза, рот и волосы.

– Прекрати, – попросила я.

– Что прекратить? – Ты резко повернулась ко мне.

Я посмотрела на тебя и невольно расплылась в улыбке. Ты загоразживала большую часть деревянной совы, находившейся у тебя за спиной, и получалось, будто ее распахнутые крылья растут из твоих боков. Я прыгнула и схватила корзинку.

– Завалим ров и побежали к морю. Кто отстанет, тот проиграл.

Я помедлила, давая тебе фору на старте. Ты отчаянно перебирала ногами – в одной руке корзинка, в другой – лопатка, и первой вспенила ступнями океанскую воду. Я была второй.

Прохлада остудила меня, я слизнула с губ солоноватую воду и рассмеялась, заметив на твоём лице испуг. Попрыгала и, присев на корточки, погрузилась в не очень-то голубую воду. Волосы обвилились вокруг плеч, я откинулась назад и, изобразив руками и ногами морскую звезду, дала увлечь себя волнам. В ушах шумела вода, а я, глядя на облака, чувствовала, что я одна в мире, и видела в небе то дракона, то свинью, то замок.

Я опустила ноги и стала бултыхать ими, пока не почувствовала песчаное илистое дно, и тогда повернулась к тебе.

– Попробуй. Словно превращаешься в рыбу.

Ты мотнула головой – всегда боялась намочить лицо, даже в ванной, и, когда мама мыла тебе голову, надевала защитные очки. Не умела плавать и не пыталась научиться.

Я встала у тебя за спиной и просунула руки тебе под мышки.

– Опрокидывайся назад.

– Я боюсь, – прошептала ты.

– Не бойся. Я тебя поддержу. Я всегда с тобой.

Глава 21

Погода отвратительная. За ночь суше не стало, облака такие же серые и набухшие. Пока я шла на работу, порывы ветра швыряли в лицо ледяные капли дождя. Я вытирала пальцами глаза, размазывая тушь, и невольно вспомнила о синяке Калли. Откуда он взялся? Неужели она правда наткнулась на шкафчик на работе? В голову мне пришла мысль: это можно выяснить, если зайти в ее клинику и спросить у ее коллег. По сторонам мостовой образовались лужи, и проезжающие машины то и дело окатывали меня водой. Раздосадованная, я попыталась думать о чем-то более радостном. Вспомнила виденный прошлой ночью сон про двух девочек. Несмотря на все научные выкладки, которыми оглушила меня Ванесса, я втайне решила, что девочки – это Калли и Софи. И, представив ту пору, когда Калли радовалась жизни, почувствовала, как поднимается настроение.

Открыв дверь в клинику, я приятно удивилась, увидев в приемной вместе с Линдой Джона.

– Как жизнь на отдыхе? – спросила я и сделала шаг, чтобы обнять его, но меня остановило выражение его лица.

– Дженна, давай поговорим в кабинете, – предложил он.

Я бросила сумку и пошла за ним. Линда закрыла за нами дверь, торопливо обошла вокруг стола и со вздохом опустилась на стул.

– После того как ты вчера ушла, мы получили жалобу от мистера Фримена. – Джон встал за спиной Линды и положил ей на плечо руку, но она сбросила ее.

– Кто?

– Он недавно переехал в этот район. Срочный звонок – не по записи. Его кот попал под машину.

– С кем он говорил? – Согласно нашим правилам, мы обязаны представляться, когда отвечаем по телефону.

– Сказал, что с тобой, Дженна. Он был очень расстроен, потому что ему отказали в приеме, ответили, что его проблемы не наше дело, и повесили трубку.

– Со мной? – Я подалась на стуле вперед. – Вообще о нем не слышала.

– Уверена? – переспросил Джон. – Линда мне сказала, что ты была очень... рассеянна.

– Абсолютно уверена, – ответила я. От лекарств я могла стать

забывчивой, но не грубой. – Вы ведь мне верите?

Линда ответила не сразу:

– Он мог ослышаться и перепутать имя. Забудем об этом. – Но, когда я выходила из кабинета, она отвела взгляд.

Каждый из нас понимал, что голос Элли или Рейчел сложно перепутать с моим. Мне стало обидно, что мне не поверили. Работа в клинике связывала меня с прошлой жизнью, и я не представляла, что буду делать, если ее не станет.

– Может, это Элли назвалась моим именем? – Я не успела себя сдержать, и слова невольно сорвались с языка.

– С какой стати? – На этот раз в голосе Джона не было ни намека на теплоту.

– Чтобы устроить мне неприятности. Вы сказали, ей хочется большей загруженности.

Взгляд Линды стал печальным.

– Элли – милая девушка. Мы о тебе тревожимся, Дженна. Ты вся в себе. Даже когда ты здесь, кажется, что мыслями витаешь где-то далеко.

– Прошу прощения. Обещаю быть внимательнее.

Линда и Джон переглянулись.

– Тогда за работу, – сказал Джон. – И если захочешь о чем-нибудь поговорить, попросить, не стесняйся.

Закрывая за собой дверь кабинета, я слышала их приглушенные голоса и понимала, что они обсуждают меня. И, встретив Элли в коридоре, не удержалась и обожгла ее взглядом.

Отвечая на следующий звонок, я была подчеркнуто вежлива.

– Привет, Дженна, – послышался дружески теплый голос. – Это Натан. Хотел узнать, как ты себя чувствуешь после того, что было в понедельник. Клял себя за то, что не узнал номер твоего мобильного. В социальных сетях я полный профан, зато запомнил, где ты работаешь. Надеюсь, не возражаешь, что позвонил?

– Нисколько. Чувствую себя нормально. Смущена, но ничего не болит.

– Именно это я и хотел узнать. – Его голос дрогнул. – Помнится, ты говорила, что в пятницу у тебя выходной. У меня тоже есть несколько свободных часов. Не хочешь прогуляться вдоль канала?

Я колебалась всего секунду:

– Согласна.

Пламя ароматической свечи отливало оранжевым, и вскоре вся

квартира наполнилась свежестью корицы. Я одну за другой сняла с дивана подушки и старательно их выбила – хотела, чтобы к приходу Рейчел все было в идеальном порядке. Раньше она приходила раз в неделю, когда Сэм играл в кегли, но с тех пор, как я заболела, традиция нарушилась, и я скучала по нашим посиделкам.

Часто во время наших девичников мы с упоением пилились в телевизор, критиковали шоу «Не говорите невесте» и визжали, обсуждая выбор жениха. Сегодня телевизор молчал, и экран был черный. Мы хотели о многом друг другу сказать, а в клинике на это часто не хватало времени. Открыв музыкальный сервис «Спотифай», я нашла то, что нравилось нам обеим, и из колонок полились звуки «Все может случиться» Элли Голдинг. Я стала подпевать, расправляя ковер.

Когда позвонили в дверь, я бросилась открывать и обняла подругу так, словно мы не расстались всего несколько часов назад. Ее волосы были влажными после душа и вместо запахов клиники издавали аромат грушевого шампуня.

– Прости, из «Алди», на «Теско» не заработала. Скажи, печально? – Она сунула мне в руки пакет, в котором звякнули бутылки. Но, переступая порог, улыбнулась. Ничто не могло расстроить ее надолго.

– Не надо было ничего приносить. – Но на самом деле я даже обрадовалась: собиралась по дороге с работы заскочить в супермаркет «Асда» и забыла. – Проходи, устраивайся в гостиной. Сейчас принесу напитки.

То, что она прошла за мной на кухню, я осознала, лишь услышав за спиной ее голос:

– Какого черта, Дженна? – Стоя посреди кухни, Рейчел бухнула сумку на пол и, открыв от удивления рот, поворачивалась, разглядывая фотографии Калли, мои листочки с пояснениями и информацию о клеточной памяти.

– Понимаю, полная неразбериха. – Я достала из пакета бутылку с розовым вином для Рейчел и шипучкой из бузины для себя и вынула из шкафа два бокала. – Но в ней есть своя логика. – Разорвав пакетик с солеными чипсами и высыпая их в мисочку, я не удержалась и кинула один в рот.

– Это... – Рейчел смотрела, как я облизываю пальцы. – Это ненормально, Джен.

– Ощущать в груди чужое пересаженное сердце тоже ненормально, Рейч. Понимаешь, я хочу выяснить, что произошло с Калли. Ради Тома и Аманды.

– Да... но это... – Она обвела рукой фотографии на стенах.

Не представляла, что Рейчел способна потерять дар речи. Она застыла перед холодильником, изучая фрагменты моей схемы. Я ждала, что она скажет.

– Боже... – Это все, что она смогла выдать.

Я взяла со стола бокал и почувствовала, как пузырьки, лопаясь, оставляют на пальцах липкие влажные следы.

– Пошли. – Прихватив чипсы, я направилась с кухни.

В гостиной Рейчел тяжело опустилась на стул, пригубила вино, осушила бокал за несколько секунд и налила еще.

– Сегодня мне звонил Натан. Он был женихом Калли.

Мне не терпелось признаться ей, что я встречаюсь с ним в пятницу, но я хотела дождаться шквала вопросов. Однако Рейчел ни о чем не стала спрашивать, а спокойно сказала:

– Мне кажется, тебе нужно с кем-нибудь поговорить.

– Я надеялась поговорить сегодня с тобой. – Моя радость оттого, что она пришла ко мне в гости, начала таять.

– Я имела в виду... специалиста в области психологии. Ванессу.

– Я не сошла с ума. – Мне стало обидно, что она сочла меня ненормальной. А ведь я ей еще не рассказала, что мне пришлось испытать. И в этот вечер уже не смогу, потому что почувствовала, как одиночество окутало меня, словно покрывалом.

– Я не думаю, что ты сошла с ума. – Рейчел говорила медленнее, чем обычно, словно тщательно подбирая каждое слово. – Но в последнее время в твоей жизни было много волнений: операция, Сэм, возвращение на работу.

– Да, работа доставляет массу волнений. – Я ухватилась за возможность переключиться с Калли или состояния моей психики на объявившуюся в нашей клинике новую медсестру. – Что ты думаешь об этой Элли?

– Мила. И конечно, очень молоденькая. Землю роет – берется буквально за все.

– Мне кажется, она копает под меня.

Изумление на лице Рейчел сказало больше любых слов. Пропасть между нами стала шире. Больно кольнуло ощущение потери, и я поспешила добавить:

– Не обращай внимания, глупости. Может, посмотрим телевизор?

Я выключила музыку и стала жать на кнопки пульта дистанционного управления, пока не наткнулась на старый эпизод реалити-шоу «Оденься к

свадьбе». Не прикасаясь к чипсам, мы молча смотрели на экран и не проронили ни звука, когда невеста взвизгнула от восторга при виде изящного гарнитура из кулона в форме сердечка и браслета. Сэм подарил мне такой же на День святого Валентина, и я носила его в застегнутом на «молнию» отделении сумочки, чтобы он всегда был при мне. Сегодня на мне был опознавательный браслет клиники, и я печально теребила застежку. Через час программа закончилась, и Рейчел поднялась, собираясь уходить.

– Завтра работаешь?

– Только с утра, – ответила я.

– А потом чем собираешься заняться? Поговори с Ванессой. Ради меня.

– Я об этом подумаю. – Это было сказано, только чтобы отвязаться. Я твердо знала, что завтра Ванессе звонить не стану. Позвоню в стоматологическую клинику Калли и повидаюсь с ее сослуживцами. Я твердо решила выяснить, посадила ли она под глаз синяк, наткнувшись на шкафчик, или его появлению есть иное объяснение.

Глава 22

Мы спрятались под крылом огромной деревянной совы. Крупные капли дождя молотили по гравию, с неба опустился туман, скрыв из виду море стального цвета.

– Готова? – спросила я, натянув тебе на лоб капюшон плаща и завязав шнурок под подбородком, чтобы ветер не сдул его с твоей головы.

Держась за руки, мы побежали к галерее. Сандалии разбрызгивали воду из луж, подол твоей одежды намок. Под крышей я расстегнула «молнию» на твоём плаще, и ты встряхнула головой, как собака, так что капли полетели на ближайшую ко входу машину.

– В этом, – показала ты, и я вложила горстку монет в твою ладошку и смотрела, как ты суешь один за другим десятипенсовики в щель автомата.

Я обхватила пальцами холодную металлическую ручку управления и стала водить большущей клешней влево-вправо, вперед-назад, пока ты не закричала и не захлопала в ладоши, потому что она оказалась точно над Пятачком. Клешня, снижаясь, сотрясалась, и ты опять зааплодировала, когда Пятачок начал подниматься на ноги. Я уже решила, что победа близка, но тут Пятачок выскользнул из клешни и упал к другим никому не доставшимся призам. Ты разревелась. Я протянула тебе мягкую розовую сахарную вату и, пока ты отрывала от нее куски и клала в рот, пошла к киоску и выложила все карманные деньги за симпатичную игрушку. Тебе же сказала, что выиграла ее специально для тебя. Ты улыбнулась, обхватила меня руками за талию и сказала, что я всегда делаю так, чтобы тебе было хорошо. Всегда. И я пообещала, что так будет и впредь.

Глава 23

– Сосредоточься, Дженна. – Линда помахала перед моими глазами рукой. Я попыталась собраться, но до этого снова думала о Калли.

– Простите, вы что-то сказали?

– Инсулин, который я просила заказать для Каспера, – где он?

– Разве не в кладовой?

– Я его не видела. Он вообще-то поступал?

– Должен был. – Но я не помню, чтобы его видела. – Элли?

Медсестра повернулась. Она расставляла по полкам жевательные игрушки для собак, напоминавшие скалящиеся пасти.

– Ты получала инсулин?

– Нет.

Я отодвинулась на стуле.

– Пойду проверю. Должен быть где-то там. Может быть, Рейчел его переставила? – Я не видела подругу все утро и решила, что после вчерашнего вечера она меня избегает.

Как только я встала, Элли скользнула на мое место и пододвинула к себе клавиатуру.

– Проверю заказ.

– Знаешь пароль для входа в систему? – Я начала диктовать.

– У меня свой, – бросила она в ответ и уставилась в экран. – Пока тебя не было, я помогала с приобретением лекарств. Нет, на этой неделе инсулин не заказывали.

– Я уверена... простите. – Мои щеки вспыхнули, и я прижала к ним ладони.

– Не беда. Сейчас позвоню в «Зеленые просторы», может, у них найдется свободная порция. – Линда сказала это без улыбки и с холодком в голосе.

Я ее не осуждала, ведь в последнее время я действительно совершила кучу ляпов. Два дня назад оставила в процедурной средство от кишечных паразитов для кошки, но его доза вдвое превышала ту, что полагалась ей по весу. Я могла убить животное и каждый раз приходила в ужас, как только вспоминала об этом.

– Не парься, Дженна, я смотаюсь и заберу. – Элли расплылась в улыбке.

Я обожгла ее взглядом. Линда считает, что она исключительно

хороший работник, но так ли это? Нет ничего проще, чем стереть строку в таблице заказов. Сомнение закралось мне в душу, кровь закипела, мышцы напряглись. Неужели я наделала столько ошибок? Вместо воспоминаний в моем мозгу зияли черные дыры. Жалко, не удалось вчера поговорить об этом с Рейчел.

Звякнул дверной колокольчик, и на пороге появилась женщина, волочащая за собой на поводке сопротивляющегося пуделя. Собака упиралась ногами в пол, запрокидывала голову и выла. Мне захотелось завывать вместе с ней. Я взглянула на часы: до обеда, когда я заканчиваю работу, целый час. Звуки клиники словно отошли на второй план, и я снова погрузилась в свои мысли.

Дорога до стоматологической клиники, где работала Калли, была недолгой. Пересекая автостоянку, я отметила, какие дорогие на ней машины: черный «БМВ», серебристый «Мерседес», ярко-желтый спортивный автомобиль, судя по всему, с откидывающимся верхом. Да, дантисты зарабатывают явно больше, чем ветеринары.

Толкнув тяжелую входную дверь, я ощутила запах гвоздичного ароматизатора и услышала приглушенное гудение бормашины. В детстве я ужасно боялась зубных врачей. Когда мне ставили пломбу, я так сильно испугалась укола, что потом каждый раз тряслась, получая напоминание об очередном осмотре. Зато теперь, после стольких анализов крови, едва замечая, как иглы входят мне под кожу.

Приемная отличалась безукоризненной чистотой, в углу возвышался фикус. На полу карапуз вытаскивал из синей пластмассовой коробки игрушки и пришел в большой восторг, обнаружив паровозик Томас.

– Чем могу помочь?

Я была настолько поражена белизной зубов секретарши, что ей пришлось повторить вопрос.

– Ах да, простите. Я не ваш постоянный клиент, но мой зубной врач ушла в декретный отпуск. Нельзя ли попасть на прием у вас? У меня сильно кровоточат десны, и это меня тревожит.

– Сейчас проверю, но, кажется, все занято. – Она накрыла ладонью компьютерную мышь, повозила ею по столу, и экран ожил. – Неужели в вашей клинике нет никого, кто бы мог вас осмотреть?

– Все сильно заняты. Вообще-то я хочу лечиться у вас. Здесь работала моя двоюродная сестра и рассказывала о врачах много хорошего.

– Вот как? – Секретарша подняла на меня взгляд. – Кто же она?

– Калли. Калли Валентайн. – Я едва поверила тому, что мой язык был

способен выговорить такое.

– О боже! Сочувствую. Я Сара. Мы с Калли дружили. Она...

– Сара! – Я вспомнила фотографию из Интернета и рискнула: – Вы та самая Сара, с которой Калли участвовала в благотворительном марафоне по сбору средств на борьбу с раком?

– Да.

У меня вырвался вздох облегчения.

– Нас всех потрясла ее смерть. Вот что: я спрошу Криса. У него сейчас обеденный перерыв, но я не сомневаюсь, что он не откажется вас осмотреть. Крис питал к Калли слабость. – Сара пододвинула мне лист и ручку. – Заполните вот это, и я включу вас в список наших пациентов.

– Спасибо. – Пока она говорила по телефону, я скользнула взглядом по висящим на стенах плакатам с советами по гигиене полости рта, но слова сливались на них. Что я творю? Лгу! Меня выведут на чистую воду.

– Он спускается, – объявила Сара, и через секунду на лестнице послышались шаги, и в приемную ворвался мужчина примерно моего возраста в белом врачебном халате.

– Привет, – поздоровалась я.

Через несколько неловких мгновений он произнес:

– Вы на нее похожи. На Калли. – Его голос сорвался. Он разглядывал мою прическу, словно воспроизводил в памяти каждую прядку. Я смущенно переминалась с ноги на ногу под его изучающим взглядом.

– Не очень. – Я подняла руку и коснулась головы. – Дело в прическе. Красные волосы очень узнаваемы. Спасибо, что согласились принять меня без записи. Очень любезно с вашей стороны. Не знаю, рассказала ли вам Сара о моей проблеме. – Я продолжала бормотать, заполняя паузу.

– Да. Вас беспокоят десны. Поднимайтесь со мной, я посмотрю.

Крис повернулся, и я по крутой лестнице последовала к нему в кабинет, где повесила сумочку и куртку на вешалку в углу. Затем спросила, могу ли воспользоваться туалетом, прежде чем показать рот. Там плеснула в лицо холодной воды. Я не понимала, почему так разнервничалась: то ли от его реакции при виде меня, то ли оттого, что оказалась в месте, где работала Калли. Мое дыхание участилось, щеки порозовели.

Когда я возвратилась в кабинет, Крис указал мне на большое черное кресло и предложил пластиковый передник, чтобы закрыть одежду.

– Вы были с ней близки? С Калли? – Я отчаянно искала слова, только бы не молчать.

– Вы ее кузина?

– Да. – Поколебавшись, я продолжала: – Она о вас рассказывала. Это

естественно... – Я завязала передник на поясе и оглядела кабинет, где царили блестящая белизна и хром. На стене висела пробковая доска, на ней – приколотые разноцветными булавками фотографии. В центре Крис и Калли щека к щеке улыбались в объектив. Он проследил за моим взглядом.

– Выезд с коллегами на барбекю. Как долго кровоточат ваши десны?

Я рассказала, какие принимаю лекарства, но не объяснила, по какому поводу.

– Вполне естественно, – прокомментировал он. – Но вы правильно поступили, что пришли. Береженого бог бережет. Согласны?

Я села, и Крис натянул пластиковые перчатки. Кресло загнуло и откинулось назад. Он взял блеснувший в свете лампы над головой инструмент из нержавеющей стали. Я закрыла глаза и, широко разинув рот, ощутила на подбородке струйку слюны. Острие прошло по зубам, ткнуло в десны. Я постаралась сосредоточиться на настроенном на станцию классической музыки радио.

– Полагаю, кровоточивость – неизбежный побочный эффект принимаемых вами препаратов, а все остальное выглядит вполне нормально. Приходите через полгода на контрольный осмотр.

Кресло снова загнуло, и я уже не полулежала, а сидела. Прополоскав рот розовой жидкостью, сплюнула в чашку из нержавеющей стали, в которой все шипело и булькало. Крис стянул с рук перчатки и кинул их в мусорный бак под ногами.

– Очень сочувствую вам в связи с Калли. Я был к ней очень привязан. Как и все мы. – В дверь постучали. – Мой очередной пациент.

Я огорчилась, не успев задать ему никаких вопросов.

– Спасибо, что нашли время меня принять.

– Не за что. До встречи.

Внизу я порылась в сумочке, нашла кошелек и дождалась, пока Сара упакует карапузу, которого я видела, когда пришла, зубную щетку и пасту. На ручке оранжевой щетки красовался лев, а на тюбике с пастой – ягоды клубники.

– Смотри, собачка. – Карапуз показал мне стикер с изображением Скуби-Ду.

Я ответила, что у меня такого нет, а раз у него есть, значит, он замечательный мальчик. Карапуз засиял от восторга.

– Как все прошло? – спросила Сара, когда мальчика увели.

– Нормально, – ответила я и спросила: – Кто-нибудь из ваших сотрудников живет в Вудхейвене?

– С какой стати? Отсюда до Вудхейвена путь не ближний. Почему вы

интересуетесь?

– Там у Калли случилась авария. Нам неизвестно, почему ее туда занесло, и мы очень хотим выяснить.

– Понятия не имею. Извините.

– Знаете кого-нибудь, кто может помочь? Калли не рассказывала о своих друзьях. Так часто бывает в семьях – с близкими не всем делятся. С кем она водила дружбу?

– Полагаю, с Натаном. Мы немного над этим подтрунивали. Но по-доброму. Милая была пара – все время вместе. Натан часто заезжал за ней на работу, если их расписания совпадали. Мне бы такого парня, говорила я ей не раз.

– Какой она вам казалась незадолго до гибели?

– Дайте вспомнить. – Сара наморщила лоб. – В понедельник она не вышла на работу – подхватила какую-то инфекцию. Натан звонил, хотел с ней поговорить. Следовательно, она заболела внезапно, когда он уже ушел на работу, поскольку он не знал, что она осталась дома. Когда же она вышла, то выглядела ужасно, была очень бледной и с синяком под глазом. Сказала, что поскользнулась, выходя из душа, и ударилась. Сидела бы дома, сказала я ей. Заразишь нас всех, а я не хочу свалиться на свой день рождения на следующей неделе. Наградишь инфекцией – убью! – Сара опустила взгляд. – Откуда мне было знать, что все так обернется? Знала бы, молчала.

– Это всего лишь слова. Не переживайте. Калли не любила грустить. – Я говорила так, словно на самом деле ее знала.

– Она бы не пошла домой. Слишком была совестливой. Не любила отпрашиваться. Я постаралась сделать так, чтобы на той неделе у нее было поменьше нагрузки, возилась с ней, даже приносила домашний суп, но Натан каждый день забирал ее на ланч, и она ни разу его так и не попробовала.

Как и Том, Сара как будто верила, что Натан искренне заботился о Калли, но мне все это показалось слегка чрезмерным.

– Не сомневаюсь, что она ценила вашу заботу.

– Надеюсь. Как держатся ее родители и Софи?

– Том и Аманда стараются изо всех сил, а Софи сейчас здесь нет. Она уже несколько месяцев в Испании, но никто не получает от нее вестей.

– Учитывая прошлое, это даже неплохо.

– Какое прошлое?

Сара покраснела.

– Она пила в «Принце Уэльском», это паб на Грин-стрит. Не в курсе?

Малость слетела с катушек. Калли не нравилась компания, в которой она тусовалась.

– Заеду туда по дороге домой. Может, кто-нибудь что-то о ней слышал. Спасибо.

– Одну секунду, я кое-что вспомнила. – Сара повернулась, порылась в ящичке и, вновь повернувшись ко мне, протянула прозрачный пластиковый пакет с толстым телефоном «Нокия» внутри. – Нашла, когда освобождала ящик Калли. У нее был айфон, а этим она регулярно не пользовалась. Я решила, телефон – не та вещь, из-за которой стоит тревожить ее родителей. Старье. Наверное, валялся здесь тысячу лет. Даже не включается. Еще были вафли в шоколаде, но я их съела. Ужасно, да? Но мы привыкли всем делиться.

– Калли бы не возражала. – Мне стало казаться, что я на самом деле ее знала.

Я взяла телефон. Хоть Сара и сказала, что аккумулятор сел, не удержалась и нажала на кнопку, но экран остался темным.

Выходя из клиники и прижимая «Нокию» к груди, я почувствовала на затылке чей-то обжигающий взгляд и обернулась: в окне смотрового кабинета темнела тень Криса.

Глава 24

После клиники я направилась в магазин купить зарядку для отданного мне Сарой телефона. Но сразу домой не пошла – решила заглянуть в паб, где бывала Софи, надеясь застать зашедших туда выпить после работы завсегдаев. Кто-нибудь мог знать, где она. Я представила, как бы обрадовались Том и Аманда, если бы я связалась с их дочерью и сумела бы убедить ее вернуться домой.

В «Принце Уэльском» не было ничего от его королевского названия. Выцветшая, облупленная вывеска с изображением короны поскрипывала на ветру, рамы в окнах дребезжали от звуков тяжелого рока. У тротуара, словно солдаты, выстроились, сверкая хромом и черными гладкими сиденьями, мотоциклы. Час был еще не поздний: луна и солнце сосуществовали в одном пространстве, и небо было усеяно пятнами индиго и серого. Я заглянула сквозь треснутое стекло в двери – внутри для этого часа оказалось на удивление людно. Над стойкой висели серебристые кружки. Но тут из паба раздался рев, и я, подвернув лодыжку, поспешно отступила. Дверь так и осталась закрытой. Я снова посмотрела внутрь: на дальней стене висел телевизор и беззвучно демонстрировал футбольный матч, а двое парней перед ним освистывали то, что происходило на экране.

– Так вы входите или нет? – прорычали за мной, и я, подскочив и бормоча извинения, пропустила мужчину в паб и вошла за ним. Лодыжку дергало при ходьбе.

Возможно, всему виной мое воображение, но мне показалось, что при моем появлении голоса немного стихли. В затылок повеяло холодком, словно в него дышали, но, обернувшись, я никого не заметила. Достав из кошелька десятифунтовую банкноту, я ждала, пока меня заметит бармен. Рука у меня дрожала. Сзади раздался удар бильярдного шара, и я дернулась. Все звуки стали очень громкими. Слишком громкими. Из игрового автомата со звяканьем посыпалась мелочь, и я почувствовала струйку пота между лопатками. У меня возникло непреодолимое желание убежать и запереться в безопасности своей квартиры. От страха я не заметила стоявшего передо мной бармена, пока он обеими ладонями не хлопнул по стойке.

– Оглохли или как? Я по-английски к вам обращаюсь? Как, Нейл?

Парень, сидевший у стойки справа от меня, хихикнул:

– Вполне тебя понимаю, Стив.

Я открыла было рот, но язык словно присох к гортани.

– Что... вы... хотите... выпить? – спросил Стив.

Мое лицо пылало. Но я вспомнила Тома и Аманду, и по сравнению с их горем то, что ощущала я, показалось незначительным.

Я посмотрела на бармена в упор.

– Лимонад с лаймом. – Поскольку он не пошевелился, я добавила: – Будьте любезны.

– А соломинку к лимонаду не желаете?

Я начала отвечать, но Нейл повернул голову и взглянул на меня.

– Дай ей вишенку с зонтиком.

Я поняла, что надо мной смеются. И надежда, что в этом пабе я сумею получить какую-то информацию, рассыпалась в прах, и вместе с ней из тела ушла вся сила. Я подвинула к себе табурет и села.

Бармен со стуком поставил передо мной стакан с лимонадом, брызги полетели через край. Он выжидающе смотрел на меня, требуя взглядом, чтобы я что-нибудь произнесла. Я опустила глаза и потянулась за полотенцем, чтобы промокнуть лужицу, но оно было покрыто коркой, и в итоге я просто вытерла пальцы о джинсы. Лимонад был безвкусным и теплым, но энергия лайма оживила меня. Я распрямилась, подняла голову и отодвинула стакан:

– Положите льда.

Бармен заколебался, потом на его лице промелькнула тень улыбки. Нейл расхохотался и, подъехав поближе ко мне, прихватил ведроко со льдом. От него несло бензином и застарелым запахом табака, и мне пришлось сделать усилие, чтобы не отодвинуться.

– Не видел тебя здесь раньше. – Он расстегнул «молнию» на куртке с капюшоном и стянул ее. На бледной коже его грязных рук неприятно темнела поросль. Сняв крышку с ведерка, он подцепил пальцами кубик льда и плюхнул его в мой стакан. Мне с трудом удалось удержаться и не поморщиться. Стараясь не думать о грязи под его ногтями, я благодарно улыбнулась, взяла стакан и, не сделав ни глотка, солгала:

– Я только что переехала в этот район. Моя подруга сюда заходила, и я тоже решила попробовать.

– Вот как? – Нейл поднял кружку и пригубил пиво. На его верхней губе образовались усы из пены. Он смахнул ее тыльной стороной ладони и спросил: – Как зовут твою подругу?

– Ее имя Софи.

– Не знаю. У нас бывает много девчонок.

– Подожди-ка. – Я вспомнила про фотографию, которую дал мне Том,

достала ее из сумочки и показала Нейлу: – Софи слева. Узнаешь?

– Нет. Хотя сам постоянно сюда заглядываю.

По его лицу я ничего не могла прочесть. Неловко сползая с деревянного табурета, хотела убрать снимок, но Нейл вырвал его из моей руки.

– Стив, подружка этой девчонки вроде бы здесь выпивала. Ты здесь дольше меня. Не припоминаешь? – Он помахал зажатым между пальцами снимком.

– Нет. – Стив даже не удосужился повернуться и посмотреть.

– Ну и где эта твоя подружка? – Нейл наклонился ко мне. От него пахло луком.

– Не знаю. – От его любопытства у меня по коже побежали мурашки. – Если честно, она мне не подружка.

– Но ты носишь с собой ее фотографию. Значит, она тебе дорога. Я бы сказал, что ты немного похожа на ее сестру. – Его тон изменился, он внимательно меня изучал.

– Откуда тебе известно, что Калли сестра Софи, если ты не знаешь саму Софи?

– Должно быть, ты сказала.

– Не припоминаю. – Я старалась прокрутить в голове наш разговор, но настолько разнервничалась, что детали выпадали из памяти.

– Ты называешь меня лжецом? – Дружелюбие исчезло из его голоса, глаза сощурились.

– Нет. Конечно, нет. – Я взяла снимок, открыла сумку, но мои руки так сильно дрожали, что она выскользнула, и ее содержимое разлетелось по полу. Наклонившись, я накрыла ладонью тампон, желая одного – провалиться сквозь землю.

– Так ты из Форест-Гейт? Не ближний свет. – Нейл, открыв портмоне, изучал мое удостоверение личности.

– Оно старое. Получила до того, как перебралась сюда, – солгала я, отобрала у него документ и поднялась. – Есть здесь туалет? – Может, удастся выскользнуть через черный ход?

Нейл мотнул головой в направлении дальнего конца паба, и я поспешила в темный коридор. Подошвы прилипали к деревянному полу.

Я не нашла другого выхода и толкнула ободранную дверь с надписью «Женский». Внутри пахло химией. Ярко-красная жидкость плескалась в покрытых пятнами унитазах. Матовое окно над грязной раковиной было приоткрыто, и я, задыхаясь от духоты, потянулась к нему.

За окном мелькнули тени, слышались звуки потасовки. Что-то

ударилось о стену. Я боялась пошевелиться, слушая, как какой-то мужчина умолял: «Простите! Не получается! Пожалуйста, не надо!»

Кто-то упал. Вскрикнул. Послышался другой голос, грубее первого:

– Должно получиться. Ты знаешь, что случится, если не получится. Ты же не хочешь оставить своих детей без отца? Каково им будет, если их папа попадет в аварию?

Я представила, как Калли ведет машину, не пристегнувшись ремнем безопасности, и похолодела. Я понимала, что надо убираться отсюда. Но как?

Заглянув в помещение бара, я из-за шума в ушах едва слышала музыкальный автомат. Место, где сидел Нейл, было свободно, его пустая кружка стояла рядом с моим нетронутым лимонадом, но куртка с капюшоном лежала на табурете. Не его ли голос я слышала из окна туалета? Я бросилась к двери, не обращая внимания на крикнувшего мне вдогонку Стива:

– Лимонад не будете допивать, принцесса?

На улице с сигаретами в руках праздно стояли двое мужчин, в воздухе вился табачный дым. Я поежилась, чувствуя на себе их взгляды, и едва не бросилась бежать, преодолевая боль в лодыжке. На землю быстро опускалась ночь, небо становилось чернильно-синим, а фонари горели через один. До дома было далеко, и, завидев автобусную остановку, я заколебалась, но побоялась стоять одна, и это чувство незащищенности погнало меня дальше. Меня преследовала угроза, которую я слышала из туалета: «Мы устроим так, чтобы все решило, будто случилась авария». Вспомнила обстоятельства гибели Калли, но прогнала мысль о ней.

Погода менялась, сгущался туман, и я шла, обхватив себя руками, защищаясь от ветра, щипавшего щеки и до онемения холодившего нос. На мне был только легкий пиджачок и хлопчатобумажный шарф с подсолнухами – я совсем забыла, какими коварными бывают весенние вечера. Мимо проезжали машины, и лучи фар прорезали сумрак. Мне стало не по себе от ощущения, что за мной следят. Я повернулась, но никого не обнаружила. Прибавив шаг, продолжала идти. За спиной послышался звук, и, не сумев определить его источник, я остановилась. В ушах стучала кровь, я посмотрела налево, потом направо. Сквозь тюлевую занавеску в соседнем доме светился экран телевизора, и сознание, что люди так близко, успокоило меня. Я выругала себя за нелепые страхи и уже решила позвонить Сэму, когда за стоящей у тротуара машиной послышалось шарканье. Я ощутила всплеск адреналина, напрягла зрение, стараясь не пропустить движение, но не видела ничего, кроме темноты. Но вот что-то

изменилось, мелькнула тень. Я повернулась и бросилась бежать. Подошвы гулко стучали по мостовой.

До дома оставалось не так далеко, но, добежав до перекрестка, я совершенно выдохлась. Нажала кнопку светофора, но не стала ждать смены сигнала и вышла на проезжую часть. В парке было тихо, утки на пруду прятали головы под крылья, дети не бросали крошки в мутную воду. На игровой площадке что-то скрипнуло, и я застыла. Что это было? Порывы ветра, став сильнее, раскачивали качели. Те поскрипывали, словно на безлюдной площадке развлекался ребенок-призрак.

Срезая путь, я пошла по траве, адреналин притуплял боль в лодыжке. Мои парусиновые туфли напитались влагой. Вдали от дорожки было темнее, но я знала, что почти добралась до ворот. И тут услышала шаги. Остановилась, обернулась. Все было тихо. Я так крепко сжала кулаки, что ногти впились в ладони. В кустах раздался шорох. Наверное, это просто какое-то животное. Я двинулась дальше, но звук повторился: шлеп-шлеп-шлеп – шаги по бетону.

– Эй? – Я оглянулась и затаила дыхание. Мне показалось, что сквозь пульсирующий шум в ушах я снова различила звук шагов. Я кинулась к воротам. Сумка колотила по бедру, легкие жгло от напряжения и морозного воздуха. Задыхаясь, я снова выскочила на тропинку и оказалась совсем близко к цели. Мокрая обувь скользила по земле, но я не снижала темпа. Пара минут – и я дома. Но у самых ворот я ощутила рывок назад. Что-то дернуло меня за шарф. Или кто-то.

Глава 25

Страх придал мне сил. Вцепившись обеими руками в шарф, я закричала, мышцы напряглись, я готова была ощутить горячее дыхание на шее, руки на горле, но послышался лишь звук рвущейся материи. Шарф зацепился за ветку дерева, я высвободила его и, чуть не расплакавшись от облегчения, влетела в ворота. Я почти дома. Расстегнув «молнию» на сумочке, я стала искать ключи, но рука так сильно дрожала, что не удержала их, и они со звоном упали на землю. За спиной кто-то кашлянул. Мужчина. Когда я подбирала ключи, меня буквально трясло от страха.

Общую дверь никогда не запирали. Я так сильно ее толкнула, что она ударилась о стену, отскочила и стукнула меня по щеке. От удара зубы лягнули, и я прикусила язык.

Глотая кровь, я бежала наверх, перескакивая через две ступени, и, когда оказалась у своей квартиры, руки у меня дрожали, и я никак не могла попасть в замочную скважину. Внизу хлопнула входная дверь. Неужели сразу за мной в дом вошел другой человек? Я продолжала сражаться с замком. Внизу скрипнули ступени: то ли это усаживалось после моих шагов дерево, то ли по ним ступала нога незнакомца. Я судорожно водила ключами вверх и вниз и, наконец, попала в отверстие. Поворот ключа в замке, и я, ввалившись в дверь квартиры, захлопнула ее за собой.

Ноги больше не держали меня, я осела на пол в коридоре и долго не могла встать, ощущая, как из меня уходит адреналин, прислушиваясь к собственному судорожному дыханию и несущемуся из квартиры наверху рэпу.

Немного успокоившись, я поднялась, но ноги продолжали дрожать, и, когда я ковыляла к кухонному окну, мне казалось, что подо мной не твердый пол, а мягкая губка. Фонари мерцали в саване тумана, скрывавшем большую часть улицы. Я ничего не могла разглядеть, но это вовсе не значило, что там никого не было.

Я щелкнула выключателем. Поначалу свет был тусклым, но по мере того, как разгоралась энергосберегающая лампа, стали яснее видны прищипленные к стенам скачанные с «Фейсбука» фотографии Калли. Я взгляделась в одну из них: с секатором в руке она стоит на коленях у розового куста. *Что с тобой случилось?* Я взяла красный фломастер и, добавив в схему на холодильнике паб «Принц Уэльский», соединила его кривой с Софи. Важна ли эта деталь? Такое впечатление, что я пыталась

нарисовать картинку, последовательно соединяя точки: если пропустить хоть одну, все рухнет и теряет смысл.

Я подключила полученный от Сары телефон к только что купленной зарядке, но он так и не заработал. Я села за стол и, чтобы оживить экран ноутбука, нажала на клавишу пробела. От щелчка клавиатуры стало спокойнее. Я набрала «СОФИ ВАЛЕНТАЙН» в поисковой строке «Гугла», но не смогла найти ничего, что имело бы к ней отношение. А ведь в «Фейсбуке» были тысячи девушек с таким именем. Попробовала «ПРИНЦ УЭЛЬСКИЙ», указав адрес паба, и пролиستала материалы, представленные порталом «Трипэдвайзер», после которых вряд ли кого-нибудь потянет его посетить. Наконец я наткнулась на кое-что интересное:

В парке на Грин-стрит рядом с пабом «Принц Уэльский» бегуны обнаружили тело жестоко избитого мужчины лет тридцати. О его пропаже в девять утра сообщила неназванная подружка, которая не сумела до него дозвониться, – его мобильник впоследствии был найден разбитым на месте преступления. Полиция выехала опросить девушку, когда поступило сообщение о том, что пропавший мужчина найден. Нанесенные побои были жестокими, но, как полагают, не угрожающими жизни. Полицейский Филлип Денби выяснил, что пострадавшего видели в пабе «Принц Уэльский», откуда он позвонил своей подружке примерно в половине одиннадцатого, когда собрался уходить, но домой не вернулся. Полиция просит всех, кому что-либо известно о данном инциденте, позвонить по номеру...

Слова, подслушанные в пабе, грузом легли мне на грудь: «Ты же не хочешь оставить своих детей без отца? Каково им будет, если их папа попадет в аварию?»

Хлопнула дверь в подъезде, и я подскочила. Кто-то вышел или вошел. Я ждала, сжав кулаки. Ни шагов на лестнице, ни звуков из квартиры наверху. Меня охватила тревога, я осторожно встала и, чтобы не шуметь, приподняла, а не отодвинула стул. На кухне горел свет, и все, что я увидела в окне, – это отраженное в стекле глядящее на меня собственное перепуганное лицо.

Нехотя вернувшись к столу, я открыла еще одну заметку, выложенную через несколько дней после первой:

Вчера в пабе «Принц Уэльский» по подозрению в нападении на человека полиция арестовала местного жителя, некоего Нейла Картрайта (приводилась фотография). Ранее его допрашивали по делу о распространении амфетамина. Также ему было предъявлено обвинение в разбое.

Я увеличила зернистую фотографию и всмотрелась в лицо на снимке. Голова слегка повернута вправо, словно он говорит с человеком, который стоит у него за спиной и чье изображение еще более размыто. Но мужчина на фото, несомненно, – тот самый Нейл, с которым я недавно перебросилась несколькими словами. Кто он такой и откуда ему известно, что Калли и Софи сестры?

Снова раздался стук, но на этот раз не снизу. Кто-то колотил в дверь моей квартиры. Сердце подскочило к горлу – в этот час я никого не ждала. Мой мир после операции настолько сузился, что заглянуть ко мне могли всего несколько человек, и они бы обязательно позвонили. Стук повторился, на этот раз громче. Незванный гость проявлял нетерпение. Стараясь не шуметь, я замерла, едва способная дышать. И тут мне в голову пришла страшная мысль: а заперла ли я входную дверь? Я вспомнила, с каким облегчением ввалилась в коридор и рухнула на пол, сжимая в руках сумку и ключи. Ведь не закрыла. Совершенно ясно, что не закрыла. И перед тем, кто стоит на лестнице, нет никакой преграды.

Глава 26

Схватив брелок, я прокралась в темный коридор, морщась каждый раз, когда звякали ключи. Протянула руку, вставила ключ в замок и, затаив дыхание, попыталась его повернуть. Но замок был заперт. Видимо, я сделала это автоматически. Я отступила от двери, но в этот миг лязгнула крышка почтового ящика, и в щели блеснули глаза.

– Калли, вы дома? Это я, Крис.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы имя всплыло в памяти. Тот самый голос. Сослуживец Калли.

– Крис? – Я включила свет, отперла замок и рывком распахнула дверь.

На нем был черный плащ, и от него по-прежнему слегка пахло стоматологическим кабинетом.

– Что вам здесь надо? – Я держала дверь так, чтобы при первой необходимости захлопнуть ее перед его носом. – Вы следили за мной? – Помнится, перед уходом из клиники я сказала Саре, что собираюсь заглянуть в паб. Не Крис ли шел за мной от «Принца Уэльского»?

– Что? Боже мой, да нет, конечно! Я узнал ваш адрес из регистрационной карточки. После вашего ухода Сара нашла вот это. – Крис протянул мне браслет с сердечками, который подарил мне Сэм. – Она решила, что браслет, наверное, ваш.

– Мой. – Я подставила ладонь, и он опустил в нее браслет, как в чашу. Я сомкнула пальцы. У меня не было сомнений, что браслет лежал в закрытом на «молнию» отделении сумки, но, возможно, выскользнул оттуда, когда я доставала кошелек.

– Должно быть, вывалился, когда вы расплачивались. Вот я и решил заскочить к вам по дороге домой...

– Как вы сюда добрались? – Слова прозвучали скорее обвинением, а не вопросом.

– Приехал на машине. Простите, Калли, у меня и в мыслях не было вас тревожить.

– Меня зовут Дженна, – выпалила я.

– Извините, извините, это все ваши волосы... – Крис попятился, повернулся и вышел на лестницу.

Я заперла дверь, накинула на нее цепочку и только после этого кинулась к кухонному окну, открыла его и напрягла слух, стараясь различить звуки отъезжающей машины. Но на улице царила тишина. Я

ничего не расслышала в темноте.

Аккумулятор телефона зарядился настолько, что аппарат наконец включился, и я увидела, что он не такой уж древний, как решила Сара. Шквал эсэмэсок и звонков относился ко времени непосредственно перед гибелью Калли. Читая сообщения, я чувствовала, как волосы у меня встают дыбом.

В списке контактов был всего один номер – только номер, а не имя. Калли обменивалась звонками и сообщениями лишь с ним, и я пробежала глазами по текстовым сообщениям.

Я пыталась встретиться с тобой, но он за мной следит, – писала Калли в одном из них.

Будь осторожна, – последовал ответ.

Ты не можешь улизнуть?

Нет. Он контролирует все, что я делаю.

Ты мне нужна.

Знаю. Стараюсь изо всех сил. Но это не просто. Дай мне время.

Приходи.

Он ходит за мной по пятам.

Вечером, когда погибла Калли, был поток входящих сообщений, но она на них не отвечала.

Ты уже должна быть здесь.

Не могу до тебя дозвониться. ОТВЕТЬ!

Где ты?

Кому писала Калли? Она в кого-то влюбилась? Надо узнать. Почти не раздумывая, я набрала значившийся в контактах Калли номер, убедившись, что останусь скрытой от вызываемого абонента. Гудки продолжались бесконечно. Я уже хотела нажать отбой, как вдруг раздался щелчок. Кто-то дышал в трубку. Я замерла. Тишина. Каждый ждал, что первым заговорит другой. На заднем плане звучало что-то знакомое, но я не могла определить, что именно. Закрыла глаза. Что же это такое? Что за шум?

Я потеряла лоб, словно от этого вместе со звуком могло, как джинн из бутылки, возникнуть изображение. Дыхание в трубке стало прерывистым, слышалось легкое покашливание, будто у человека першило в горле, но я не поняла, мужчина мой «собеседник» или женщина.

– Привет! – Я не могла больше ждать и сдалась первой. Стрекотание в ухе дало мне понять, что связь прервалась. Я позвонила еще раз, на этот раз с телефона Калли, но автоматический голос уведомил меня, что аппарат абонента отключен. Ну и как теперь быть?

На кухне было темно, лишь мерцал зеленым таймер на плите. Час ночи. Глаза саднило от желания уснуть, но я не могла оторваться от окна на кухне. Так долго простояла на коленях на деревянном стуле, на котором обычно сижу за завтраком, что ноги уже перестало покалывать, и они окончательно онемели. Прогулка от паба до дома выбила меня из колеи, и я не переставая думала о Нейле. Каждый раз, когда мне хотелось лечь в постель, что-то на улице привлекало мое внимание. Таящаяся за машиной тень, тень, мелькнувшая у двери. Ночь окутала все безмолвием. Но тишину, помимо гудения холодильника, то и дело нарушал какой-нибудь звук: визг кошки или тархтение автомобиля вдали. Я держалась за телефон Калли, как утопающий хватается за соломинку. Мысли путались в голове. Кто за ней следил? Не следят ли эти люди и за мной? Я окинула взглядом улицу, но никого не увидела.

Наконец я разогнулась и принялась, притопывая, разминать онемевшие ноги. Не в силах идти чистить зубы, капнула на подушку лавандовым маслом, чтобы расслабиться, и рухнула в постель. Но, ожидая, когда усталость возьмет свое, я снова задалась вопросом: а закрыла ли я дверь, в безопасности ли я? Встала, подергала ручку, проверила, закрыта ли задвижка, но несколько не успокоилась. Кто-то на меня охотится. Несомненно. Я крутилась и металась в кровати, пока не зажгла лампу на тумбочке. Золотистое сияние наполнило комнату, и, ободренная мягким ласковым светом, я наконец закрыла глаза.

Сон пришел, но легче не стало, отрывочные картины сменяли друг друга, чередой проходили лица: Крис, Нейл, Натан. Калли молила о помощи. Кто-то за ней следил, гонялся за ней, и при мысли, что те же люди охотятся теперь на меня, я ощутила приступ паники.

Глава 27

Меж лопаток у меня стекали струйки пота. Пятничное утро только начиналось, но в перегретом полицейском участке было нестерпимо жарко. Я сидела в приемной уже около часа. От резкого света помещение казалось враждебным, мне чудилось, что серые стены колеблются передо мной, а потолок стремится раздавить. Жесткое пластмассовое кресло было привинчено к полу, я стиснула подлокотники, чтобы подавить желание уйти, и продолжала вдыхать спертый воздух.

В сумке у меня был спрятан телефон Калли – единственная улика, свидетельствующая о том, что за ней следили. Что ее преследовали. Если она завела любовника, за ней мог следить Натан, но я вспомнила, как бережно он обошелся со мной, когда мне стало плохо, и не могла поверить, что это он был причиной ее страхов. Не знаю, правильно ли я поступила, явившись сюда. Сердце у меня разрывалось при мысли, что к дому Тома и Аманды подъедет полицейская машина, в их душную гостиную войдет угрюмый сержант и объявит, что смерть Калли стали считать подозрительной. Не сделаю ли я им хуже?

Я плохо соображала – выводил из себя постоянный шум: телефонные звонки, хлопанье дверей, потрескивание в рациях. У сидящего напротив мужчины татуировка на шее изображала колючую проволоку, от его одежды разило табаком. Я не могла смотреть, как он трясет коленом и бесконечно открывает и закрывает крышку зажигалки «Зиппо».

Дверь слева, зажужжав, открылась, и полицейский, слишком юный на вид, позвал:

– Дженна Маккаули!

Я встала и кивнула.

– Я Дженна.

– Я констебль Ходжес. Пожалуйста, следуйте за мной. – Он повел меня по показавшемуся бесконечным коридору.

Я старалась не отстать, и подошвы моих сандалий скрипели на белом грязном линолеуме. Когда меня пригласили в маленький кабинет, я совершенно выдохлась и с облегчением опустилась на стул.

– Вы сказали, что располагаете некоей информацией относительно одной подозрительной смерти. – Ручка констебля Ходжеса застыла над блокнотом. Его слова меня сразу ошарашили.

– Вы будете разговаривать со мной один? – спросила я. – Разве в таких

случаях не требуется еще человек? Полицейский?

– Это не формальный допрос, мисс Маккаули.

– Но вы все запишете? – Я оглянулась. Вокруг были только голые стены. Единственное маленькое прямоугольное окно располагалось настолько высоко, что в него не удалось бы разглядеть ничего, кроме облаков.

– Вы слишком насмотрелись телевизора. У нас с вами неофициальная беседа. Начнем с вашей фамилии и адреса.

Его ручка металась по страничке блокнота, пока я диктовала свои данные.

– По поводу чьей смерти вы к нам пришли?

– Калли Валентайн.

– Она ваша родственница?

– Нет.

– Ее родные в курсе, что вы обратились в полицию?

– Не совсем.

– Она ваша подруга?

– В каком-то смысле.

– В каком-то смысле? – Констебль удивленно изогнул бровь.

– Да, в каком-то смысле. – На этот раз мой голос звучал тверже. Я рассказала ему об аварии Калли. – Не могу поверить, что это был несчастный случай. – Пока я описывала свой визит в паб и передавала подслушанный там разговор, лицо констебля оставалось бесстрастным. – И у меня есть вот это. – Я почти торжествующе подвинула к нему телефон, он взял его и, просматривая тексты, делал записи в блокноте.

– Телефон был найден в том месте, где она работала?

– Да.

– Но откуда такая уверенность, что аппарат ее?

– Он был в ее ящике. Пробейте номер, вот вам и доказательство.

– Доказательство чего? Не все так просто, мисс Маккаули. Если тариф подразумевает оплату разговоров по предоплате, хозяина почти невозможно отследить. Но даже если аппарат принадлежал мисс Валентайн, это еще не означает, что ее смерть подозрительна. Подождите здесь. – Он вышел из кабинета, и дверь за ним захлопнулась.

Я встала и принялась ходить по комнате. Нарезая круги в таком маленьком помещении, чувствуешь себя крысой в клетке.

Прошло много времени, я успела выпить всю воду из предложенной мне белой пластиковой чашки, которая проминалась под пальцами, когда констебль Ходжес проскользнул в кабинет и сел на прежнее место.

– Оказывается, мы в свое время расследовали обстоятельства гибели мисс Калли Валентайн. Случившееся признали несчастным случаем.

– Знаю, но...

– Ее родных и друзей тщательно опросили. Расследование было доскональным.

– А телефон?

– Разберемся. – Он протянул мне аппарат.

– Разве он вам не нужен? В качестве улики? – продолжала настаивать я.

– На данной стадии нет смысла вновь открывать расследование, но, как я вам обещал, мы займемся этим делом. А вы будьте на связи, если еще что-нибудь всплывет. И не стесняйтесь, если сочтете нужным зайти.

– Но у меня сильное ощущение... – Я повысила голос.

– К сожалению, нам требуется нечто большее, чем ощущения, мисс Маккаули. – Его сарказм меня уколол. – Я вас провожу. – Ходжес вложил телефон мне в руку, подошел к двери и открыл ее с таким видом, словно говорил, что больше меня не задерживает.

Выйдя из полицейского участка, я села на холодные ступени и сразу почувствовала, как промозглая сырость пропитывает одежду. Хоть солнце и пробивалось сквозь облака, было зябко, и я, обхватив ноги руками, опустила подбородок в колени. Луч надежды, появившийся было в участке, исчез. Выражение лица констебля Ходжеса было таким же, как у Рейчел прошлым вечером. Мне никто не верил, и я понятия не имела, что предпринять дальше. В два у меня была назначена встреча у канала с Натаном, но я не знала, идти туда или нет. Стукнула автомобильная дверца, и я быстро повернулась на звук. Вдоль противоположной стороны улицы тянулась вереница магазинов, и на парковке у одного из них стоял желтый спортивный автомобиль. Я видела эту машину раньше, но не сразу сообразила где. На стоянке у стоматологической клиники. Неужели Крис?

В машине никого не было. Я начала выбивать тревожный ритм по тротуару, но все же справилась с природным инстинктом спастись бегством. Только что продемонстрированное недоверие добавило мне решительности, и я осмелилась перейти через дорогу. Надо выяснить отношения с Крисом, спросить, что ему, черт возьми, надо. Я оперлась о капот и постаралась вести себя естественнее, чем ощущала себя: начала дышать через нос, разжала кулаки. Дверь аптеки распахнулась, и на пороге появилась длинноволосая шатенка.

– Извините, – нахмурившись, сказала она, – не могли бы вы не

облокачиваться о мою машину?

Я пробормотала извинения и ретировалась.

Разум и тело у меня словно были отделены друг от друга, голова плыла. А моя ли это вообще была голова? Мотор желтого автомобиля, который, как я была уверена, принадлежал Крису, загудел. Я злилась, была испугана, сбита с толку. Я чувствовала что угодно, кроме ощущения порядка в собственных мыслях. Я понимала, что дальше так продолжаться не может, и, прислонившись к шероховатой кирпичной стене, набрала номер.

– Пожалуйста, помогите мне.

Глава 28

Ванесса сказала, что рада меня видеть, и пригласила сесть. Она не спросила, почему я умоляла ее секретаршу Беверли назначить мне встречу с ней. Швырнув сумку на пол, я опустилась на диван, и Ванесса пододвинула ко мне коробку с бумажными носовыми платками, словно чувствовала, что наступил день, когда она способна меня переломить. Я не могла унять дрожь в коленях и попыталась придать хоть какую-нибудь логику тому, что так отчаянно хотела ей рассказать. Ванесса налила из графина воду в два стакана, и я, сделав глоток, порадовалась ее прохладе. Всю дорогу от полицейского участка я бежала, и вот теперь сидела вспотевшая и дрожала всем телом. Голова болела, и каждый раз, когда я вдыхала лаванду из ароматизатора, обруч на лбу сжимался сильнее.

– Спасибо, что согласились принять меня в обед. Я вам в самом деле очень благодарна. – Мой голос звучал невыразительно, и я замолчала.

– Как ты себя чувствуешь, Дженна? – спросила Ванесса.

Я открыла рот, чтобы что-то сказать, но рыдания не позволили мне выговорить ни слова. Ванесса молчала, и я взяла платок – вот уж не думала, что он мне может понадобиться. Я вытерла глаза, высморкалась, но как только попыталась что-то произнести, дыхание перехватило, и слова застряли в горле.

– Не спеши, – сказала Ванесса.

Я кивнула, смутившись, что не способна взять себя в руки.

Наконец мои плечи перестали вздрагивать. Ванесса подвинула мне через стол коричневую плетеную мусорницу, и я положила в нее скомканный бумажный платок.

– Не знаю, что вам сказать. – Не желая встречаться с ней взглядом, я смотрела в окно на клубящиеся облака на небе.

Ванесса не стала задавать вопросов, и я поняла, что это такая уловка: если пауза будет длиться долго, мне придется заполнять пространство между нами словами, но я никак не могла сообразить, с чего начать. Ванесса считала, что я схожу с ума, и я сама начала сомневаться: а может, так и есть?

– Мне кажется, с Калли что-то случилось. – Я повернулась к Ванессе, но ее лицо ничего не выражало. – Но не знаю, что можно предпринять.

– Что, по-твоему, случилось с Калли? – спросила Ванесса.

Я вытянула из коробки новый бумажный платок и скрутила его

пальцами.

– По-моему, она кого-то боялась. Кто-то хотел причинить ей зло. Я ходила в полицию, но меня не приняли всерьез. А я считаю, ее могли... – Я запнулась, боясь произнести слово вслух. – ...Считаю, что ее могли убить, – договорила я шепотом и сжалась в ожидании реакции Ванессы.

Но та не ахнула, даже не выразила никакого удивления, а ровным голосом спросила:

– Почему тебе пришло в голову, что кто-то хотел навредить Калли?

Я растерялась – ожидала совсем другого отклика.

– Я пыталась выяснить, что произошло тем вечером. Понимаете, ради Тома и Аманды. Чтобы они перестали день и ночь гадать, почему их дочь тогда убежала со свадьбы, и могли просто горевать о ней. – Мне показалось, что, когда я произнесла слово «гадать», брови Аманды слегка изогнулись, но я могла и ошибиться. Я продолжала: – Все оказалось сложнее, чем я думала. Сначала я решила, что Натан ее ударил. Мне стало очень страшно, и я заключила, что это ее страх. Во снах мне постоянно являлся мужчина, но я никогда не видела его лица. Тем не менее я не сомневалась, что это Натан.

– Мужчина в твоих снах избивал Калли?

– Нет, – призналась я. – Сами видения радостные, но оставляют осадок, когда я просыпаюсь. Это каким-то образом связано с памятью Калли. Когда я познакомилась с Крисом, у меня возникло очень странное ощущение...

– Кто такой Крис?

– Начальник Калли в стоматологической клинике.

На этот раз Ванесса поджала губы, но я уже не могла остановиться и рассказала все по порядку. О том, что хотела помочь Тому и Аманде, выяснив, где именно в Испании находится их дочь Софи, чтобы они могли с ней связаться. О своем визите в паб «Принц Уэльский». Пока я говорила, я чувствовала, что мне становится легче. Когда же закончила, почти не сомневалась, что Ванесса вскочит и будет настаивать, чтобы мы немедленно позвонили в полицию. Но вместо этого она, сдвинув очки на переносицу, стала делать записи в моей истории болезни. Я ждала, когда она допишет, и, не дождавшись, заговорила опять:

– Я еще покопалась в материалах о клеточной памяти. Известен случай, когда восьмилетней девочке пересадили сердце десятилетней убитой, и у нее начались ночные кошмары, в которых она видела убийцу донора. Сны были настолько пугающими и подробными, что психиатр с матерью ребенка заявили в полицию. В результате убийца был найден, и

ему предъявили обвинение.

Ванесса подняла взгляд, и мне показалось, что я ее заинтересовала. Но я ошиблась.

– Никак не могу это прокомментировать, но то, что ощущаешь ты, – вполне естественная реакция.

– Думать, что человека убили – естественная реакция? – Я не представляла, как она могла бы меня в этом убедить.

– Ты знакома с теорией вторичного травматического стресса, Дженна?

– Нет.

– Он возникает, если человек – в данном случае ты – узнает о травме другого человека. Риск выше среди женщин и тех, кто еще не справился с собственным стрессовым состоянием. Ты подходишь под обе категории. Чувство вины оттого, что ты получила сердце Калли, помноженное на сострадание к Тому и Аманде и ощущение неспособности помочь их горю, как я полагаю, вызвали вторичный травматический стресс. – Ванесса глотнула из стакана и продолжила: – Симптомы бывают самыми разными: от чувства безнадежности, отчаяния, страха до нежелательных мыслей, воспроизводящих травматические события, при которых больной не присутствовал, и кошмаров.

– Но за мной следили, когда я возвращалась домой. Я в этом уверена. Я постоянно испытывала тревожное ощущение, словно кто-то за мной наблюдал.

– Повышенная чувствительность и излишняя настороженность могут быть составляющими симптомов вторичного травматического стресса. Человеку очень просто себя уверить, что за ним следят, даже если это не так.

– Ну не все же я придумала. – Мне не верилось, что события последнего времени существуют только в моей голове.

– Я не утверждаю, что ты что-то придумала, Дженна. Все, о чем ты размышляешь, что испытываешь, для тебя вполне реально. Но я считаю, что вторичный травматический стресс в сочетании с лекарствами, которые ты принимаешь, – а хорошо известно, что побочным действием, например, преднизона может быть даже паранойя, – способен вызвать иррациональные мысли. Твоя заикленность на смерти Калли – своего рода проявление таких симптомов. Ты в самом деле веришь, что есть нечто подозрительное в ее уходе из жизни? Сама же говорила, что полиция тщательно расследовала это дело и отмела все, что могло вызывать подозрение.

– Однако Том и Аманда считают, что в смерти их дочери есть нечто

странное.

– Вполне естественно. Срабатывает защитный механизм. Беспричинные аварии бьют наугад, и это трудно принять. Человек хочет найти причину, почему так случилось. Иначе все теряет смысл. Согласна?

Я с минуту обдумывала ее слова.

– Допустим, я могу согласиться с тем, что родители Калли пытаются найти смысл в том, что случилось. Но невозможно объяснить все действием вторичного травматического стресса. Мобильник, который дала мне Сара в стоматологической клинике, и текстовые сообщения в нем – реальность. Я вам сейчас покажу. – Я порылась в сумочке и протянула ей «Нокию».

Ванесса медленно вертела аппарат в руках, словно ничего подобного раньше не видела.

– Откуда ты знаешь, что он принадлежал Калли? – Этот вопрос мне задали второй раз за день.

– Сара нашла телефон в ее ящике на работе.

– Но где доказательства, что он ее? В текстовых сообщениях ее имя не упоминается. У Калли был айфон, который сейчас у ее родителей. Телефон мог забыть кто-нибудь из больных, а Калли положила его в свой ящик, чтобы позже разобраться. У меня в шкафу целая полка с забытыми вещами. А в вашей ветеринарной клинике разве никто ничего не оставляет?

Только на прошлой неделе я обнаружила в приемной бейсбольную кепку и положила ее в шкаф, на случай, если за ней придет клиент. Но не стала об этом рассказывать и сменила тему:

– А как быть с пабом?

– Этот паб пользуется дурной славой. В нем собирается мелкая шпана. Тебе неизвестно, кого ты подслушала. И вообще, тебе не следовало ходить в то место, тем более одной. У тебя нет доказательств, что Софи или Калли были знакомы с Нейлом.

Опять это слово, которое не позволяет другим отнестись серьезно к тому, о чем я говорю, – доказательства.

– Но Нейл знал, что они сестры, – возразила я.

– Скорее всего это было естественное предположение, поскольку они похожи. Но сама-то ты уверена, что не упоминала об этом?

– Уверена. – Но, прежде чем ответить, я слишком долго колебалась. Полной уверенности у меня не было, и Ванесса это поняла.

– Послушай, Дженна, – сказала она, – я не вижу ничего такого, что бы меня убедило, будто с Калли – или Софи – что-то случилось.

Ее слова оставили у меня тяжелый осадок. До этого я отмахивалась от

мысли, что с Софи могла случиться беда.

– Вы считаете, с Софи все в порядке? Разве нормально, что она столько времени не выходит на связь?

– Софи испытала душевную травму – умерла ее старшая сестра. Так бывает: человеку, чтобы справиться с горем, нужно исчезнуть, образовав между собой и знакомыми пространство. Не сомневаюсь, она даст знать о себе родителям, как только улягутся чувства. Ты же сама говорила, что она и раньше пропадала в трудных обстоятельствах.

– Говорила, – согласилась я. Мой мозг лихорадочно работал, пытаюсь осмыслить сказанное Ванессой. Ее доводы казались вполне убедительными. Более правдоподобными, чем мои теории. Неужели вся эта история только в моей голове? Я больше ничего не понимала и прибегла к последнему аргументу, чтобы ее убедить: – Калли убежала со свадьбы. Натан тоже. Том утверждает, что это совершенно не похоже на его дочь – уйти, не попрощавшись.

– Они могли поругаться. Людям свойственно ссориться. Вот что, Дженна, – Ванесса отложила записи и подалась вперед, – если бы у меня была хоть капля сомнения, что Калли погибла не случайно, я бы чувствовала себя морально обязанной заявить куда следует. Но я не вижу ни одной улики – ни единой.

– Зато я чувствую, что Калли хочет, чтобы я что-то предприняла. – Я вспомнила кухню, увешанную ее фотографиями, и свою схему, которая больше не казалась мне убедительной. Ведь в половине случаев я вообще не помнила, что делала. – Ванесса, я стала ошибаться на работе, постоянно что-то забывать. Может это быть следствием вторичного травматического стресса?

– Несомненно.

– Как бы с этим справиться? Вы мне поможете? – Теперь я говорила едва слышно.

– Будем работать вместе. Беседовать. Когда назначен пересмотр карты лекарственных препаратов?

– Во время полугодового осмотра на следующей неделе.

– Если процесс выздоровления признают удовлетворительным, число лекарств еще сократят. Ты сразу почувствуешь разницу. И ты не одна, Дженна. – Ванесса протянула руку и на мгновение сжала мою ладонь, и я во второй раз за день расплакалась. Но на этот раз от облегчения.

Я покидала кабинет психиатра с легким чувством и, оказавшись на ярком полуденном солнце, надела темные очки. Но, проходя по почти

пустынной улице, я сдерживала желание обернуться и проверить, не следует ли кто-нибудь за мной. Слова Ванессы о том, что вторичный травматический стресс может вызывать паранойю и иррациональные мысли, немного меня успокоили, но не убедили, что клеточной памяти не существует. Слишком много исследований свидетельствуют об обратном. Но я признала, что телефон мог принадлежать кому-нибудь еще и что расследование смерти Калли было проведено должным образом. Из открытой двери булочной донесся запах свежее испеченного хлеба, и у меня засосало под ложечкой. Я посмотрела на часы – половина первого. Встреча с Натаном назначена на два. Я решила все-таки повидаться с ним – пусть это будет последняя попытка найти какой-то ответ для Тома и Аманды или, еще лучше, узнать адрес Софи.

Шаги у меня за спиной приближались, мои плечи напряглись, но я не обернулась. Мне нечего бояться. Я пошла быстрее, но при этом уговаривала себя, что всего лишь потому, что боялась опоздать, а не из-за страха. Шею пониже затылка жгло, но я убеждала себя, что это от солнца, а не потому, что кто-то сверлит меня взглядом. Я снова вспомнила свой разговор с Ванессой: мой страх не имеет отношения к реальности. Но стук подошв позади резал воздух, и у меня похолодело в животе. Я не удержалась и обернулась. Мне показалось, что я заметила человека, несмотря на жару одетого в черную куртку с капюшоном. И этот человек – я не поняла, мужчина или женщина, – метнулся в дверь булочной. Мое дыхание, непонятно почему, стало чаще. Мне нечего бояться. Разве не так?

Глава 29

Над сверкающей солнечными бликами водой канала вилась туча мошкары. Натан еще не пришел, и я, поджидая его, сидела на скамье из реек, борясь с напавшей зевотой. Мимо лениво проплывала узкая лодка с нарисованными на бортах оранжевыми цветами, над водой разносился запах бекона. Лодчонка пристала к берегу, из нее вышла седая женщина и выпрыгнул твякающий йоркширский терьер, а мужчина в мягкой кепке с козырьком остался в суденьшке. Мой взгляд приковало движение на мосту. Темная фигура. Я не могла как следует разглядеть ее против солнца, но мне показалось, что человек смотрит на меня. Несмотря на все убеждения Ванессы, я разнервничалась. Но человек помахал рукой, шагнул в мою сторону, и я, узнав Натана, с облегчением вздохнула.

– Привет. Рад снова увидеться.

Я встала, и он поцеловал меня в щеку.

– У меня для тебя кое-что есть. – Он скинул с плеча рюкзак и достал бутылку с водой. – Чтобы ты опять не перегрелась.

Я, сразу успокоившись, рассмеялась.

Мы шли, болтая. Солнце выгнало на улицу целые семьи: малыши катались на самокатах, дети постарше – на велосипедах. Собаки, стремясь прыгнуть в воду, натягивали поводки.

– Смотри! – Натан указал на стайку утят.

Они, прыгая вверх и вниз на воде, пытались догнать мать, которая плыла с угрожающей скоростью.

– Вон тот совсем отстал. – Я показала рукой на утенка.

– Сейчас мы ее остановим. – Натан опять полез в рюкзак и достал пакет с хлебом. – Держи. – Он протянул мне горбушку, и я, разломив ее на мелкие кусочки, стала бросать их плывущим в мутной воде птицам. Утка вильнула, стала подбирать хлеб, и дети, воспользовавшись заминкой, догнали ее. Подобрав все до последней крошки, стайка уплыла и скрылась в камышах. Натан спрятал пустой пакет в рюкзак. – Хочешь мороженого?

– Не откажусь.

Я села на скамейку, а Натан встал в очередь у киоска и вернулся с рожком: мороженое образовывало конус, из острия которого торчали, будто флаг, шоколадные хлопья.

Я облизала рожок по краю, он впился в мороженое зубами и поморщился.

– Заморозил мозг?

Натан кивнул, приоткрыв рот и округлив губы.

– Упрись языком в небо, – посоветовала я. – Торопыга Гарри вечно спешит с рожками. Этот прием помогает вырабатывать тепло. Реально помогает.

Через несколько секунд Натан вновь обрел дар речи.

– В самом деле помогает. Вероятно, это признак взросления – способность сопротивляться желанию заглатывать целиком что-то очень холодное. Когда я был в его возрасте, – Натан кивнул в сторону поглощающего мороженое на палочке мальчугана, на траве вокруг которого валялись сотни и тысячи других палочек, – лопал мороженое, как он. – Кто такой Гарри?

– Так ты по-прежнему общаешься с семьей Сэма? – нахмурился он, когда я объяснила.

– Да. Но сто лет у них не была... с тех пор, как мы с Сэмом порвали. А ты видишься с родными Калли?

– Нет, – коротко ответил он, но я не позволила ему увильнуть.

– Почему?

– После аварии они не хотят меня видеть. Наверное, им это слишком больно.

– У нее были братья или сестры? – Почти не в силах смотреть ему в глаза, я следила, как к воде подлетает блестящая синяя стрекоза. Я не большая мастерица обманывать.

– У нее есть сестра Софи, но с момента аварии я ее не видел. Она не выдержала горя, даже не пришла на похороны попрощаться с Калли. Послала венок, словно этим можно откупиться.

– Эта Софи живет где-то поблизости?

– Понятия не имею, где она живет.

Я набрала воздух в легкие и решила:

– Как случилось, что Калли попала в аварию?

Натан разломил на кусочки остатки мороженого и швырнул их в воду.

– Ехала на машине и влетела в дерево. Тот вечер был кошмарным, дороги опасными.

– Ужас. Куда она ехала?

– Какая разница? – Натан сник.

У меня получалось нечто вроде допроса, но ради Тома и Аманды я должна была продолжать.

– Наверное, она ехала встретиться с тобой?

– Нет. – Он осекся и уронил голову на руки.

Я почувствовала себя виноватой оттого, что мучаю его.

– Ты, наверное, очень по ней скучаешь. – Я коснулась его руки. – Сколько времени вы были вместе?

Натан распрямился, с трудом произнося слова.

– Пять лет. Хотя в итоге это оказалось неважным – с моим мнением не пожелали считаться.

– В каком смысле?

– В любом. Взять хотя бы место, где ее похоронили. Калли ненавидела церковную службу. Она хотела, чтобы ее кремировали, а прах развеяли на берегу океана. Мы однажды говорили об этом, посмотрев фильм, в котором героиня умирает молодой. Родители Калли даже позволили, чтобы ее распотрошили. Разрезали и раздали по кускам, словно в лавке мясника.

– Ты против донорства? – резко спросила я.

– Разве это естественно? Врачи берут на себя роль Господа. – Натан засунул руки глубоко в карманы и откинулся на жесткую деревянную спинку скамейки. – Понимаешь, Калли была хороша, совершенна, красива. Невозможно представить, что у нее что-то изъяли. Это неправильно.

– Представляю, как тебе тяжело. Но она спасла чьи-то жизни.

– Знаю. Она сама бы это одобрила. Но мне ненавистна мысль, что Калли больше не Калли. Я должен был сказать свое слово. Мы собирались пожениться. Тому и Аманде подсунили формуляры согласия и ручки, а моего мнения никто не спросил. Когда все было кончено, нянечки отдали Тому ее вещи, а он передал их мне, как будто я больше ни на что не годен, как только хранить ее тряпки. Я так сильно прижал их к груди, что чуть не сломал себе ребра. Вот насколько был зол.

Мы сидели молча. Я не знала, как поступить и что сказать, и подумывала, не пора ли пойти домой. Том и Аманда со временем смирятся и успокоятся. Натан все еще переживает. А моя игра в детектива, похоже, ни к чему не привела.

Я кашлянула. Натан повернулся и посмотрел на меня.

– Прости. Я не так представлял этот день – не собирался распинаться о своей бывшей. Но мне с тобой комфортно, Дженна, как ни с кем другим.

Неужели, подумала я, он тоже ощущает связывающую нас невидимую нить?

– Все в порядке.

– Ничего не в порядке. Проголодалась? Давай я тебя накормлю и попытаюсь загладить вину. – Натан встал, протянул мне руки и помог подняться. – Здесь неподалеку есть паб.

Разговор за обедом потек свободнее. У меня сложилось впечатление, что я давным-давно его знаю, хотя в каком-то смысле так оно и было. Всякий раз, когда я упоминала Калли или Софи, Натан менял тему, и я в конце концов испытала облегчение, болтая о повседневных делах – телевидении, музыке. Сама удивилась, что мне это нравится, и задавалась вопросом, нравится ли это ему.

Когда тарелки унесли, атмосфера изменилась. Мы одновременно потянулись к счету, наши руки встретились, и между нами проскочила искра. Натан спросил, не зайду ли я к нему на кофе. Я была готова согласиться и объяснить это чувствами Калли. Попыталась думать о Сэме, но, когда мы вышли из паба, не чувствовала ничего, кроме жара лежащей на моей талии руки Натана. И не могла отделаться от желания ощутить его прикосновения на моей коже.

У Натана я устроилась на краю дивана, поджав ноги, и почувствовала себя совершенно как дома.

– Вина?

– Нет, спасибо. – Теплая алкогольная волна успокоила бы нервы, но пить спиртное после операции мне категорически запретили. – У меня от вина мигрень, – солгала я. Уверять, что вообще не пью вина, – только вызвать подозрительные взгляды и ненужные вопросы.

– Неприятно. Одна из наших сотрудниц страдает мигренью, а у меня, слава богу, ничего подобного не бывает. Тогда заварю чай.

Оставшись одна, я попыталась вспомнить, чем Том объяснил уход Натана со свадьбы. Уж не головной ли болью? Или же он заболел? Я зажмурилась и закрыла глаза руками, воспоминания плясали в моей голове, но я не могла до них дотянуться.

Вернувшись, Натан сел так близко, что прижался бедром к моему бедру. Меня бросало то в жар, то в холод, я чувствовала возбуждение, а отнюдь не жажду и нисколько об этом не жалела, потому что руки у меня так сильно дрожали, что не удержали бы чашку.

– Могу я задать тебе личный вопрос, Дженна?

Я инстинктивно коснулась груди – проверить, не виден ли шрам из-под одежды.

– Задавай.

– Ты по-прежнему любишь Сэма?

Вопрос оглушил меня, как удар под дых, я открыла было рот, чтобы ответить «нет», но слова прилипли к гортани, словно арахисовая паста, и я не проронила ни звука. Только помотала головой, но не уверена, что

убедила Натана больше, чем саму себя.

Он пересек комнату и немного повозился с серебристым айфоном. Комната наполнилась спокойными звуками фолк-музыки. Ноги сами собой принялись отбивать ритм, словно я уже слышала эту мелодию раньше.

– Тебе одиноко? – Натан возобновил разговор с того места, где мы прервались.

Я вспомнила время, когда ложилась на пол ванной, чувствуя, что могу умереть. Просыпалась по ночам и прижимала ладонь к груди проверить, бьется ли сердце, испытывая ужас оттого, что оно вот-вот остановится. Сворачивалась одна на диване темными промозглыми вечерами.

– Мне вполне комфортно одной, – проговорила я, но глаза у меня наполнились слезами, и голос сорвался. Я ненавидела эту свою уязвимость.

Натан обнял меня и гладил по затылку так долго, что моя кожа буквально запылала, и я решила, что она обжигает ему пальцы. Я одеревенела. Смутилась. Но разрешила себе прижаться к нему. Этот мужчина – не Сэм, но в нем было нечто знакомое, отчего мое тело заныло. До меня так давно не дотрагивались. Сначала мы сидели молча, не шевелясь.

– Дженна, – прошептал Натан. И я повернулась, чтобы посмотреть на него.

Страх во мне боролся с возбуждением, и, когда он потянулся меня поцеловать, я отстранилась, не уверенная, что мне этого хочется. Я коснулась его лица, он снова наклонился так, что наши губы встретились, и я пропала. Натан повалил меня на диван, я запустила руки в его волосы и почувствовала во рту его язык. Он гладил меня, мое тело тянулось навстречу ему, но когда он принялся расстегивать пуговицу на моих джинсах, желание переросло в страх. Достаточно ли окрепло сердце? Не убьет ли меня страсть? Я оттолкнула его руку и попыталась сесть, но он опять меня поцеловал и взялся за пуговицы на блузке. Нельзя позволить ему увидеть мой шрам. Я накрыла пуговицы ладонью, чтобы не дать ему касаться моей груди, но остановить поцелуи не могла. Кажется, даже не могла сказать, что он зашел слишком далеко. Все получилось слишком быстро, я оказалась не готова. Ведь я не собиралась заниматься с ним любовью, но ощутила такое желание, что бедра сами пришли в движение. Я выдернула рубашку из его брюк, наслаждаясь теплотой его кожи. Пока Натан катал мои соски между большим и указательным пальцами, считала удары сердца. Но перестала, когда цепочка поцелуев спустилась ниже по шее, его рука проникла ко мне в джинсы, и мое испуганное хныканье превратилось в стоны страсти. Меня больше не заботило, что сердце

бешено застучало. Я всхлипнула, раздвинула ноги и словно упала в пропасть с утеса.

Было уже поздно, я сидела у себя на кухне за столом, в окно лился лунный свет, передо мной стояла наполовину опустевшая кружка с настоем ромашки. Я закрыла глаза и провела пальцами по груди, пытаюсь понять, что мог нащупать Натан. Обнаружил ли шрам? Мне казалось, что кожа на нем тоньше. Сморщена. Но ведь я знала, что он там. В мыслях у меня был полный хаос. Я не представляла, как мне удастся уснуть.

– Останься, – упрашивал Натан.

– Не могу. – Я вывернулась из его рук и вызвала такси. Натан предложил подвезти, но я настояла на своем. Иначе мне пришлось бы пригласить его к себе.

– Ты так рвешься домой. Надеюсь, не потому, что кого-то ждешь? – нахмурился он.

– Нет. – Не зная, что еще сказать, я прикусила нижнюю губу. Совершенно ни к чему, чтобы меня раздевали и задавали неудобные вопросы о шраме. Кроме того, завтра день рождения Калли. Я хотела уйти из дома пораньше, чтобы успеть к Аманде и Тому. – У меня в понедельник выходной. У тебя найдется свободное время?

– Понедельник подойдет, – ответил Натан. – А как насчет еще и субботы с воскресеньем?

– Извини, у меня на эти дни планы. – От моих слов его лицо стало грустным.

Гудок возвестил о прибытии такси. Натан проводил меня до машины и долго и страстно целовал.

– Ну что, милая, ты наконец-то сядешь в машину? – позвал меня таксист, и я забралась на заднее сиденье.

И вот, ополаскивая чашку в раковине, я взглянула в окно. На противоположной стороне улицы из темноты выступила тень и показалась фигура. Я застыла. Свет я не зажгла, чтобы меня не могли увидеть снаружи, но по коже все равно побежали мурашки. Человек жался к стене напротив и смотрел на мои окна. В сумраке я не могла определить, мужчина это или женщина. В груди сдавило. Кто он такой? Видно ли меня с улицы? Я заставила себя отвернуться, но окно притягивало к себе мой взгляд. Фигура по-прежнему была там. Я убеждала себя, что какой-то человек просто вышел покурить, но не могла рассмотреть характерный красный огонек. Тело напряглось, заболели мышцы, но я все стояла и смотрела в окно. Потом моргнула, и все исчезло. А было ли вообще что-нибудь в темноте?

Ванесса утверждала, что мне нечего бояться, но сердце отстукивало бешеный ритм.

Глава 30

Ветер. Его порывы поднимали подол моей юбки, и я разглаживала шелк ладонями, прижимая его к ногам. Мэрилин Монро могла себе позволить, нисколько не напрягаясь, создать сексуальный образ дамы, у которой ветер развеивает одежду, я же не хотела, чтобы весь Париж видел мои трусики, даже если они новые и из красного шелка – о-ля-ля! На башне мы во второй раз – раньше стояли на этом самом месте с кружками, наполненными до краев купленным в кафе горячим шоколадом, и разглядывали маленьких, не больше муравьев, прохожих, которые спешили куда-то по тротуарам, не поднимая глаз. Сколько времени нужно прожить в городе, чтобы его красота тебя абсолютно не трогала? Вот я, сколько бы здесь ни прожила, ни за что бы не привыкла. Картина была потрясающей, и я забыла, что замерзла. Передо мной разливались огни, луна бросала на реку беловатый отсвет. Это был необыкновенный, самый романтический вечер в моей жизни.

По воде скользило суденышко. Вспышки фотоаппаратов оставляли на поверхности всполохи, похожие на маленький фейерверк. Я задалась вопросом, когда последний рейс и есть ли на борту бар. Я дрожала от холода, и ты набросил на мои плечи свой пиджак. Ты стоял за мной, крепко обняв за талию, а я старалась сохранить в памяти каждую деталь этого вечера. Вокруг суета. Элегантные девушки с тонкими талиями и стрижками пикси. Я накрутила на палец кончики своих волос, которые носила длинными тысячу лет. В гостинице была парикмахерская, и я решила завтра коротко постричься, а может, и покраситься.

Я запрокинула голову и уткнулась ею тебе в грудь. Ты откашлялся у меня за спиной, и твое тело напряглось. Меня внезапно пробил озноб, когда ты меня отпустил. Я повернулась, чтобы спросить, все ли с тобой в порядке, и сначала не могла понять, что происходит. За тобой светил прожектор, и я видела лишь огромную тень. Мне показалось, что тебе стало плохо, потому что ты упал на одно колено. Но потом я поняла, в чем дело. Бриллиант сиял ярче, чем парижский вечер, и я не могла оторвать глаз от коробочки в твоей руке.

– Выходи за меня замуж, малышка.

Это было так неожиданно, что я лишилась дара речи. Люди словно растворились в пустоте, но я слышала их шепот. Ожидание ответа. Мир плясал вокруг, словно у меня кружилась голова, хотя я не боялась высоты.

Потом я куда-то провалилась. Ты протянул мне руку, я оперлась о нее и снова обрела уверенную устойчивость. Щелчок затвора фотоаппарата, блеск вспышки, и в глазах у меня замелькали черные точки. Я ничего не видела, зато чувствовала. Чувствовала, что творилось в моем сердце. Там ты, там всегда был ты.

*– Выйду, – ответила я, не в силах поверить своему счастью.
Я готова была доверить тебе свою жизнь.*

Глава 31

Возможно, это глупо, но наутро я вынула из шкафа топик в черно-белую полоску. После ночного сна о Париже меня потянуло к тому небрежному шику, которым славятся парижанки, – ведь если я буду чувствовать, что хорошо выгляжу, может быть, почувствую себя лучше внутри. Я оставила свои обычные духи и капнула на запястья «Шанель № 5», но от запаха скрутило желудок – вот как я разнервничалась от мысли о предстоящей встрече с Томом и Амандой. Каково им будет в первый день рождения дочери без нее?

Когда я наносила тени, во входную дверь постучали. Я дернулась, рука сорвалась, и на щеке появилась полоса того же темного цвета, что и у глаз. Всю ночь я металась в постели: всякий раз, когда одолевал сон, просыпалась от страха, и он гнал меня к двери – проверить, заперла ли я замок. Ведь если за мной следят, они могут попытаться проникнуть в квартиру.

Стук раздался опять. Я колебалась. А потом подумала: если я хочу избавиться от вторичного травматического стресса, то надо с чего-то начинать. Что плохое может случиться, когда солнце так ярко светит в окна? Вытирая щеку, я открыла дверь.

– Натан!

– Извини. – Он не улыбнулся. – Знаю, я не должен был приходить без предупреждения и мы договорились встретиться только в понедельник. – Он потупился, глядя на мыски своих ботинок.

– Хочешь, зайди на минуту. Но через полчаса мне надо уходить.

– Так куда, ты сказала, сегодня идешь? – Натан переступил порог, и мне стало не по себе оттого, что он оказался на том самом месте, где когда-то стоял Сэм. Я не знала, что почувствую к нему в холодном свете дня. Я перестала понимать, где я, а где Калли.

– С тобой все в порядке? – Не отвечая на вопрос, я окинула его взглядом. – Ты какой-то растерзанный. – Он был небрит, белки глаз покраснели.

– Я не мог заснуть.

Натан не поднимал на меня глаз, и, мгновение выждав, я спросила:

– Что-нибудь случилось?

– Случилось вчера вечером. – Он откашлялся. – Я ничего такого не планировал. Но мне понравилось. Но вот сегодня... сегодня тяжелый день

– день рождения Калли, и мне невольно приходит в голову, что я ужасный человек. Мне невыносимо сознавать, что я ее забыл. Ты мне нравишься, Дженна, в самом деле нравишься, но я испытываю ужасное чувство вины. – Его плечи затряслись.

Я сделала шаг вперед и притянула его к себе, и мы стояли так, обнявшись, и наши сердца долго-долго бились, как одно. Затем, отстранившись, он попросил:

– Дай мне стакан воды.

– Сейчас. – Я повернулась и пошла на кухню.

Натан последовал за мной. Не успев переступить порог, я увидела улыбающуюся мне со стен Калли и схему на холодильнике и остановилась так резко, что он наскочил на меня. Я попыталась загородить собой вход на кухню, но он нахмурился, и я не могла понять, не сделала ли это слишком поздно. Что он успел рассмотреть?

– Подожди в гостиной. У меня тут такой бардак. – Я указала ему на коридор.

– Разгром и беспорядок? Ничего страшного. Мы все не без дурных привычек. – Натан попытался пройти, но я не позволила и заставила его отступить.

– Прощу тебя. – Я положила руки ему на грудь. Он посмотрел поверх моего плеча, и его глаза сузились. Я легонько толкнула его назад.

Когда я принесла стакан, Натан молча сидел на диване, и я надеялась, что он не заметил, как дрожит моя рука.

Погруженные в свои мысли, мы не разговаривали, и, когда он уходил, его поцелуй в щеку показался мне вымученным. Или все это мне лишь показалось?

– Проходи, Дженна. – Том улыбнулся мне, но улыбка тут же исчезла, сменившись горестным выражением, которого он не мог скрыть.

Воздух в гостиной казался еще более спертым, чем в прошлый раз, и, когда я шла поздороваться с Джо и поцеловать Аманду, мне казалось, что мои легкие что-то сдавило.

– Как прошло посещение кладбища? – спросила я.

– На могиле Калли лежали шелковые цветы, – сказала Аманда. – Ей бы они понравились. Должно быть, их принес Натан. Я рада, что он ее не забывает.

– Пожалуй, заварю чаю, – заявил Том.

– Давайте лучше прогуляемся. – Мне не терпелось вырваться из этой ловушки с затхлым воздухом.

– Как? Опять из дома? – Мои слова Аманде не понравились, и я стиснула ей руку.

– Можем пройтись по парку, – поддержал меня Том. – Любимое место Калли.

– Ладно, – смирилась Аманда.

– На улице тепло, поменяйте джемпер на что-нибудь еще, – посоветовала я, и Том повел жену наверх переодеваться.

Когда мы остались одни, я повернулась к Джо:

– От Софи сегодня ничего не было?

– Нет, – ответил он. Его лицо потухло, и я в порыве сочувствия невольно сболтнула:

– Я пыталась ее разыскать.

– Что? Как?

Вопрос застал меня врасплох, и я замолчала, но Джо придвинулся совсем близко, и стало ясно, что придется объяснять. Я заговорила осторожно – сказала, что очень хотела им помочь, но, следя за выражением его лица и оценивая реакцию, почувствовала, что иду по зыбучему песку. Зачем-то рассказала о пабе и своем походе в полицию. Слова слетали с губ и с запинкой выстраивались в неловкие предложения, я спешила закончить до того, как Том и Аманда вернутся в гостиную. Когда я замолчала, Джо откинулся на стуле и провел ладонью по лицу.

– Понимаю, вы хотели сделать как лучше, – сказал он. – Но паб – не то место, куда вам следовало ходить. Откровенно удивлен, что Софи там бывала. Такие типы, как Нейл, представляют опасность. Эта Сара из стоматологической клиники уверена, что Софи посещала именно этот паб? На Грин-стрит? «Принц Уэльский» есть еще в Западном Креатоне. Приличное заведение и больше подошло бы для Софи.

Я колебалась. Может, я действительно попала не в тот паб?

– Вот что, загляну-ка я туда сам... – Джо не успел договорить: Том заглянул в дверь и сообщил, что они готовы.

В парке Аманда едва держала себя в руках и то и дело озиралась. Не представляю, чего ей стоило выйти за порог после нескольких месяцев добровольного заточения в доме. Яркий свет, шум со всех сторон – не слишком ли это тяжело для нее? Том подставил солнцу лицо. День стоял замечательный. На фоне голубого задника неба, хлопая на ветру хвостами, плыли разноцветные воздушные змеи. Радостные крики детей мешались с пением птиц и запахом свежескошенной травы. Том чихнул.

– Сенная лихорадка, – объяснил он, сморкаясь. – Софи тоже ею

страдает. Постоянно хлюпает носом.

– Калли бы здесь понравилось. Правда, Томас? – спросила Аманда.

– Конечно. Она любила гулять. – Том повернулся ко мне. – Но вышла бы закутавшись, – с длинными рукавами и в юбке до пола. Ей казалось, что она толстая. Понятия не имею почему, – у нее была красивая фигура. Софи, вот та с наступлением лета не вылезала из бикини. Этакая жердь. Вы любите солнце, Дженна?

– Да. Хотя из-за лекарств, которые мне прописали, вынуждена беречь кожу. Приходится все время мазаться кремом от загара.

– Помните наши праздничные выезды с девочками на природу? – вступил в разговор Джо. – Мы заканчивали их мороженым. Пойду куплю.

Вдвоем с Томом они отправились к красному фургону с гигантским рожком на крыше, а мы с Амандой сели на кованую скамейку и стали смотреть на пруд.

– Жарко. – Аманда помахала перед лицом рукой. – Надо было вместо мороженого попросить купить воды.

– Хотите пить?

– Да, пожалуйста, сходите, скажите им.

Я потащила за Томом и Джо, которые, увлекшись разговором, встали в конец вившейся вокруг дуба очереди. С облегчением спрятавшись от солнца в тени его ветвей, я уже собиралась сказать им про воду, как сообразила, что они спорят.

– Прекрати, Джо! Мы же братья! Прошлого не изменить... Дженна! – Он заметил меня, его голос стал мягче, и он заговорил своим обычным тоном: – Все в порядке?

– Аманда хочет пить. Купите бутылку воды.

– Обязательно. День-то какой выдался. – Он расстегнул воротник и освободил шею. Я пошла к подножию холма, но, обернувшись, заметила, что Том и Джо больше не ругаются, а напряженно стоят, сложив руки, и вообще не разговаривают друг с другом.

Прикрыв от солнца глаза, я смотрела, как утки клюют размокший хлеб, брошенный детьми и их мамами.

– Калли любила кормить птиц, – проговорила Аманда. – Как-то раз попросила устроить праздник, на котором сама была бы принцессой Лебедь. Я не смогла купить подходящий костюм. А Том все время проводил на работе, времени у него не было. Тогда Джо купил в магазине рукоделия перья и, наклеив их на картон, смастерил крылья. Никогда не забуду ее лица. – Аманда тяжело и горестно вздохнула, и я взяла ее за руку.

– Расскажите о том празднике.

– Мы праздновали... – Она запнулась и кашлянула, словно отвыкла от звука собственного голоса. – Мы праздновали дома. Играли в «передай другому» и прочие традиционные игры. В то время на что-то большее денег не хватало. Пару лет назад мы водили дочерей выпить вечером чаю в «Фортнум энд Мейсон», после чего отправились на шоу в Вест-Энде. А в прошлом году летали в Париж. Сама я, когда была молодой, никогда не оставалась на день рождения в Англии. И им хотела доставить такую же радость – провести свой особенный день в другой стране. Но, если честно, все их разговоры были о детских праздниках. О тех временах, когда Софи хотела прикрепить ослику хвостик, а вместо этого всадила канцелярскую кнопку в бедро Джо. Воткнула не так уж глубоко – не думаю, что было слишком больно, – но он прыгал на одной ноге и так вопил, что девочки попадали со смеху. Я стремилась дать им все, но в Париже шел дождь. Мы поплыли на катере по Сене и очень замерзли. Не такую я хотела оставить им память, но Калли, должно быть, понравилось, потому что через несколько недель она вернулась туда с Натаном.

– Я думаю, в юности дни рождения всегда ждешь с замиранием сердца. Радует предвкушение. Вырастая, мы теряем это ощущение.

– Может быть. Но мне казалось, что я им постоянно чего-то недодавала, разочаровывала их.

– В чем все дети нуждаются – так это в материнской любви. – Я поморщилась, сообразив, как банально прозвучали мои слова.

– Любви во мне хоть отбавляй, но некому ее отдать. – В глазах Аманды блеснули слезы, и я обняла ее за плечи.

В воздухе колокольчиком зазвенел смех, и мы обе посмотрели направо. Там на лужайке, поросшей бутылочного цвета травой, две маленькие девочки в одинаковых джинсовых костюмчиках затеяли игру в салочки, и я заметила, как поднялись у Аманды плечи, и она прерывисто вздохнула. Аманда следила, как девочки гоняются друг за другом, я же смотрела не на них. Позади, в тени деревьев, среди солнечных бликов сидел на лавочке человек в черном капюшоне. Голова его была слегка повернута набок, словно он знал, что я гляжу на него, но он не думал двигаться с места.

Вернулись Том и Джо с полурастаявшим мороженым – с краев вафельных рожков на землю падали капли. Джо пытался затеять разговор, но Том с Амандой не могли оторвать глаз от девочек, а я – от темной фигуры. Доев мороженое, мы поднялись, человек в капюшоне тоже встал.

Когда мы шли к выходу, Том и Джо обсуждали рыбалку на озере, но я почти не слушала. Наконец не сдержалась и оглянулась: девочки

продолжали игру, а неизвестный исчез. Вытягивая шею, я старалась проникнуть взглядом сквозь деревья, будто он мог там спрятаться. А был ли он здесь вообще?

– Вы в порядке, Дженна? – спросил Джо.

– Да, да, спасибо, – ответила я, покривив душой. Несмотря на доводы Ванессы и ее объяснения относительно вторичного травматического стресса, мой страх ширился, как рябь на воде пруда с утками, и я никак не могла его успокоить.

Глава 32

Гарри придет смотреть на животных не раньше десяти, я же явилась в клинику вскоре после девяти. Проснулась с рассветом, стараясь похоронить мысли о Калли под спудом воскресных забот, но, освобождая холодильник и протирая полотенцем стеклянные полки, прокручивала в голове все снова и снова. Стены кухни словно напознали на меня, фотографии Калли витали над головой. Я схватила ключи и сумочку и, пытаясь избавиться от наваждения, поспешила на работу, но сердце Калли стучало в моей груди, и я понимала: как бы я ни старалась, мне не удастся от нее освободиться. Никогда.

Дверь в клинику была не заперта, и я тут же забеспокоилась, что не закрыла ее, когда уходила. Но сразу вспомнила, что не была тут с четверга. Хоть за это меня никто не осудит, но в животе шевельнулось неприятное ощущение. Кто еще пришел на работу? Я оглянулась – парковка была пуста.

Толкнула дверь и удивилась, обнаружив за компьютером Рейчел.

– Рейч? – Я неуверенно пересекла приемную. С памятного неловкого вечера в среду у меня дома мы почти не разговаривали. – Что ты здесь делаешь?

– Ведь сегодня к тебе в гости придет Гарри? Подумала, что будет приятно его повидать. И провести какое-то время с тобой. – Белки ее глаз покрывали тонкие красные сеточки сосудов.

– Ты ужасно выглядишь, – пробормотала я.

– Спасибо за комплимент, подруга. Скоро отправлюсь домой и там отрублюсь. Всю ночь расставляла на полках продукты в универсаме «Асда». Пытаюсь набрать деньги на школьный лагерь для Лиама.

– Не знала, что ты устроилась на вторую работу.

– Это была моя первая ночь. И последняя. Сейчас как раз смотрю в Интернете, нет ли какой-нибудь другой подработки.

– Давай помогу.

Но, пока я обошла конторку, Рейчел уже выключила компьютер.

– Поможешь, если заваришь кофе покрепче. – Она устало улыбнулась, и я отправилась на кухню. Помогу хоть этим.

Гарри ворвался в клинику, сжимая в руке детальку «Лего».

– Это спасательная капсула из «Звездных войн», Дженна.

Я присела, внимательно изучила игрушку, вернула ее мальчику и улыбнулась матери Сэма Кэти:

– Доброе утро!

Хотя на прошлой неделе мы приятно посидели за чаем, я чувствовала себя в ее обществе немного неловко – не представляла, как мы с ней поладим без Сэма.

– Доброе утро, Дженна! Спасибо за приглашение. Гарри всю неделю ни о чем другом не говорил. Ну почти ни о чем. – Кэти помрачнела, и я решила, что мальчик продолжает изводить ее просьбами познакомиться с отцом.

– Я очень ждала вашего прихода. Хотите что-нибудь выпить?

– Если вы не против, сбегая в «Теско». Больше двух часов не задержусь.

– Не спешите. Нам с Гарри будет чем заняться. Правда, малыш?

Но мальчик уже убежал и болтал с Рейчел. Я попрощалась с Кэти и присоединилась к ним. Гарри стоял на коленях и быстро двигал туда-сюда палочкой с пером на конце перед черным котенком. У котенка была белая полоска поперек носа, и из-за этого его называли Зеброй. Котенок, присев на задние лапы, внимательно следил за игрушкой и вдруг прыгнул. Гарри завопил от восторга. Обычно мы не берем на передержку животных, если их хозяева в отъезде, но Зебра принадлежала одному из друзей Линды и Джона, а Джон быстро сдается, если его просят об одолжении.

Гарри играл с Зеброй большую часть утра, а когда котенок устал, Рейчел подхватила его и посадила обратно в клетку.

– Пойдем, Гарри, посмотрим, что здесь, только не шуми. – Я взяла мальчика за руку и провела в небольшой кабинет.

Он шел к собачьему вольеру очень тихо, на цыпочках, стараясь не производить ни звука. А когда увидел под некогда белым флисовым одеялом маленькую черную дворняжку, зажал обеими ладонями рот.

Я полушепотом объяснила, что собачку подобрали в парке, решив, что ее сбила машина. Ее называли Лавандой по названию куста, под которым она лежала.

Животное не было чипировано, и за ним до сих пор никто не обратился. Мы подержим собаку, пока не заживет лапа, а потом передадим в переполненный приют, где псы дрожат от страха между прутьями ограждения, а люди осматривают клетки, выбирая самую симпатичную. Собаки беспрестанно лают и кидаются на сетку – *возьми меня-возьми меня-возьми!*

– Значит, ее никто не любит? – На глаза мальчика навернулись слезы,

голос сорвался.

Я успокаивающе погладила его по руке.

– Мы этого не знаем. Возможно, где-нибудь живут ее хозяева, которые ищут ее, хотя по состоянию ее шкурки и выпирающим ребрам я в этом сильно сомневаюсь.

– Я ее люблю. Очень сильно люблю. Можно я ее возьму?

Мы это уже проходили в прошлые визиты Гарри. Мне даже казалось, что ему больше не стоит сюда приходить, уж слишком он эмоционален, но Кэти утверждала, что мальчик получает удовольствие от посещения клиники, и просила позволить снова его привести.

– Будем надеяться, что ее хозяева скоро появятся, – дипломатично отозвалась я, понимая, что Кэти не придет в восторг от предложения взять в дом собаку.

– Мама говорит, с собаками много возни. С детьми тоже много, но с собаками больше, – заявил Гарри.

– Это верно. За ними нужен присмотр.

– Да. Их нужно кормить, выгуливать. Как ты думаешь, у моего папы есть собака?

Вопрос застал меня врасплох. Чтобы выиграть время и обдумать ответ, я решила наполнить миску Лаванды водой.

– Откуда мне знать, Гарри. – Это все, что пришло мне в голову.

– Если у папы есть собака, я стану с ней гулять, буду ее любить, а собака будет любить меня. Я скоро познакомлюсь с папой.

– Вот как? – удивилась я. Видимо, Кэти удалось выследить своего благоверного.

– Да. Я попросил маму нас познакомить. Хочу, чтобы он повел меня в парк. Знаешь Дебби из моей школы? Я с ней сижу, хотя она мне не нравится. Все время ковыряет в носу и бросает козявки на пол, когда думает, что никто не видит. Ее папа спит теперь в другом доме с тетей Шарон, хотя она ненастоящая теть Дебби. Правда, глупо? – Речь Гарри лилась таким быстрым потоком, что мне пришлось прервать свое занятие, чтобы вникнуть в смысл. – Каждое воскресенье папа водит ее гулять. Они не могут оставаться дома и играть в видеоигры, потому что у тети Шарон каждый раз болит голова. Квартирка у них маленькая, и на свежем воздухе все равно лучше. А в парк они идут, потому что папа Дебби говорит, что больше ничего осилить не может, поскольку ее мама его окончательно выдоила. Но в парке, по-моему, хорошо. А если тетя Шарон болеет, они могут погулять подольше и поесть в «Макдоналдсе».

Гарри перевел дыхание, и я решила задать вопрос:

– Твой папа с вами уже связывался?

– Нет, но мама говорит, что прикатится, как фальшивая монета. Не понимаю, при чем здесь монета?

Плохо дело, подумала я, но лишь пожала плечами:

– Не знаю, Гарри. Хочешь отмерить корм для Лаванды?

Собака следила, как мальчик наполнял сухим кормом мерный стакан и пересыпал кусочки в миску из нержавеющей стали. Затем взял миску обеими руками и понес ее Лаванде, которая не пошевелилась, но завиляла хвостом. Когда Гарри поставил корм в вольер, собака понюхала, облизнулась и умоляюще посмотрела на нас, словно прося разрешения поесть.

– Бери, девочка, – сказала я и почесала ее за ухом. – Здесь тебя никто не обидит.

Лаванда разворошила носом корм, громко фыркнула и стала жадно глотать.

– Мне надо в туалет, – сообщил Гарри. – Когда выйду, минуток пять лучше переждать. – Он помахал перед носом ладонью. – Так Сэм говорит.

Когда мальчик шел по коридору, за ним неслись переливы смеха. Он закрыл за собой дверь, а я вышла во двор. Рейчел сидела за складным столом.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила я.

– Окончательно вымоталась. Скоро отчалю. Есть секунда пообщаться?

– Конечно. – Я села напротив нее. – О чем ты хотела поговорить?

– О тех фотографиях Калли у тебя на кухне.

Мои ладони скользнули по столу, когда я резко встала. В мягкую кожу между большим и указательным пальцами впилась заноза. Я поморщилась при виде упавшей на столешницу капли крови и выдернула из руки крохотный кусочек дерева.

– Дженна, сядь, пожалуйста.

– Вроде бы зазвонил дверной колокольчик. – Я, прислушиваясь, склонила голову, но ничего не услышала, кроме щебетания птиц, качающихся на зеленой сетке и с восторгом расклевывающих шарики в кормушке.

– Кэти нас найдет, никуда не денется. Я понимаю, ты хочешь поддержать родителей Калли, и всячески это поощряю. Ну а я, поверь, хочу поддержать тебя.

– Верю. – Я тяжело опустилась на скамью, и она с хрустом сдвинулась на гравии.

– Я по тебе скучаю.

– Я здесь, никуда не делась.

– Физически. А мыслями? Ты полностью поглощена Калли. Не стану утверждать, что могу представить, каково это – носить в себе кусок другого человека, но...

– Я беседовала с Ванессой, – перебила я ее. – Согласна, мое поведение, – я всеми силами старалась избежать слова «маниакально», – несколько эксцентрично. Но я имею право поступать по-своему в свое свободное время.

– Я очень рада, что ты с ней поговорила. Помогло?

– Помогло, – призналась я. – Сейчас ты устала, и я не буду вдаваться в детали. Скажу одно: Ванесса всячески меня поддерживает. Спасибо, что и ты так терпеливо возишься со мной. Ты верная подруга. Понимаю, как со мной непросто. Не могу дождаться следующей недели, когда будет полугодовой осмотр. Надеюсь, после того как мне уменьшат дозу лекарств, я почувствую себя почти прежней. По крайней мере, сброшу вес, который набрала. – Я положила руку на живот.

– Значит, ты не хочешь, чтобы я с тобой поделилась? – Рейчел достала из кармана батончик «Марс».

– Спрашиваешь!

Рейчел улыбнулась, разорвала обертку и разломил батончик надвое. Конфета хрустнула, показалась начинка, и подруга протянула мне половину. Перемирие.

– Дженна! – Из задней двери показалась голова Кэти.

– Гарри в туалете. – Я облизала липкие пальцы. – Предупредил, что засел надолго.

– Ох, как непросто жить с мальчишками! – Кэти театрально вздохнула. – Лучше ему поспешить. В багажнике размораживаются рыбные палочки.

Я вошла в здание и постучала в дверь туалета.

– Гарри! Твоя мама вернулась.

Тишина.

Я стукнула снова, на этот раз сильнее.

– Гарри?

Подергала ручку. Дверь отворилась, но внутри никого не оказалось.

– Гарри?

Я металась из кабинета в кабинет, мои ноги разъезжались и скользили по полу, пот каплями выступил на лбу.

– Кэти... – Мне с трудом удалось проглотить застрявший в горле

ком. – Постарайтесь не волноваться, но Гарри пропал. Нигде не могу его найти. – Только тут я заметила разбросанные на полу детальки «Лего».

Глава 33

Мы сидели на заднем сиденье полицейской машины, и Кэти крепко держала меня за руку. Полицейские успели прочесать округу, но мы все равно уставились каждая в свое окно, высматривая на улице Гарри. Темноволосых мальчиков в городе много, и, как только я замечала очередного такого паренька, во мне вспыхивала надежда, но она тут же разбивалась на мелкие кусочки, потому что это был не он. Кэти не кричала, и не плакала, и не делала ничего такого, что бы, вероятно, делала я на ее месте. Но даже если бы она кидалась на меня с кулаками, вымещая ярость, я бы не почувствовала себя хуже, чем теперь. Когда полицейские спросили, не слышали ли мы каких-нибудь звуков, мы с Рейчел переглянулись – обе одновременно вспомнили, как я вскочила, решив, что звякнул дверной колокольчик, но потом села, и мы принялись есть шоколад. Сладкая начинка и чувство вины вызвали тошноту, и я боялась, что меня вырвет.

Мы возвращались к Кэти. В ее доме уже побывали, и мы знали, что Гарри там нет, но нам сказали: еще не вечер, он скорее всего объявится, так утверждает статистика. Дети постоянно пропадают, это правда, но другие, а не Гарри с его лезущей на глаза темной челкой и заразной улыбкой. Зачем ему куда-то убежать? Он никогда этого не делал.

В доме Кэти полицейский задавал мне вопросы, на которые я уже отвечала. В поведении Гарри я не заметила ничего необычного. Нет, он не давал повода заподозрить, что собирается убежать. Мы говорили о животных. О школе. О его желании работать в Фонде защиты собак, ездить, как показывают в рекламе, в желтом фургоне и подбирать бродячих животных.

– И рядом со зданием вы тоже не заметили ничего подозрительного? – Женщина-полицейский протянула мне кружку с горячим кофе, но, увидев, как дрожит моя рука, не отдала ее, а поставила на стол.

Я колебалась, не зная, стоит ли рассказать ей о не покидающем меня ощущении, что меня преследуют, следят за мной. В качестве доказательства я не могла привести ничего конкретного. Тем более что Ванесса считает, будто все это лишь мои выдумки и фантазии. Но даже если мои подозрения – правда, как связать их с исчезновением Гарри? В это утро я никого не видела.

– Нет, – ответила я.

– Можете что-нибудь добавить? – Она изучала меня с таким видом, словно не сомневалась, будто я что-то недоговариваю.

– Если только это... – Я покосилась на Кэти: она смертельно побледнела, вокруг глаз пролегли красные круги. Я не хотела еще сильнее ее расстраивать, но мы с мальчиком говорили об этом, и я понимала, что следствию важно узнать о нашем разговоре. – Гарри упоминал об отце. Он очень хочет с ним познакомиться. И ему интересно узнать, есть ли у него собака.

Кэти всхлипнула и сжала кулаки.

– Гарри всегда просил собаку. Хоть бы только вернулся! Получит все, что захочет. Буквально все!

Я подвинулась ближе и обняла ее, но она сбросила с плеч мои руки.

– Отец Гарри в курсе того, что произошло?

– Оуэн? С какой стати? Он не человек – пустое место. Ничего не делал для сына.

– Вы знаете, как с ним связаться? Номер телефона? Адрес?

Кэти вытерла нос и, разблокировав телефон, прокрутила список контактов.

– Вот. Но он не отвечает на мои звонки и несколько месяцев назад перестал платить алименты.

В окне мелькнула вишнево-красная машина, завернувшая на стоянку. Скрипнули тормоза. Сэм! Хлопнула входная дверь, в коридоре послышались знакомые шаги, и я затаила дыхание. Фигура Сэма замаячила в двери, он окинул взглядом комнату, быстро подошел к матери, опустился на колени и обнял ее.

– Ничего, мама, мы его найдем.

– Они спрашивают об Оуэне. Но он бы его не похищал. Правда? Гарри ему не нужен. А вдруг ему надоело каждый месяц давать на него деньги? – Кэти раскачивалась взад и вперед. – Он ведь не причинит ему зла?

– Конечно, нет. – Сэм повернулся и обратился к женщине-полицейскому: – Чем я могу помочь?

– У вас есть недавнее фото Гарри?

Сэм достал телефон и открыл фотогалерею. Заглянув ему через плечо, я увидела снимки: Гарри на ферме кормит коз; Гарри в саду играет со шлангом; Гарри срывает обертку с большой квадратной коробки.

Сэм остановился на самом свежем, сделанном в школе, – улыбающийся, без переднего зуба Гарри смотрит прямо в объектив, – и протянул аппарат женщине-полицейскому.

– А его отца? Оуэна? Есть? – спросила та.

Сэм покачал головой:

– У меня нет. А у тебя, мама?

Кэти вытерла щеки рукавом.

– Есть одна фотография в младенческом альбоме Гарри. Он лежит в нижнем ящике шкафа. Снимали в роддоме. Это единственный раз, когда Оуэн видел сына.

Сэм вытащил альбом и перелистал страницы.

– Вот. – Он показал на снимок Кэти: вымученная улыбка, темные мешки под глазами, младенец на руках. Рядом с кроватью стоит темноволосый мужчина и смотрит на ребенка.

При виде его лица у меня запылало в груди, словно из легких выкачали воздух. Дождь. Темнота. Кровь. Видения вспышками проносились в мозгу. Мне показалось, будто я еду в поезде, который с грохотом мчится по тоннелю, а на стенах мелькают плакаты, которые я не могу разглядеть. Лицо Оуэна кажется таким знакомым! Я понимаю, что никогда с ним не встречалась, но ощущение такое, будто откупорили бутылку шампанского и из горлышка повалила пена и брызги памяти, никак не складывающиеся в единую картину. Страх нарастал и нарастал, а вместе с ним – осознание собственной незащитности. Тело покрыла тонкая пленка пота. Что со мной? Я зажала ладонями уши, пытаюсь заглушить бормотание в голове.

Глава 34

О боже! Что я наделала? Что я наделала? Что я наделала?

Глава 35

– Джен? – Я смутно различила голос Сэма и стала успокаиваться. – Ты в порядке?

Я оторвала ладони от ушей. Все смотрели на меня, а я металась между смущением и страхом.

– Ты вся в поту. Дай-ка я тебе помогу. – Он достал из кармана платок и нежно промокнул мне лоб, как делал, когда я болела. Затем вложил платок мне в руку, и я зажала его в кулаке. Знала, что, если поднесу его к носу и втяну в себя воздух, почувствую запах мяты.

– Давай выйдем на свежий воздух, – предложил Сэм.

Мы уселись на задней лестнице так, что сами оказались в тени, а ноги на солнце. В воздухе плавал тяжелый аромат розмарина, росшего в садике Кэти.

– Что с тобой, Дженна?

Я глубоко дышала, вдыхая через нос и выдыхая через рот. И продельвала это очень долго, прежде чем заговорила.

– Я ведь незнакома с этим Оуэном? – Это была просьба подтвердить то, что и так было мне известно.

– Насколько я в курсе – нет. А что?

Как я могла объяснить, что, взглянув на фотографию, почувствовала, будто уже видела эти глаза? Глубоко внутри шевельнулось ощущение чего-то очень страшного, но я словно смотрела в мутную воду – силуэты казались размытыми, движения неясными. И я ответила:

– Извини, это из-за Гарри. – Я накручивала платок на пальцы, пока не получилось острие.

– Ты ни в чем не виновата, – успокоил меня Сэм, хотя мы оба понимали, что это не так. – Парню семь лет. Надо было думать головой, прежде чем пускаться в бега. Ничего, мы его найдем. – Его голос дрогнул. Он взъерошил волосы, и они встопорщились в разные стороны. Я еле сдержала порыв их пригладить.

Сэм поднялся и стал прохаживаться по внутреннему дворику, где мы проводили бесконечные летние дни – жарили сосиски, делали карамельный лук, и черный дым стелился через забор к соседям.

– Пойду узнаю, что говорят полицейские. Не могу сидеть сложа руки. Потом отправлюсь к этому Оуэну.

– Гарри хоть знает, где он живет? – спросила я.

– У мамы в записной книжке есть его адрес. Гарри – парень смысленный. Ему ничего не стоило его отыскать.

– Но дом Оуэна – первое место, куда бы поехали полицейские. Не исключено, что его уже допрашивают. – Я видела, как женщина-полицейский на кухне говорила по рации.

– Если Оуэн похитил сына, он не станет отвечать на телефонные звонки. Полицейские утверждают, что предпринимают все возможное, но считают ли они визит к нему необходимым? И вообще, насколько серьезно они занимаются этим делом? Ведь Гарри не младенец, да и у них нет ничего такого... чтобы...

Я подумала, что он имеет в виду кровь, и мы немного помолчали.

– Почему он удрал именно сегодня?

– Наверное, ждал, пока представится возможность. Из школы не убежать, взрослые поймают, а дома мама следит за ним, как ястреб. Даже не отпускает поиграть. Будь все проклято! Ладно, я поехал. – Голос Сэма стал тверже. – Ты со мной?

Он протянул мне руку, и я ухватилась за нее. Прижалась к его груди. Он поддержал меня, пока я не обрела равновесие, даже чуть дольше, чем требовалось.

Мотор взревел, и я с трудом расслышала его слова:

– Извини за шум, в глушителе дыра.

Мы неслись к дому Оуэна с ревом, словно участники гонки Гран-при. Сэм молчал, его губы сжались в тонкую линию. Он вилял в потоке машин и каждый раз поддавал газу, когда на светофоре зажигался желтый свет.

Дом Оуэна оказался совсем не таким, как я представляла. Сэм был об этом человеке столь низкого мнения, что я решила, будто он живет в лачуге. В убогой конуре, заваленной рваными коробками и пустыми пивными банками. Скрипнули тормоза, и мы оказались у небольшого отдельно стоящего строения. Между плитами тротуара напротив фасада проросла трава.

– Жди здесь! – Сэм распахнул дверцу и побежал по подъездной дорожке.

Я вновь ощутила панику, охватившую меня при взгляде на фотографию Оуэна, и всеми силами старалась контролировать дыхание. Накатила дурнота, и я закрыла глаза. Я изо всех сил стучу в дверь под проливным дождем. Плачу, и сердце мое готово вырваться из груди. Умоляю. Кричу в щель почтового ящика: «Я лишь хочу поговорить».

Дрожащей рукой я отстегнула ремень безопасности, открыла дверцу и

свесила ноги с порожка. Встала на землю и, прежде чем идти к дому, оперлась о теплую автомобильную крышу. Сэм перестал стучать в дверь и теперь обходил строение. Со стороны фасада все было закрыто, жалюзи опущены. Я присела и заглянула в почтовый ящик: куча корреспонденции. Пока я шла через задний сад, Сэм барабанил в створку с тыльной стороны дома. Крапива с травой цеплялись мне за ноги и за шнурки кроссовок. За этим садом давным-давно никто не ухаживал.

Прикрыв глаза от света, я заглянула в грязное окно. За ним оказалась гостиная: диван, журнальный столик, камин. Взгляд задержался на камине, выхватил из окружающего темное пятно.

Крик раздался словно ниоткуда. Я отпрянула и чуть не упала. Не могла понять, слышала ли его на самом деле или он звучал только в моем воображении. Нащупала руку Сэма и, убедившись, что он рядом, крепко сжала. Сэм был вполне реальным.

– Слышал? – прошептала я.

– Что слышал? – спросил Сэм.

– Так, ничего. – Что со мной происходит? Что случилось с Калли? Я не сомневалась, что она знала Оуэна. Более того, она его боялась.

Вернувшись в дом Кэти, я обнаружила, что там собрались друзья и соседи, пожелавшие помочь в поисках. Я тоже старалась найти себе занятие, опасаясь, что, если перестану двигаться, окружающее рассыплется, и меня снова зашвырнет в темноту. Я делала сэндвичи, которые так и остались лежать и черстветь на тарелке с вянущим салатом-латуком и обветрившимися крутыми яйцами. Есть никому не хотелось. В комнате бубнил телевизор. Кэти следила за мельканием на экране, но я понимала, что, если я встану перед ней и спрошу, что показывают, она не ответит.

Сэм вышагивал по коридору и делал один звонок за другим. Гарри никто не видел, но все хотели помочь. Гудел принтер, распечатывая карты округа, и Сэм обозначал на них зоны поиска. Мои родители тоже ехали сюда.

– Когда все соберутся, разобьем людей на пары и таким образом сумеем осмотреть большую территорию.

Я терла глаза в полном изнеможении, хотя не было еще и четырех. Трудно было поверить, что Гарри пропал всего несколько часов назад. Казалось, с тех пор прошло несколько дней. Я никак не могла успокоиться, словно фотография Оуэна открыла в мозгу поток искрящихся, пульсирующих картин, которые исчезали прежде, чем я могла разобраться в их смысле.

Получалось что-то вроде игры в испорченный телефон: я понятия не имела, как их объяснить.

Чтобы чем-то себя занять, я послала эсэмэску Натану, сообщив, что случилось. Он предложил помощь, но я колебалась – сомневалась, разумно ли сводить в одной комнате своего бывшего и своего нынешнего.

– Дженна! – позвал Сэм, и я отложила телефон. Организуя поиски, он казался образцом спокойствия, но моргал глазами вдвое чаще обычного, и я чувствовала, как он напуган. – Сумеешь осмотреть территорию рядом с ветеринарной клиникой? Ты знаешь этот район лучше остальных.

Мне передали прикрепленный к планшету лист, и я добавила номер своего мобильного к столбику других телефонов. Сэм собирался размножить список, чтобы каждый мог сообщать новости другим.

– О том, что мальчик объявился, – сказал Сэм, и все закивали и заулыбались. – Разумеется, мы его найдем.

Ожидая, когда мне дадут список телефонов, я под села на диван к Кэти.

– С ним все обойдется, – сказала я ей, но она настолько ушла в себя, что ничего не слышала.

Я взяла пульт дистанционного управления и уже готовилась переключить новостной канал на что-нибудь менее депрессивное, как мое внимание привлекла картинка на экране – группа полицейских на каком-то поле. Репортер с серьезным лицом указывал на желтую ленту ограждения, затем камера выхватила белую палатку, после чего крупным планом показали мрачную физиономию охраняющего вход стража порядка – ноги расставлены, руки сцеплены на животе. Я прибавила звук и придвинулась к телевизору.

На экране появилось женское лицо с пылающими щеками, седые волосы выбились из-под облегающей голову круглой черной шапочки.

– Можете рассказать, что произошло?

– Да. – В глазах женщины блеснули слезы, она раскачивалась из стороны в сторону. Камера отъехала и показала, как репортер взял ее за руку – успокоить или поддержать, чтобы она не упала.

– Я выгуливала Барнаби.

– Вашу собаку?

– Да. – Женщина показала на прыгающего у ее ног кинг-чарльз-спаниеля. – Взяла его из собачьего приюта, а имя ему придумала моя внучка Хлоя. – Ее лицо на мгновение осветила улыбка, словно она вспомнила, что ее показывают по телевизору и Хлоя тоже может ее увидеть. Но ее улыбка тут же потухла, как только она взглянула на что-то через плечо.

– Вот там я это и нашла. – Ее голос сорвался, она отодвинулась и стала вытирать нос, но репортер снова сунул ей в лицо микрофон.

– Что же вы нашли?

Из глаз женщины полились слезы, и она покачала головой.

– Нашел Барнаби, а не я. Рыл не переставая землю, а когда я попыталась его оттащить, зарычал на меня. Совсем на него не похоже. Я решила, что он учуял что-нибудь для себя приятное. Например, кость. – Зрачки женщины расширились, она словно вернулась мыслями к тому, что недавно увидела.

– Что было дальше? – Голос репортера вернул ее в настоящее, и она заметно вздрогнула.

– Простите. Я схватила Барнаби за ошейник и попыталась его увести. И тогда увидела это.

– Это?

– Руку. Человеческую руку. Простите, не могу... – Женщина отошла, а оператор перевел камеру на лицо репортера.

– Экстренное сообщение! На аэродроме Бертон женщина, выгуливающая собаку, только что обнаружила труп. Оставайтесь с нами, чтобы узнать подробности.

Глава 36

Ты гнусный, гнусный подонок.

Глава 37

Сначала я решила, что заговорила Кэти, но та сидела на диване, обхватив себя руками, и тихонько раскачивалась взад и вперед. Полицейские тут же заверили ее, что найденный труп не принадлежит Гарри, но до конца сомнений не развеяли, и настроение в комнате изменилось. Все лица выражали потрясение. Хотя никто не проронил ни слова, мысли каждого потекли в другом направлении. Тревожились не только потому, что мальчик пропал, – боялись, как бы не случилось худшего. Все стали обуваться, застегивали куртки, готовясь к поискам. Голова у меня шла кругом. Аэропорт Бертон – это же то последнее место, куда, согласно данным ее навигатора, ездила Калли. Но я не успела обдумать этот факт – из коридора послышался знакомый голос:

– Всем привет!

Дверь в гостиную распахнулась. Увидев на пороге стоявших плечом к плечу отца и мать, я почувствовала, как к горлу поднимается горячий ком. Мне отчаянно хотелось, чтобы они оказались вместе, но не в таких обстоятельствах.

– Мама! – Я подошла к ней и поцеловала в напудренную щеку. От нее пахло выпечкой, и, когда она заправляла волосы за ухо, я заметила у нее под ногтями следы муки и масла. Меня тронуло, что она бросила все и пришла.

– Меня привез твой отец. Я решила, так получится быстрее, чем ждать такси. – Мать села рядом с Кэти и погладила ее руки.

– Мы его найдем. Не тревожьтесь.

– Здравствуй, Сэм. – Отец и мой бывший пожали друг другу руки, но без улыбок и восклицаний «Рад встрече!». Обстоятельства были отнюдь не радостными.

– Так он сбежал из ветеринарной клиники? Линда в курсе? – спросил отец.

– Уверена, что полицейские с ней поговорят, если посчитают нужным, – оборвала его мать.

– Я имел в виду не это...

– Прекратите вы оба! – зашипела я. – Сейчас не время и не место. – Родители замолчали и уставились в пол, и я подумала, что наши роли поменялись.

Мы шли к выходу, когда у женщины-полицейского ожила рация. Она

подняла руку, словно останавливая уличное движение, мы замерли, и она выскользнула за дверь. Только бы с Гарри обошлось! Через минуту она вернулась и улыбнулась:

– Мы его нашли. С ним все в порядке. Скоро его привезут.

Кэти, не проронив ни звука, безвольно откинулась на диван. А я, выйдя из гостиной, достала мобильный телефон. Дневник показывал пропущенные звонки и сообщения от Натана, который спрашивал, как дела. Но вначале нужно было позвонить Рейчел, которая все еще была на работе и ждала известий.

– Рейч! Все в порядке, его нашли, – выпалила я, прежде чем она успела ответить.

– Слава богу! – с облегчением выдохнула подруга. – Я тут сидела и думала, каково было бы мне, если бы пропал Лиам. На десять лет постарела за сегодняшний день.

– Извини, за мной выпивка.

– Не только выпивка, гораздо больше, Дженна Маккаули. До завтра!

Мы сидели в гостиной, разговаривая вполголоса, и мне казалось, что стрелки часов движутся в два раза медленнее обычного. Прошла вечность, прежде чем мы услышали гул автомобильного мотора и хлопанье дверей, после чего в комнате, прихрамывая, появился заплаканный Гарри. Кэти сгрэбла его в объятия, и он впервые не попытался вырваться.

– Где он был? – спросил Сэм.

– На Миллер-роуд, – ответил привезший мальчика полицейский. – Молодая мамаша услышала, как он плачет под окном, и вышла посмотреть, в чем дело. Не многие бы так поступили в наше время. Он подвернул ногу. Мы организовали ему тщательный осмотр. Все в порядке, ничего не сломано.

Кэти разжала объятия, но продолжала держать Гарри, словно опасаясь, что он снова исчезнет.

– За каким дьяволом тебя туда понесло? Мы чуть не умерли здесь от страха. – Кэти повысила голос.

Мальчик снова всхлипнул, и вместо него заговорил полицейский:

– Он сказал, что пошел в туалет, а потом вернулся в приемную к Дженне, которой там не оказалось.

Я беспокойно заерзала на стуле.

– Тут он увидел в парке какого-то мужчину, который помахал ему рукой. Гарри помахал в ответ, решив, что это неожиданно, желая сделать ему сюрприз, явился отец. Он выскользнул через незапертую дверь (при этих словах я снова поежилась), пошел следом, но не сумел его догнать.

Тогда он побежал и подвернул лодыжку.

– А этот человек – как он выглядел? – спросила я.

– Мальчик не сумел его описать. Только сказал, что на нем были джинсы и черная куртка с капюшоном. Согласитесь, им мог оказаться кто угодно.

Через полчаса гостиная постепенно обезлюдела, и отец спросил, не нужно ли отвезти меня домой.

– Может, останешься ненадолго? – предложил Сэм.

Я кивнула и на прощание обняла родителей.

– Спасибо, что пришли.

– Всегда к твоим услугам, – бросил отец, но при этом смотрел на мать. – Будем двигаться, Даф?

– Я могу взять такси, Кен, – сказала она.

– Если я тебя отвезу, то могу покосить газон, а потом, если захочешь, поговорим.

Мать, словно ожидая наставлений, закатила глаза и спросила:

– Ты ел?

– Только мисочку кукурузных хлопьев.

– Разве это еда? Я испекла пирог. – Не глядя на мужа, она повернулась и пошла на улицу.

В окно я видела, как она в ожидании остановилась у машины. Отец открыл ей пассажирскую дверь, и хотя мать оттолкнула его руку, когда он, подавая ей пряжку ремня безопасности, потрепал ее по плечу, я подумала, что это может быть началом чего-то хорошего.

Сэм вез меня домой и, не отрываясь от руля, с шуршанием рылся в пакете с карамелью, а потом неловко снимал обертку. В былые времена я сдирала с конфетки фантик и засовывала карамель ему в рот, но теперь такое поведение казалось непозволительно интимным. Мы остановились на светофоре, мотор урчал, а я разглядывала особняк из красного кирпича, странно смотревшийся на улице, по которой мы ехали. По обеим сторонам от входа по шпалерам вилась жимолость, к унылому небу тянулись бледно-розовые клематисы.

Все это выглядело так пронзительно красиво – и так пронзительно естественно. Я понимала: если бы с Гарри сегодня случилось что-то ужасное, я бы больше никогда не смогла воспринимать мир по-прежнему.

Сэм добрался до начинки конфеты и, прежде чем проглотить, с хрустом ее разжевал.

– Я хотел с тобой поговорить. – Я повернулась к нему, но он по-прежнему смотрел на дорогу, и его лицо оставалось бесстрастным. – О твоей одержимости Калли.

– У меня нет никакой одержимости. Это синдром вторичного травматического стресса.

На этот раз Сэм был заметно удивлен:

– Ты уже с кем-то консультировалась?

– В пятницу ходила к Ванессе. Понимаю, я немного зациклилась.

– И сняла фотографии на кухне?

– Как ты о них узнал? – Я старалась, чтобы мой голос прозвучал не слишком резко.

– Рейчел сказала. Она о тебе беспокоится. Мы оба о тебе беспокоимся.

– Вы обсуждали меня за моей спиной? Хорошенькое дельце! – Во мне, словно пенящаяся кислота, закипела ревность. Рейчел не упоминала об их разговоре.

– Не пойми это так, будто она распространяет слухи. Рейчел искренне расстроилась, когда увидела их. Сказала, что там у тебя почти святилище.

– Никакое не святилище. Меня интересует Калли, вот и все. Кто бы на моем месте не заинтересовался?

– И ты не втиралась в ее семью, полагая, что сумеешь...

– Я никуда не втиралась. Ее родственники сами хотели познакомиться со мной.

– Рейчел сказала, ты пытаешься выяснить обстоятельства того вечера, когда Калли погибла. Не понимаю...

– Не слишком ли много наболтала тебе Рейчел?

– Тебе повезло, Дженна, что у тебя такая подруга.

До операции меня бы, наверное, назвали мягкой, верной, искренней. Теперь же предпочитают другие определения – «везучая», «отважная», «вдохновляющая». Услышав такое от Сэма, я вспыхнула:

– Нечего мне указывать!

– Тебе кажется, что ты чем-то обязана тем людям? – Он тоже повысил голос, но трудно было сказать, не стал ли этот всплеск эмоций следствием недавних переживаний. Я ведь и сама не могла успокоиться.

– А разве нет? Они спасли мне жизнь.

– Это был их выбор. Ты никому ничего не должна.

– Даже тебе?

Сэм резко затормозил на двойной желтой линии у моего дома, и мы обожгли друг друга взглядами.

– Должна. Ты сейчас сказала, и я понял, что точно должна.

– Что же я тебе должна, Сэм? Остаток жизни?

– Хотя бы нормальный разговор. Такое впечатление, что какие-то незнакомцы тебе ближе меня. – Я видела, как на лбу у него пульсирует жилка. – Отталкиваешь меня, потому что...

– А если никаких «потому что»? Если я просто больше не хочу быть с тобой? Такая мысль тебе не приходила в голову?

– А тебе не приходило в голову, что мне тоже не хочется быть с тобой? Но есть вещи, которые мы должны обсудить.

– Тебя, видимо, потянуло к Рейчел. С ней и вежи приятные разговоры. – Я уже не контролировала себя, и лицо Сэма презрительно скривилось:

– По крайней мере, Рейчел радуется жизни. Ты же не умираешь, Джен, во всяком случае не сегодня. Перестань вести себя так, словно твой очередной вдох – последний. Тем самым ты даром растрачиваешь то, что получила от Калли.

Его слова хлестнули меня, и я, практически вывалившись из машины, с силой захлопнула за собой дверь. Бросилась к дому и даже не оглянулась, когда Сэм рванул с места.

Даже подъем по лестнице не остудил мою злость. Если бы я не погрузилась настолько в свои мысли, то непременно услышала бы то, что из-за этого пропустила. Звуки. Открывшейся двери в подъезд. Скрипнувших ступеней. Крадущихся шагов за спиной. Но, копаясь в сумочке в поисках ключей, я не почувствовала, что не одна. Раздраженно втянула в себя воздух, готовилась выдохнуть и вдруг почувствовала запах бензина и застоялого табачного дыма. Вот тогда мне потребовалась всего доля секунды, чтобы ощутить присутствие человека за спиной, а на щеке – горячее, отдающее кислятиной дыхание. Во мне нарастал крик, но чья-то ладонь уже зажала мне рот, а чьи-то пальцы вцепились в мои волосы.

Глава 38

Напавший на меня человек что-то говорил низким, ровным голосом, но за свистом и барабанной дробью в ушах я ничего не могла разобрать – только пыталась освободиться.

Во мне метался страх, я изо всех сил боролась, но при этом потеряла точку опоры и сложилась пополам, как тряпичная кукла. Меня за волосы вздернули на ноги, и ощущение было таким, словно в голову впились тысячи докрасна разогретых игл. Несмотря на прижатую к губам ладонь, я умудрилась приоткрыть рот – мои зубы тисками сомкнулись на чужих пальцах.

– Проклятая стерва!

Я повалилась вперед, грохнулась на колени и ударилась головой о пол. Ошеломленная, поползла в угол и перебирала ногами, пока не уперлась спиной в стену. Мой взгляд метался из стороны в сторону, пытаюсь отыскать что-нибудь, что могло бы послужить оружием. Нейл из «Принца Уэльского», облизывая пальцы, сердито щурился, глядя на меня.

– Что тебе нужно? – Я с усилием поднялась, прижала сумку к груди, как щит, вцепившись пальцами в ручку, чтобы замахнуться, если он попытается приблизиться.

– Где Оуэн? – прорычал он, и я ошарашенно застыла.

Зачем, интересно, ему понадобился отец Гарри? Зачем он притащился ко мне? Я потеряла вздувающуюся на виске шишку, словно этим могла разогнать туман в голове.

– Это ты шел за мной от паба в тот вечер? Почему ты спрашиваешь об Оуэне? Ты знаешь Кэти и Гарри?

Я понимала, что бормочу невесть что и задаю слишком много вопросов, но боялась, что если замолчу, то на вопросы придется отвечать мне самой. Я же об Оуэне ничего не знаю. Ну и как же поступит тогда Нейл?

С улицы послышался звук мотора. Мы бы не услышали его из дома, если бы не дырявый глушитель.

– Это мой приятель Сэм, – с нескрываемым облегчением поспешила объявить я.

Нейл, поколебавшись, выглянул из выходящего на улицу маленького окна с треснувшим стеклом.

– Какая у него машина?

– Красный «Фиат».

Я судорожно вздохнула, а Нейл повернулся и, перепрыгивая через две ступени, бросился вниз по лестнице. Хлопнула дверь подъезда, и я тоже подошла к окну. Сэм втискивал машину перед цветочной лавкой. Я оглядела улицу, но Нейла не обнаружила.

Сэм наконец остановился, но мотор не заглушил. Я заметила, что он опустил голову на руль, словно решая, что делать дальше. Я смотрела на него и, прижавшись лбом к грязному стеклу, молила, чтобы он поднялся ко мне.

Время стало эластичным – оно все растягивалось и растягивалось. Ни один из нас не двигался. Стекло затуманилось от моего дыхания. Натянув рукав на ладонь, я протерла его, и, когда снова посмотрела вниз, у машины Сэма уже горели фонари заднего хода. «Фиат» двинулся с места, мотор заработал громче. «Пожалуйста, не уезжай», – прошептала я, но он меня, конечно, не услышал, и я осталась одна.

Но одна ли? Вот опять послышался звук. Он мог означать что угодно. Потрескивание половой доски, игру ветра в почтовом ящике. Это могло быть что-то, но могло и ничего не означать. Но я, выхватив из сумки ключи, поспешила в квартиру, закрыла дверь на замок и подперла ее телефонным столиком. На всякий случай.

* * *

Как же я устала! Схема на холодильнике показалась мне путаницей переплетающихся линий, и, как я ни старалась сосредоточить на ней сонный взгляд, цвета лишь сильнее расплывались на листе. Но моя усталость ни в какое сравнение не шла со страхом, который опутывал меня, будто плющ дерево, с тех пор, как я побывала в доме Оуэна. Я не сомневалась, что видела его раньше. В сотый раз проверила свой телефон. Настроила сервис оповещения «Гугла» на слова «аэродром Бертон», но, не получая обновлений, не переставала думать о найденном там трупе. Зачем туда ездила Калли?

Предраассветную тишину прорезал внезапный звук, и я вздрогнула, на секунду испугавшись, что вернулся Нейл. Может, вызвать полицию? Но я тут же поняла, что это лает собака. Нейл. Оуэн. Калли. Их лица завертелись в моем мозгу звенящим хороводом. Я чувствовала, что голова вот-вот взорвется, и в этот миг меня осенило. Я вспомнила зернистую фотографию Нейла из статьи в Интернете, где говорилось, в чем он обвинялся, и

смазанный силуэт позади него. Это был Оуэн. Точно, он. Проверка не потребовала много времени. А Калли? Она-то знала Оуэна? А может, у нее был с ним роман? Хотя я и не была с ней знакома, но не могла себе представить, чтобы Калли закрутила любовь с таким человеком. Как же я устала! Я запустила пальцы в волосы и потянула за них, словно таким образом могла избавиться от разрывающего череп давления. Глаза слипались. Я выпила целую кружку кофе – не помогло: веки не поднимались, и я, сложив руки перед собой на столе, опустила на них голову. Всего на секунду. Ведь я так устала. Только не спать! Спать опасно! Однако темнота окутала меня, просочилась в подсознание, вызывая к жизни новые воспоминания.

Глава 39

Я сняла одежду, трусики и засунула их поглубже в плетеную корзину в углу. Завтра все это выброшу. Больше не смогу носить. Ноги у меня так сильно дрожали, что я с трудом залезла в ванну, открыла горячую воду и опустилась на колени. Мне казалось, я никогда не смогу согреться. Я надолго замерла, и по рукам побежали мурашки. Сливное отверстие всасывало каскады воды вместе с моими слезами. Я потянулась за гелем и банной рукавицей и долго-долго терла себя, пока кожа не покраснела и не стала саднить, но все равно ощущала себя грязной. Грязной снаружи и грязной внутри. В памяти возникла картина последней ванны, которую мы принимали вместе. Я откидывалась к твоей груди, и ты нежно втирал мне в волосы шампунь. Мерцали свечи, пузырилась, навевая покой, пена с ароматом лаванды. Почему все так круто изменилось?

В дверь ванной постучали.

– Я не слышал, как ты пришла. Хорошо провела вечер?

Я знала, что ты всегда обижался, если я куда-нибудь ходила без тебя.

Накатывала тошнота, все мое тело сотрясалось. Я попыталась добраться до унитаза, но не успела. Стала давиться, между всхлипываниями извергая на пол содержимое желудка.

– Ты заболела, детка? Впусти меня!

Но я не могла. Никогда не умела ничего от тебя скрывать. Ты говорил: все, что нам нужно, – это мы сами. Но это неправда. Теперь уже неправда. Я не знаю, как тебе об этом сказать, но понимаю, что должна.

** * **

– Ты язык проглотила? – спросил ты, и я покачала головой. – Тогда говори. Пообещай, что никому не расскажешь, откуда у тебя это. – Ты легонько провел пальцем по моей распухшей щеке и синяку под глазом, и я вжалась в стул.

– Обещаю, что мне еще остается?

– Думаю, что должен подвезти тебя, – сказал ты, я встала и, стараясь не встречаться с тобой взглядом, отнесла посуду в раковину.

– Я сегодня позже. Будет выглядеть странным, если приеду так рано.

– Не уверен...

– Слушай, ты хочешь, чтобы все шло по-старому? – Я коснулась пальцами щеки, удивляясь, как ты мог подумать, что я способна забыть.

– Ладно.

Ты поцеловал меня в макушку и попрощался. Твои шаги эхом отозвались в коридоре. Когда хлопнула входная дверь, я бросилась в гостиную и прильнула к окну, наполовину скрытая шторами. Ты завернул за угол; бежевый плащ висел у тебя на руке, в другой покачивался желто-коричневый кожаный чемоданчик. Я не понимала, как ты мог наутро вести себя так спокойно, словно ночью не было яростных криков ссоры. Я затаила дыхание, боясь, что ты вернешься – «Не ждала?» – но секунды превращались в минуты, и я успокоилась. Ты действительно ушел.

Мне было все равно, что на мне надето. И хотя я только что оторвалась от окна, не ответила бы, какая на улице погода. Дождь? Солнце? Я понятия не имела. Сняла с себя униформу и натянула джинсы и футболку. Сумка с ночными принадлежностями лежала в шкафу, и мне пришлось приподняться на мысочки, чтобы ее достать. На лицо посыпалась пыль, и я закашлялась.

Я не раздумывала долго, что напихать в сумку: одежду, белье, туалетные принадлежности – самое необходимое. Когда сумка раздулась настолько, что чуть не лопалась, я с трудом застегнула «молнию». Сунула руки в рукава жакета, повесила сумку на плечо и заглянула в кошелек – посмотреть, сколько в нем наличных. Кошелек оказался пуст, хотя я не сомневалась, что в нем лежали две двадцатки. Придется заехать в банк, чтобы снять деньги со счета. Я открыла в телефоне мобильный банк – проверить, сколько у нас денег. Раньше у меня был свой счет, но в последнее время моя зарплата каждый месяц поступала в общую копилку. Сначала мне это не понравилось, но ты сказал, что если дать мне финансовую свободу, то я стану слишком много тратить на тряпки. Сейчас я была довольна, что ты так разумно распорядился нашими средствами: нам удалось отложить приличную сумму. Ожидая, пока страничка откроется, я нетерпеливо притопывала. А когда она открылась, у меня все оборвалось внутри. На счету было пусто.

От страха и разочарования в горле зацепало, подступили слезы, я бросилась на кровать и разрыдалась. Как я теперь уйду от тебя? У меня ничего не осталось.

Глава 40

Во сне я плакала и, проснувшись, обнаружила, что щеки у меня мокрые. Сначала я не поняла, где нахожусь, потому что спала не в постели. Онемевшие руки тяжело лежали на кухонном столе, их неприятно, словно иглами, кололо. Я села, и острая боль пронзила мне шею. Схема прилипла к щеке, я отодрала ее от кожи и вытерла слюну, засохшую в уголках губ. За окном небо стало абрикосовым, мерцающие цифры на плите показывали шесть утра. Я проверила телефон – новых сведений об аэродроме Бертон не оказалось. Но позже, когда я ковыряла вилкой омлет, который отказывался принимать мой судорожно сжимающийся желудок, мобильник пискнул. Я схватила его со стола, надеясь, что появилась новая информация. Но это пришла эсэмэска от Натана – он подтверждал, что заберет меня с работы в середине дня. Меня обожгла вспышка раздражения: я не могла идти в клинику, не могла видеть Натана. Мне бы посидеть дома и обдумать ситуацию, но в этот момент на схеме всплыло имя Оуэна, и я подумала: раз Калли знала его, то и Натан мог его знать. «До встречи», – ответила я, но грудь сдавила тоска, и я так сильно сжала зубы, что заняло в висках.

Кто-то вошел в клинику. Я подняла взгляд, но увидела только обтянутые джинсами ноги – все остальное загоразживала плетеная корзина с розами и лилиями.

– Посылка для Дженны Маккаули.

– Это я! – Я приняла цветы и отвернулась, стараясь не вдыхать невыносимо сильный аромат.

Поставив корзину в приемной, я разрешила конверт, достала из него карточку и прочитала: «*Большое спасибо, что пришли на день рождения Калли. Том и Аманда*». При виде их имен грудь привычно сдавило.

В двенадцать я собралась уходить с работы, и тут появилась Элли.

– Не забудь свои цветы, Дженна.

– Оставлю их здесь до завтра.

– Нет уж, будь добра, заberi, – скривилась она. – У меня от них аллергия. – Элли демонстративно чихнула.

Мне пришлось подавить раздражение, но я так резко подхватила букет, что на пол полетели лепестки. Я не стала их подбирать.

Натан ждал меня в машине.

– На вид недешевые, – сказал он, поворачиваясь к заднему сиденью, куда я положила цветы. – От тайного воздыхателя?

– От благодарного клиента. – Ложь без труда соскочила у меня с языка.

– Очень мило. И карточка имеется? – Он окинул взглядом букет.

– Нет. Принесли лично.

– Твоя клиентка флорист?

Я моментально смутилась.

– Я своими глазами видел, как какая-то дама вынимала эти цветы из фургона. Но я сейчас не об этом. Ты любишь искусство? В помещении церкви на Чилтерн-роуд открылась любительская выставка. – Не дожидаясь ответа, он выехал со стоянки и включил левый поворотник. Не отрываясь, он пристально смотрел на дорогу.

За вход на выставку брали три фунта, в эту же цену включался горячий напиток в обжигающей пальцы тонкой пластмассовой кружке и печенье с ванильным кремом. В церкви было прохладно и царил полумрак, и, пока я бродила по выставке, у меня по коже побежали мурашки. Произведения были самые разные: от удивительно хороших до объясните-что-же-это-все-таки-такое.

– Ты такая тихая. Хорошо себя чувствуешь? – спросил Натан. Я ощутила на пояснице жар его ладони, отозвавшийся трепетом в глубине моего живота. И не смогла понять, возбуждение это или отвращение. Чувство близости, которое мы испытали вечером в пятницу, прошло, и теперь в его обществе мне было неловко.

– Нормально. Немного устала. – Я сделала шаг к картине с квадратной оранжевой кошкой, и он отпустил руку.

– Если хочешь, поедem к тебе.

– Нет! – Ответ прозвучал громче, чем мне хотелось, но я, не обращая внимания на мелькнувшую на его лице обиду, перешла к следующему экспонату. Мое внимание привлек маленький морской пейзаж. Цветные пляжные домики выстроились в одну линию, словно приготовились бежать наперегонки к зеленой воде. На медовом песке виднелось яркое пятно – забытое красное ведерко с лопаткой. Пейзаж напомнил мне картины Аманды, которые я видела в ее доме. И еще почему я хожу по выставке с Натаном.

– Извини. – Я дотронулась до его руки, когда он ко мне подошел. – Вымоталась. Не выспалась после случая с Гарри.

– Понятно. А то я решил, что ты злишься на меня за то, что я в субботу

заявился к тебе без предупреждения. Я видел, как тебе было неловко, что я у тебя в квартире.

– Дело не в этом. Я не ждала гостей. И у меня было не убрано.

– И ты не хотела, чтобы я вошел на кухню и увидел, что там у тебя?

– Что там у меня? – Я подумала о своей схеме, и мой желудок сжался в крошечный мячик. Но потом я решила, что он имеет в виду царивший там кавардак, и продолжала: – Суббота, должно быть, показалась тебе тяжелым днем. Ведь в субботу был день рождения Калли.

Глаза Натана подернулись печалью:

– День рождения или нет, мне всегда тяжело.

– Ты, наверное, постоянно о ней вспоминаешь. О том вечере, когда случилась авария. Если хочешь поговорить...

– Давай...

Сначала я решила, что он согласен поговорить, но Натан сделал жест рукой, и я поняла, что он приглашает меня к следующей картине. Я же никак не могла оторваться от морского пейзажа и, подчиняясь внезапному порыву, решила купить его для Аманды. Выставка на следующий день закрывалась, и художник обрадовался возможности продать свою работу. Пока он заворачивал картину в бумагу, Натан попросил меня поддержать его пиджак и отлучился в туалет. Я расплатилась, положила пейзаж в сумку и подошла к двери туалета. Дверь была закрыта. Я понимала: если я хочу взглянуть на список контактов в телефоне Натана, времени у меня немного. Есть ли среди контактов Оуэн? Если его знала Калли, мог знать и Натан. Рука у меня дрожала, когда я полезла в карман и вынула аппарат. Я нажала кнопку «Домой», и экран осветился. Появилась фотография Калли: она сидела, скрестив ноги, на берегу озера, не подозревая, что за ней наблюдают. Натан не поставил пароль, и я, открыв меню, пробежалась по контактам. Среди них была строка «Оуэн». Но прежде, чем я успела посмотреть, не указан ли в ней адрес абонента, аппарат выскользнул из моей руки и со стуком упал на пол. Я наклонилась его поднять, но не успела выпрямиться, как передо мной оказались ботинки Натана. Я смотрела на него, чувствуя, как пылают мои щеки.

– Что ты делаешь? – спросил он, протягивая руку.

– Извини, выпал из кармана.

Я отдала Натану телефон, и он, прежде чем положить его в карман брюк, бросил взгляд на экран. Затем взял меня за запястья и поднял на ноги. Его хватка была твердой. Настолько твердой, что я ощутила, как растет во мне страх. Дверь в туалет открылась, и от запаха освежителя воздуха меня замутило. Зазвонил мой телефон. Натан отпустил меня, но,

запустив руку в сумочку за аппаратом, я продолжала чувствовать на запястьях его пальцы, впивающиеся в мягкую плоть. Меня обдало жаром. Закружилась голова. Я теряла сознание. На экране высветилось: «Незнакомый номер». Я сделала шаг в сторону и ответила на вызов.

– Дженна, это Джо. Дядя Калли. Надеюсь, вы не рассердитесь, что я позвонил – взял ваш номер у Тома.

Я покосилась на Натана. Он увлеченно рассматривал очередную картину.

– Нисколько. У вас все в порядке?

– Не совсем. – Он с такой силой выдохнул в аппарат, что мне почудилось, будто я ощутила в трубке его дыхание. – День рождения Калли подкосил Аманду. Том старается держаться, бодрится, но год без дочери, притом что и Софи уехала, довел их до крайности. Аманда второй день не встает с постели.

– Сочувствую. Чем-нибудь могу вам помочь? Я по-прежнему готова.

– Не могли бы вы провести немного времени с Амандой?

Он говорил тихо. За спиной скрипнули колеса тележки с чаем, и я, отвернувшись к стене, зажала ладонью другое ухо.

– Это даст Тому передышку. Я помогаю чем могу, но в следующие несколько дней буду в отъезде. Безумно за него переживаю – стресс губителен для его сердца. Они оба с Амандой порадовались, что вы были на дне рождения Калли. Хоть вы и не родственница, но определенная связь все же существует.

– Сделаю все, что сумею. Позвоню Тому, узнаю, когда они свободны. У меня для Аманды уже кое-что есть.

– Какие у них могут быть дела? Сейчас они оба дома. Я только что разговаривал с Томом.

– Хорошо. Буду иметь в виду.

– Простите меня, я, должно быть, ломаю ваши планы.

Я колебалась, но как я могла отказать родным Калли?

– Ничего страшного. Поеду к ним прямо сейчас.

– Вы прелесть. Большое вам спасибо.

Я нажала отбой и обернулась. Натан стоял прямо за моей спиной.

– С кем ты говорила?

Я не сразу нашлась с ответом – понятия не имела, долго ли он стоял рядом и как много ему удалось услышать. Называла ли я имена Тома, Аманды и Калли или их произносил только Джо?

– Язык проглотила? – улыбнулся Натан.

Как только он произнес фразу из моего последнего сна, в голове у меня

завертелись обрывочные образы, лишая способности вообще что-либо сказать. Распухшее лицо, исчезнувшие деньги, ощущение, что я оказалась в ловушке. Натан продолжал смотреть на меня, ожидая ответа, и я похолодела. Уж не его ли боялась Калли? Не может быть! Когда мы занимались сексом, он был очень нежен.

– Дженна, ты здорова?

– Извини, мне надо уходить.

– Я сказал что-то обидное?

– Нет-нет! Одному человеку... нужна моя помощь.

– Тому, кто прислал тебе цветы?

– Нет... это... – Я не знала, как выкрутиться. – Дело очень срочное.

– Я тебя подвезу.

– Путь неблизкий.

– Я настаиваю. – Он говорил вежливо, но в его голосе чувствовались ледяные нотки. Как в моем сне. Или мне это показалось?

Мы вышли на солнечный свет, и я, стоя на пешеходном переходе, искоса наблюдала за Натаном. Неужели это он избил Калли? Пиканье зеленого человечка на светофоре дало мне знать, что переход безопасен. Но о какой безопасности могла я рассуждать, когда Натан держал меня за локоть и переводил на другую сторону? Я не могла придумать, как от него избавиться.

Глава 41

– Спасибо за предложение подвезти, Натан, но я возьму такси. – Махая проезжающей машине, я старалась, чтобы мой голос звучал приветливо и беззаботно. – Я тебе позвоню.

– А как насчет... – начал он, но я уже забиралась в автомобиль и захлопывала за собой дверь.

Когда мы тронулись, я посмотрела в заднее стекло – на лице Натана читалось неподдельное потрясение.

Через сорок пять минут мы прибыли на место. Я заметила, насколько бледен открывший мне дверь Том. Но он все-таки нашел в себе силы обнять меня и спросить, как дела.

– Нормально, – ответила я. – Как себя чувствует Аманда? – Войдя в коридор, я понизила голос.

Каждая черточка на лице Тома говорила о том, как он встревожен.

– Ей хуже. Не представляю, что делать.

– Вам нужна передышка. Сходите прогуляйтесь. Я побуду с ней.

Том покосился на лестницу – он словно разрывался на части.

– Прогуляться было бы славно, но Аманда...

– Обещаю, с ней все будет в порядке. Скорее всего она даже не заметит вашего отсутствия.

– Спасибо. Я ненадолго.

Пока я поднималась по лестнице, он надевал ботинки. Я не знала, спит ли Аманда, и заглянула в спальню, стараясь не отшатнуться от кислого запаха пота и отчаяния.

Я шепотом позвала ее по имени, но в полумраке ничего не смогла как следует рассмотреть и на цыпочках подошла к кровати, на которой она свернулась калачиком. Одеяло поднималось и опускалось в такт посапыванию, и я, стараясь ступать как можно тише, вышла из комнаты и в нерешительности остановилась на верхней площадке. Справа от меня была свободная комната, дверь в нее оказалась приоткрыта, и в щель были видны коробки с вещами Калли.

Я посмотрела вниз. Том ушел надолго, Аманда спит. что плохого, если я быстро взгляну на содержимое коробок.

Первую коробку я пыталась открыть как можно тише, но картонные клапаны с шуршанием цеплялись друг за друга, и я каждые несколько

секунд замирала, прислушиваясь, не проснулась ли Аманда. Коробка была до краев набита одеждой. Я надавила на мягкое содержимое и, ничего не почувствовав, взялась за следующую. Из нее я вытащила клубок проводов, под которыми оказался айпад. Я открыла крышку чехла, но экран остался темным. Найдя нужный шнур, я включила гаджет в розетку. Замигала красная иконка аккумулятора, через несколько минут появился символ зарядки, и планшет заработал. Воодушевленная, я открыла веб-браузер «Сафари», но айпад не был подключен к Интернету, и мне пришлось организовывать доступ при помощи своего телефона. Вторая попытка меня разочаровала. Я просмотрела электронную почту Калли и не обнаружила ничего интересного. Аманда посылала ей кулинарные рецепты, Сара с работы – смешные ролики про котов с ютьюба». Заглянула в приложения. «Слова с друзьями», «Аэрохоккей», «Тетрис». Надавила пальцем на иконку универсального блокнота «Эверноут». Нашла файл «Садоводство», заметки о кустарниках и наткнулась на папку «Авиабилеты». Там была указана цена на два билета в Испанию в одну сторону. Следовательно, Калли помогала сестре организовать ее путешествие за границу. Но почему билеты только в одну сторону? Похоже, Том и Аманда ждут, что Софи вернется в любой момент. Была еще одна папка с ссылкой на приложение «Кредит до зарплаты», но я не успела в нее заглянуть – из спальни Аманды послышался шорох. Я выдернула штепсель планшета из розетки и тихо положила все на место. После чего выскользнула из комнаты и постучала к Аманде.

Она лежала на спине и невидящими глазами смотрела в потолок. Руки ее покоились поверх одеяла, запястья казались тростинками, выглядывающими из рукавов рубашки, – одно неосторожное движение, и они переломятся.

– Как вы себя чувствуете, Аманда?

– Устала, – прошептала она, хотя проснулась лишь минуту назад.

– Я вам кое-что принесла. Можно открыть шторы?

Аманда едва пошевелилась, но я решила, что она кивнула. Раздвинула шторы, распахнула окно, и комнату наполнило теплое золотистое сияние. Сразу сделалось не так душно.

Матрас прогнулся и скрипнул, когда я устроилась на краешке кровати. Аманда приподнялась и села, опершись о подушку. Я открыла сумку и извлекла из нее купленную картину.

Ее руки дрожали, и ей потребовалось невероятно много времени, чтобы снять обертку. Но когда картина явилась на свет, меня поразило, сколько муки отразилось на лице Аманды. Она увидела в изображении

больше, чем сумела я.

– Простите, я не хотела причинить вам боль.

– Вы не причинили. Наоборот, приятно, что вы обо мне помните.

– Сегодня купила на любительской выставке. Она напомнила мне те, что рисуете вы.

– Мы все любили море. В детстве я привыкла отдыхать за границей, а там всегда было солнечно. Но нашим девочкам мы с Томом того же дать не могли. Каждый год вывозили их в кемпинг «Гнездо совы» в Ньюли-он-Си. Девочки обожали это место. Даже когда дождь хлестал по крыше фургончика и мне, чтобы они заснули, приходилось вставлять им в уши ватные тампоны. У Калли и Софи было такое же красное ведерко, как это. – Аманда провела пальцем по мазкам кисти на холсте.

– Хорошо иметь такие воспоминания.

– Я тогда не понимала, насколько была счастлива. – Она расплакалась.

Я подошла, наклонилась, обняла ее и почувствовала, как моя футболка стала влажной от ее горя. Я не выпускала Аманду, пока не вернулся Том, хотя у меня затекли руки и заболела спина.

День получился длинным, и я совершенно вымоталась, но, когда толкнула дверь в подъезд своего дома, инстинктивно почувствовала опасность. В воздухе витал тошнотворно-сладкий запах. Сначала я объяснила это разгулявшимися нервами: после вчерашнего случая с Нейлом, ясное дело, ко всему будешь относиться настороженно. Но, войдя, увидела их – разбросанные по лестнице лилии и розы. Цветы, которые я оставила в машине Натана. Плетеная корзина, в которой их принесли, была разодрана и смята, словно ее топтали. Глядя на этот разгром, я почувствовала, как к голове прилила кровь, и пошатнулась. Оперлась о стену, чтобы не упасть. За спиной громко хлопнула входная дверь, и мой желудок превратился в узел страха. Отступив назад, я снова открыла дверь подъезда и со стуком захлопнула ее, чтобы со стороны подумали, что я ушла. А сама присела у лестницы, ожидая, что сверху раздадутся шаги. Прижалась к стене, стараясь превратиться в невидимку. Минута проходила за минутой, и судорога заставила меня подняться на ноги. Я решила, что в подъезде никого нет.

Медленно и очень тихо я кралась вверх, вытягивая шею, высматривая, не мелькнет ли тень, слушая, не раздастся ли шарканье ног. Я ничего не видела и не слышала, но страх рос и рос. Вот и моя площадка.

Дверь моей квартиры оказалась приоткрыта. Внутри кто-то был.

Глава 42

Я зажала ладонью рот и замерла, напрягая слух и стараясь различить движение внутри. Но все было тихо, если не считать доносившихся из верхней квартиры смеха и бормотанья телевизора. Я подумала, не броситься ли туда, но соседи сверху только что въехали, и я не успела с ними познакомиться. Да и в моей квартире было тихо.

Я вытянула руку и пальцами легонько толкнула дверь. Скрипнули петли, и я отдернула руку. В голове проносились картины: злоумышленник спрятался за створкой, под кроватью, в шкафу. Я не могла заставить себя переступить порог. Сделала шаг назад и, прижавшись спиной к стене, почти ждала, что на меня вот-вот нападут. Не сводя взгляда с двери, шаг за шагом отступала вниз и, выйдя из подъезда, села на тротуар и, спрятав голову между колен, ждала, пока пройдет ощущение невесомости. Немного придя в себя и почувствовав, что могу говорить, достала из сумки мобильник. Пришло сообщение от Натана. Когда я прочитала текст, у меня перехватило дыхание. «Надеюсь, с твоим приятелем все в порядке. Твой букет оставил у тебя на лестнице».

Снова возникло неприятное ощущение, что за мной наблюдают. Я посмотрела направо и налево и только после этого стала набирать номер. Девять. Девять. Я колебалась, палец застыл над телефоном. Цветы могут служить доказательством, что Натан побывал в моем доме, но он необязательно находится в квартире. А заперла ли я дверь, когда уходила? Сомнения закрались в мой затуманенный ум и поглотили меня целиком. Я ни в чем не была уверена. Думай, Дженна, думай!

Закрыв глаза, я представила в руке ключи, и у меня возникла уверенность, что дверь я все-таки заперла. Но для полицейских ощущения – не улики, это мне уже объяснили. В памяти остро засело, как меня выпроводили из участка. Я не хотела звонить в полицию, пока не буду уверена, что в мою квартиру проникли. А у меня такой уверенности не было. Так что же дальше?

Когда подъехал Сэм, я по-прежнему сидела на тротуаре и стучала зубами, хотя совершенно не замерзла. Машина резко затормозила на двойной желтой.

– Джен! – Захлопнув дверцу, Сэм в три прыжка оказался рядом со мной и, когда я, покачнувшись, встала, прижал меня к груди. Шерстяной

джермпер щекотал мне щеку, но я не отстранилась.

– Полицейские наверху? – спросил он.

– Я не вызывала.

– Почему? – Держа меня за плечи, он отступил на шаг и взгляделся в мое лицо.

Мне же оставалось надеяться, что он не прочтает в моих глазах вины и не догадается, что я переспала с другим.

– Я не уверена, что заперла дверь, когда уходила, – призналась я. – Столько всего произошло. Завтра иду сдавать анализы на биопсию. Голова кругом. Не хочу тратить понапрасну время полицейских. – Я прикусила нижнюю губу, не желая рассказывать, что недавно ходила в участок и теперь боялась, что мне снова не поверят. Я столько от него скрывала, что недосказанность перевешивала правду, и соотношение того, что я говорила, склонялось в пользу обмана.

Сэм поднял взгляд на окно квартиры.

– Пойду проверю, что там. Жди меня здесь.

Он исчез в подъезде. Прошло несколько секунд, и я, крадучись, на цыпочках, последовала за ним, но, как только он оказался на следующей площадке, громким шепотом окликнула:

– Сэм!

Он обернулся.

– Может быть, все-таки стоит вызвать полицию? Не исключено, что в квартире кто-то есть.

По его лицу пробежала тень.

– Я никому не позволю тебя обидеть.

Сэм скрылся за дверью, и я не успела сказать, что боюсь не за себя, а за него. Но, оказавшись вслед за ним в квартире, не удержалась и охнула. В расположенной справа гостиной был учинен разгром: книги свалены с полок, диванные подушки сброшены на пол.

– Выйди и дождись снаружи. – Голос Сэма был серьезным.

А я, хоть и не последовала за ним по коридору, уйти тоже не имела сил – внутри все скрутило, ноги будто приросли к полу. Сэм осмотрел каждую комнату и только после этого вернулся ко мне.

– Никого нет, но полицию все-таки нужно вызвать.

Я протиснулась между ним и стеной и бросилась в спальню.

– Ни к чему не прикасайся, – предупредил он меня, но было поздно.

Я склонилась над выброшенными из комода ящиками, содержимое которых рассыпалось по полу и перемешалось. Встала на колени перед открытым шкафом и взяла в руки резную деревянную коробку.

Взломанную и пустую.

– Дженна, что с тобой?

Я слышала его вопрос, но не ответила – лишилась дара речи. Лихорадочно рылась в грудке вещей на полу, стараясь понять, что пропало, складывала их обратно в коробку, но они утратили чистоту – незнакомец их касался. Я проглотила подкатившую к горлу горечь. Нашла лимонно-желтые носочки для новорожденных, белого мягкого кролика с щуршащими ушами, крохотный комбинезончик с принтом в виде свернувшегося клубочком спящего ежика. А вот тот снимок никак найти не могла. И хотя изображение не появившейся на свет жизни накрепко запечатлелось в моей душе, паника переполняла меня, пока пальцы не скользнули по глянцевому кусочку бумаги.

– Ты все еще его хранишь? – пробормотал Сэм.

От невыносимой тоски я согнулась пополам. Недоговоренность висела между нами, подобно туману. Я хотела сказать, как мне больно оттого, что мы потеряли нашего ребенка, когда сдало мое сердце, но извинения застревали в горле вместе со стыдом и слезами. Сэм обнял меня и стал поглаживать по спине, и в моей душе начало расти пятно сожаления.

* * *

Я чувствовала себя немного неловко, когда доставала Сэму одеяло и подушку, словно он гость. Словно эта квартира никогда не была его домом. Но я радовалась, что буду спать одна. Я лежала на кровати и слушала, как дождь барабанит в окно. Я так долго смотрела на уличный фонарь, что в угольно-черном небе поплыли оранжевые круги и кляксы. Я закрыла глаза. Завтра очередной осмотр, надо хотя бы немного отдохнуть.

Заурчал сливной бачок в туалете, и вода, булькая, полилась в канализацию под полом. От шагов Сэма в коридоре на душе стало теплее, но он не завернул в спальню и не лег, прижавшись к моей спине. Скрипнула дверь в гостиную, взвизгнули диванные пружины – он устроился там.

Но он не спал. Диван скрипел и стонал под его весом. Я же гадала, придет он ко мне или нет. И пыталась понять, хочу ли этого.

С момента, когда мы обнаружили, что кто-то проник в квартиру, тревога только нарастала. Но вызывать полицию я не стала. Несмотря на устроенный в доме кавардак – разбросанные повсюду бумаги, счета, альбомы для рисования, – ничего не пропало. И мне претила мысль, что

придется кому-то что-то объяснять, тем более что в собственной моей голове царил полнейший хаос. Сэм молчал, помогая мне навести порядок и собрать сорванные со стен на кухне фотографии Калли. Но я заметила, каким изумленным стало его лицо, когда он разглядывал обрывки моей схемы. И покачивал головой, читая мои отрывочные соображения. Интересно, продолжил бы он думать, что все это только плод моего воображения, если бы я не ворвалась первой на кухню и не загородила от него холодильник, чтобы он не увидел то, что увидела я? Магнитные буквы переставили, и они образовали два слова: «НЕ КОПАЙ».

Глава 43

– Пустяки. – Я потянулась к лицу, осторожно коснувшись пальцами припухлости под глазом. – Упала с лестницы дома.

Утро казалось бесконечным: то и дело приходилось отвечать на участливые вопросы и терпеть сочувственные улыбки. Но не могла же я сказать правду. Ни за что! Я была с тобой честна. Слишком честна. И вот что из этого вышло.

Как же мне хотелось остаться одной! Я не сводила глаз со стрелок часов. Время шло: секунды превращались в минуты, минуты в часы, и, наконец, подошел обеденный перерыв.

– Перекушу в городе, – объявила я и направилась к двери. Мне не хватало свежего воздуха. Не хватало пространства, чтобы подумать в одиночестве.

В лицо ударил ледяной ветер и, сопротивляясь его порывам, я опустила голову, когда шла через автомобильную стоянку. Подумала: если сяду где-нибудь в парке, меня продует насквозь. Мелькнула мысль заскочить к родителям, но я обещала тебе, что не покажусь им. Не покажусь без тебя.

Погруженная в свои мысли, я едва замечала тусклый асфальт, по которому торопливо шла. И вдруг передо мной возникли ботинки. Блестящие черные броуги. Я подняла голову: ты сидел на парапете. Чемоданчик стоял у твоих ног.

– Не возражаешь, если мы пообедаем вместе? – предложил ты, и мое сердце оборвалось.

Глава 44

Я резко открыла глаза. Кто-то держал меня за ступню. Я попыталась взбрыкнуть и освободиться, но тело моментально стало скользким от пота, и я не могла пошевелить ногами. Сердце подскочило к горлу, и я не сразу сообразила, что всего лишь запуталась в простыне. Потянулась вперед, освободила ноги и, сев в постели, медленно, глубоко дышала, пока пульс не пришел в норму. Все в порядке, мне ничто не угрожает. Но тут я услышала из гостиной возню и испытала новый приступ страха, пока не вспомнила, что у меня заночевал Сэм.

За стеной опять скрипнуло – Сэм ворочался на диване. Я просунула руку между прутьями спинки кровати и прижала ладонь к разделявшей нас прохладной штукатурке.

– Доброе утро! – Сэм явился на кухню босиком, волосы у него на голове торчали во все стороны под самыми немислимыми углами. Он взял чайник, покачал его из стороны в сторону и только после этого поднес к раковине и открыл кран.

Я сидела за столом, склонившись над новой схемой с кружкой уже остывшего кофе. Я давно не спала, просеивая в голове всевозможные подозрения, слишком напуганная, чтобы вернуться в постель. Кто выстроил из букв угрозу на холодильнике? Не придут ли снова эти люди? Кофеин будоражил кровь, и я нервно ерзала на стуле.

– Плохо выглядишь. – Сэм подвинул стул, и от скрипа ножек по полу я на мгновение зажмурилась. – Послушай, Джен, нам надо поговорить. Серьезно.

Вся сжавшись внутри, я поднялась на ноги. На его лице мелькнула тень – то ли обиды, то ли раздражения.

– Сейчас не время, Сэм. – Я не знала, о чем он хочет поговорить: о погроме в моей квартире или о ребенке. – Мне нужно собираться в больницу.

– Боишься биопсии? – От его сочувственного взгляда меня обдало жаром.

– Обойдется, – небрежно ответила я. Однако, встав под колючие струйки душа, я включила воду сильнее, чтобы Сэм не услышал, как я плачу.

Я не могу припомнить, чтобы когда-то чувствовала себя такой уставшей. В голове гудело. Наверное, не стоило ходить на работу, но отец заедет за мной, чтобы везти в больницу, только в половине двенадцатого. После того как Сэм ушел, квартира показалась мне темной и пустой. Я вздрагивала при каждом звуке и не хотела оставаться дома одна. И вот теперь я изо всех сил стараюсь улыбаться клиентам, успокаиваю и говорю, что их любимцы обязательно поправятся, даже если не всегда сама в это верю. Бывает, что лечение не помогает.

Открылась входная дверь, и порыв ветра разворошил документы на столе в приемной. Чтобы бумаги не унесло, я накрыла их ладонью. Водитель фургона доставки, подперев створку, чтобы она не закрывалась, стал переносить из кузова машины коричневые картонные коробки и складывать их в углу комнаты ожидания.

– Это последняя. – Он подсунул мне под нос планшет с накладной, и я поставила на ней закорючку.

– Боже мой! – забеспокоилась Линда. – Что в них такое?

– Все согласно заказу. – Но я никогда не видела, чтобы раньше лекарства поступали в таком количестве.

Коробки, казалось, набили свинцом. Я еле переставляла ноги, когда мы перетаскивали их в кладовую. Линда разрешила на одной из них ножницами упаковочную ленту, и мы, опустившись на колени, принялись разворачивать содержимое.

– Дженна, здесь втрое больше, чем нам необходимо, – сухо заметила Линда. – Я все больше убеждаюсь, что тебе нужно взять отпуск. Меня беспокоит...

– Я нормально себя чувствую. Вероятно, ошиблись на складе. Уверена, что отправила по электронной почте заказ, повторяющий наименования и количество лекарств предыдущей недели. – Я нахмурилась, пытаюсь восстановить в памяти детали, но в мозгу было слишком много черных дыр. Говоря откровенно, я вообще не помнила, как отправляла заказ. – Сейчас принесу накладную.

В приемной звонил телефон, тявкала собака, из кошачьей переноски капала моча, стоял сильный неприятный запах. Я не знала, за что схватиться. Все валилось из рук.

– Дженна! – Страдальческий голос миссис Бейнбридж вернул меня к действительности. Она перешагнула порог, по ее серым от тревоги щекам текли слезы.

Каспер лежал у нее на руках. От вида джек-рассел-терьера я содрогнулась. Он не шевелился, был слишком неподвижен. Несмотря на

растущий страх, я заставила себя взять у клиентки собаку. Но, как только взглянула на открытую пасть, вывалившийся красный язык и острые, как иглы, зубы, пес начал расплываться в моих глазах.

– Что случилось?

Голос Линды вывел меня из ступора, и я с благодарностью отдала ей Каспера. Песик был хоть и маленьким, но тяжким грузом оттягивал мне руки.

– Вот таким я нашла его утром в корзине. Вся кухня запачкана, залита жидким калом. Он умрет?

– Сделаем все возможное.

Я пошла за Линдой в смотровую.

– Займешься им? Мне надо закончить с кроликом в соседнем кабинете.

– Хорошо. – Хоть мои нервы окончательно расшатались, я действовала, как на автопилоте. Ввела Касперу в вену на лапе катетер, подсоединила его к капельнице и, подвесив пакет с раствором, слегка надавила на стенки, чтобы жидкость побежала по трубке. Затем позвала миссис Бейнбридж.

Когда хозяйка увидела питомца, ее губы задрожали.

– Что с ним?

– Трудно сказать, пока не сделаем несколько анализов. Его состояние тяжелое, но сейчас стабильное. Как только вы подпишете согласие, мы возьмем у него кровь.

Рука у миссис Бейнбридж тряслась, и я решила, что в случае чего ее подпись вряд ли признают разборчивой. Я проводила ее в приемную.

– Это займет некоторое время. Вам лучше подождать дома.

– Я хочу остаться.

Час спустя мы все еще ждали результатов анализов. За это время я сделала ей три чашки чая с молоком, и она выпила их, пока я, успокаивая, держала ее за руку и поглаживала большим пальцем усыпанную старческими пятнами кожу.

– Теперь уже недолго. – Мне скоро самой предстояло идти на осмотр, и я тревожилась, боясь ее оставлять.

– Можно на него взглянуть?

– Сейчас узнаю. – Я похлопала миссис Бейнбридж по руке.

Каспер лежал на боку в своем закутке. Вытянутые ноги одеревенели, незрячие глаза остекленели.

– Комплект первой помощи! – крикнула я, хотя по виду песика было ясно, что помощь ему уже не нужна.

За моей спиной раздались шаги. Я обернулась – там стояли Линда,

Элли и Рейчел и молча смотрели на меня.

– Он... – Я показала на собаку. – Бедная миссис Бейнбридж. Бедный Каспер. – Мне почудилось, что бусинки собачьих глаз смотрят на меня, и я накрыла неподвижное тельце простыней. Разгибаясь, заметила, что Элли вынимает что-то из-за раковины.

– Дженна!

– Что?

– Я нашла вот это. – Она разжала руку, на ее ладони лежали две пустые ампулы из-под инсулина. От ее неприязненного, ледяного взгляда повеяло холодом. – Ты ведь сегодня первая пользовалась этим кабинетом? Ты добавила это Касперу в капельницу? Твоя работа?

– Разумеется, нет! – Я с трудом проглотила застрявший в горле ком. Почему они так смотрят на меня?

– Ни для кого не секрет, что ты его боялась, – продолжала Элли.

– Но я бы так не поступила. – Я показала на трупик рукой.

Я ждала, что Линда и Рейчел меня поддержат, но они молчали.

– Возьмем у него еще кровь на анализ, – нахмурилась Линда.

– Я тут ни при чем. – Мысль, что меня подозревают в способности совершить такую глупейшую ошибку, оглушила меня. Хотя как можно было ошибиться? Инсулина и близко не было рядом с капельницей. Кто-то сделал это специально. Пусть я вымоталась и голова у меня идет кругом, но даже в таком состоянии я бы так не напортачила. С тех пор как я вернулась на работу, в клинике произошел не один инцидент: сначала лекарства забыли заказать, затем заказали слишком много, и вот теперь передозировка. Во мне закипела злость, но вспышка ярости все расставила по своим местам.

– Это ты! – Я ткнула Элли пальцем в грудь, и та отпрянула. – Хочешь выставить меня ненормальной, чтобы меня прогнали и ты бы заняла мое место? Стерва! – Новый толчок, Элли ударила головой о стену, и я заметила, как от боли и испуга округлились ее глаза. Я хотела толкнуть ее еще, но Рейчел схватила меня за руку, и ее пальцы впились мне в запястье.

– Прекрати, Дженна! Элли ничего подобного бы не сделала.

Я стряхнула ее руку и повернулась к ней:

– Тогда ты! Ты сидела в воскресенье за компьютером, когда я пришла. Напутала с заказами, а на меня валишь. – Я понимала, что потеряла над собой контроль, но не могла успокоиться и остановиться. – Всем известно, что ты на мели. Отец пьяница, брату надо помогать. Если меня турнут, получишь повышение и прибавку к зарплате. Или раскатала губу на Сэма? Он рассказал мне о ваших разговорах за моей спиной. – Меня понесло, с

языка срывались такие едкие слова, словно внутри у меня бурлила кислота.

– Спасибо, подруга. А ведь это я прикрывала все твои ляпы.

Я собиралась ответить, но тут заговорила Линда – спокойно и тихо:

– Будет самым разумным, Дженна, если ты сейчас же пойдешь домой.

– Но вы же, Линда, не подумали, что это моих рук дело? Вы меня знаете много лет.

– Я не знаю, что думать. У меня в клинике полно посетителей, мне надо объясняться с хозяйкой погибшей собаки, а мои сестры кричат друг на друга. Поговорим, когда вы все успокоитесь и мы получим результаты анализа крови Каспера. А пока, Дженна, за твой наскок на Элли я требую, чтобы ты ушла.

– О смерти Каспера миссис Бейнбридж лучше рассказать мне. – Я понимала, как будет расстроена пожилая женщина.

– Нет. Ты уйдешь немедленно через заднюю дверь, – приказала Линда.

– Отлично! – Я распахнула створку с такой силой, что она ударилась о стену, схватила сумку и бросилась к пожарному выходу.

Сначала мои шаги были стремительными, но волны адреналина утихали, и походка замедлялась. Я уволена? На этот раз страх накатил быстрее и крепче взял за горло. Потеряла Рейчел? Ничто не разъедает сильнее, чем подозрение. Оно выворачивало меня наизнанку. Рейчел бы так не поступила. Но недоверие подтачивало изнутри. Ведь она ничего не отрицала. Меня вдруг поразила мысль, от которой я споткнулась на месте: *а если виновата все-таки я?* В последнее время из моей памяти так много выпадало! Я прижала ладони ко лбу и, запустив пальцы в волосы, старалась припомнить, что произошло в последний час. Но с момента, когда в клинике появился Каспер, все представлялось смутным, будто случилось давным-давно. Я не сомневалась, что вливала Касперу только солевой раствор, но на сто процентов не поручилась бы. Я больше никому не верила. Даже самой себе.

Глава 45

В половине двенадцатого я встала на углу, где меня не было видно из клиники, и туда ко мне подъехал отец. Я думала, мать будет ждать нас в больнице, но она помахала мне с заднего сиденья. Меня тронуло, что родители, забыв о своих разногласиях, решили вместе меня поддержать. Я забралась на заднее сиденье и закуталась в старый красный плед, который отец держал в машине «на всякий случай», отчего мне сразу стало уютно и я почувствовала себя маленькой. Все было как в детстве: папа с хрустом грыз лимонный шербет, а мама твердила, что он поехал не той дорогой.

В больницу мы вошли плечом к плечу, и от сознания, что на этих двух людей я могу положиться, у меня потеплело на душе. В приемной было жарко и тихо, только где-то в коридоре постукивали колеса каталки. Мы втерли в ладони бактерицидный гель, и я поморщилась оттого, что стало жечь порезы от бумаги. Устроившись на твердом оранжевом стуле, я повернулась к родителям.

– Так вы?..

Они переглянулись, и мне на миг показалось, что я их не так поняла. Но отец взял мать за руку и сказал:

– Да. После случая с Гарри мы все хорошо обсудили и решили дать себе второй шанс.

– Замечательно! – искренне обрадовалась я.

– Записались к специалисту вроде твоей Ванессы, чтобы посоветоваться.

– Ты собираешься рассказывать о своих чувствах незнакомому человеку? – Отец стеснялся обращаться к незнакомцам, даже если требовалось просто узнать дорогу.

– Почему бы и нет?

Я расплакалась. Горячо, шумно.

– Дженна, дорогая, я думала, ты обрадуешься. – Мать достала из сумки платок.

– Я и радуюсь. – Я шмыгнула носом. – Приятно услышать что-то хорошее. А то в последнее время все так тяжело, так ужасно. Мне кажется... я потеряла работу.

– Почему? – Голос матери посуровел.

– Наделала очень много ошибок. Напутала с заказом лекарств. Клиенты жаловались, что я с ними грубо разговаривала. Дала животному

не то, что нужно. Хотя сама ничего такого не помню. От того, чем меня пичкают после операции, голова у меня идет кругом. Я не могу сосредоточиться. А сегодня утром... – я вытерла глаза, – умер Каспер. Элли нашла рядом с капельницей две пустые ампулы из-под инсулина и заявила, что я его нарочно убила.

– О, Дженна! – Отец сжал мне руку. – Сочувствую.

– А я обвинила в этом Элли. Решила, что она копает под меня, хочет занять мое место. А когда та стала все отрицать... обвинила Рейчел. Будто бы она вознамерилась добиться моего увольнения, чтобы получить повышение и прибавку к зарплате. Наговорила кучу ужасных вещей о ее родных. Кто знает, может, я сама перепутала инсулин с соляным раствором? Я так чертовски устала, что сама не знаю, что делаю.

– Ни на мгновение не поверю, что это сделала ты. – Отец протянул мне чистый платок.

– Папа, ты не понимаешь: я все постоянно забываю. На днях забыла зайти к тебе за книгами для Линды, не позвонила маме, как обещала. Все путаю. Бедный Каспер! – Я шмыгнула носом. Родители переглянулись. – Даже вы считаете, что я ни на что не гожусь. – Слезы снова покатались из моих глаз.

– Ради бога, скажи ей, Кен, – попросила мать.

– Что я должен сказать?

Отец встал и принялся расхаживать по коридору.

– Если не скажешь ты, это сделаю я, – заявила мама.

– Дженна! – Отец встал передо мной на колени и взял за руки, словно собирался сообщить нечто ужасное. – Когда ты заболела... – он запнулся и отвернулся, подбирая слова, – ...всем было очень тяжело. Я чувствовал себя совершенно беспомощным оттого, что не мог тебе помочь, и мне требовалось с кем-нибудь посоветоваться. Линда всегда была мне добрым другом, но однажды вечером я совершил огромную, огромную ошибку. – Отец прикусил губу. – Скажем так: мы с Линдой зашли в нашей дружбе слишком далеко.

Сначала я не поняла, что он хотел сказать, и посмотрела на маму, но та, чтобы не встречаться со мной взглядом, отвернулась. И в этот момент я все поняла.

– Ты с ней переспал! – Я выдернула у него руки. – А как же мама? Как же Джон? Он ведь твой друг! – Это объясняло, почему отец так внезапно перестал играть с Джоном в гольф.

– Я отнюдь не горжусь тем, что совершил. Тем, что обидел человека. У меня словно помутился рассудок. Но поверь... все не так просто, как

кажется на первый взгляд. Линда этого больше хотела. Многие годы чувствовала себя с Джоном несчастной. Я сказал, что мы с ней сглупили, что между нами ничего нет. Ей мои слова не понравились, однако пришлось смириться. Но она решила, что в таком случае надо оборвать все концы. И мы больше не можем быть друзьями. Она не желала, чтобы и ты была рядом.

– Поэтому вы с мамой не хотели, чтобы я возвращалась в клинику? А не потому, что я могла чем-нибудь заразиться от животных?

– Это нас тоже беспокоило, – вставила мать. – Но...

– Вот и Линда постоянно твердила, что отнесется с пониманием, если я откажусь у нее работать.

– Разумеется, она не могла просто так тебя уволить. Как бы она объяснила это Джону? Да и не хотела, чтобы ее посчитали бессердечной. Уволить сотрудника после такой тяжелой операции! Думаю, она проделывала все свои штуки из злости. Надеюсь, что ты уйдешь сама или дашь повод от тебя избавиться.

– И после всего этого вы позволили мне работать под ее началом? – Я сверкнула на мать глазами, и она смущенно заерзала на стуле. – Почему не рассказали? – Я не могла поверить в то, что услышала. Почему родители не отговорили меня? Но потом вспомнила, что они отговаривали – мягко намекали, что есть много других мест, где я могла бы работать.

Мать судорожно вздохнула:

– Сложилась очень непростая ситуация. Твой отец и Линда, пусть ненадолго, но сошлись. Сглупили. Ты к тому времени так многого лишилась: ребенка, Сэма, здоровья. Осталось одно – работа. Я не хотела брать на себя ответственность и отнимать у тебя последнее.

– Вы мне лгали.

Подошла медсестра, и я встала. Как бы ни пугали меня предстоящие процедуры, я с облегчением пошла за ней по петляющим коридорам. И ни разу не обернулась, чтобы посмотреть на родителей.

Меня переодели в больничный халат. И поскольку одна из завязок на спине потерялась, я, шаркающей походкой переходя с места на место, придерживала полы рукой, иначе выставила бы на всеобщее обозрение свой зад, и теперь радовалась тому, что сегодня надела самые большие свои трусы.

Доктор Капур был особенно приветлив – он всегда здоровался со мной так, словно я его любимая пациентка. И хотя я знала, что за этим последует, меня трогало его отношение, и я тоже обрадовалась, увидев его, словно он

был моим старым другом. Доктор Капур играл важную роль в моей жизни.

Я забралась на узкую тележку и вжалась в нее. Сестра поставила ногу на педаль гидравлического привода и начала качать. Я поднималась все выше и выше, и с каждым новым толчком вверх мои мышцы все сильнее напрягались – я старалась не свалиться на пол и молча боролась с нарастающим страхом. А доктор Капур заполнял тишину рассказами о своих недавно пошедших в школу дочерях-близняшках.

Когда я в первый раз пришла на биопсию, то решила, что надо мной шутят, говоря, что у меня возьмут на анализ кусочек сердца. Я рассмеялась словам доктора Капура, что процедуру сделают под местным, а не под общим наркозом. Но оказалось, что он не шутил, а говорил совершенно серьезно. Я лежала на жесткой каталке и, глядя на сияющие с идеально белого потолка яркие светильники, пыталась расслабиться. Поверила доктору, что вряд ли что-нибудь почувствую. Катетер ввели через вену на шее, но когда щипцы приблизились к сердцу и отщипнули кусочек живой плоти, я ощутила не обещанное легкое тянущее чувство, а жесткий рывок. Я лишилась частицы сердца. Слезы брызнули из моих глаз, и мне показалось, что я проваливаюсь в кроличью нору.

В этот раз мне делали еще и ангиограмму. Я крепко зажмурилась и, пока мне брили пах, представляла, что переносюсь в какое-нибудь иное место. Затем в нежную кожу вонзилось острое иглы, и я дернулась. Внешние звуки – бормотание радио и ирландский выговор медсестры – стали растворяться. Я глубоко дышала, стараясь не волноваться. И хотя наполовину понимала, что происходит вокруг, взмыла ввысь и поплыла по волнам памяти, которая тут же повергла меня в ужас.

Глава 46

Бившие из душа струи воды заглушали мой голос, когда, прижавшись к холодным голубым плиткам в ванной и зажав ухо, я пыталась расслышать слова в трубке. И сама говорила сначала тихо, но потом все громче и громче.

Задергалась дверная ручка, и я, подскочив, прижала телефон к груди и замерла.

Бум-бум-бум. Дверная створка колотилась в раме, и мой пульс стал зашкаливать.

– С кем ты там болтаешь? – Твой голос был мрачным и злым.

– Ни... ни с кем. – Я прервала вызов и повернула регулятор душа.

– Я слышал, болтала.

– Думаешь, ко мне сюда кто-то пробрался? – огрызнулась я. – Мой мобильный ты забрал, так что позвонить я тоже никому не могу. – Сердце у меня так сильно стучало, что я боялась, как бы ты не услышал. Надеюсь, что не вспомнишь про аппарат с предоплаченным тарифом, который купила пару лет назад, когда отдала свой айфон в ремонт. Если ты отнимешь и его, не знаю, что буду делать.

Ручка снова задергалась, на этот раз сильнее. Чтобы сохранить равновесие, я оперлась ладонью о стену.

– Открой!

– Я вытираюсь.

– Я требую!

– Одну секунду... пожалуйста...

Я стояла сухая и одетая. Быстро сорвала с себя одежду и обмоталась полотенцем. Покашляла, чтобы он не услышал скрип зеркальной дверцы шкафчика, вынула из коробки несколько тампонов и спрятала телефон на ее дне. Тампоны навалила сверху и потрясла, чтобы не осталось ни единой щели, в которую была бы видна черная пластмасса аппарата. Вернув коробку в шкафчик, поставила на крышку электропилятор и закрыла дверцу.

Затем наклонилась, провела руками по дну ванны и брызнула водой на плечи.

– Немедленно выходи! – Твой голос готов был сорваться. Ты на пределе.

Я сделала глубокий вдох и отперла дверь.

Глава 47

Позже, когда я в однодневном стационаре макала имбирное печенье в некрепкий чай и сахар проник в организм, дрожь стала стихать. Я потянулась за сумочкой и достала из нее мобильник. Я все еще злилась на родителей, но сочла нужным сообщить матери, что процедуры прошли нормально. Она волновалась. Оказалось, что я пропустила звонок от Линды. Увидев ее имя, я почувствовала, как во мне растет напряжение. Линда оставила голосовое сообщение. Я открыла аппарат и уже собиралась его стереть, но любопытство взяло верх, и я нажала кнопку прослушивания:

Дженна, это я, Линда. Ко мне заходил твой отец и сказал, что ты знаешь про... ну, в общем, знаешь... Поверь, я не хотела... Ладно, хватит об этом. С Каспером – это не ты. И не я. Пес был старым и умер до того, как я его нашла. Пошлю тебе копию заключения, если захочешь, прочитаешь. Ампулы – чистейшая глупость. А все остальное... Знаешь, ты нам с Джоном всегда очень нравилась. Он нездоров. Ты в курсе? Проходит обследование, его нельзя волновать. Позвони мне, пожалуйста. Надеюсь, мы во всем разберемся. Если бы у меня была возможность...

На этом сообщение Линды закончилось, и механический голос предложил несколько вариантов дальнейших действий. Я выбрала «прослушать снова» и повторяла это снова и снова, пока имбирь в моем желудке кружил в водовороте вместе с печалью. Линда и Джон так долго были частью моего мира, и мне стало грустно, что мой мир стал немного меньше.

Я грезила в полудреме, когда в палату вошел доктор Капур и раздвинул шторы на кровати.

– Как себя чувствуете, Дженна? – спросил он, повысив голос, будто тонкий материал обладал способностью задерживать звук.

– Отлично, – типично по-британски ответила я, словно он только что не оттяпал у меня кусочек сердца для исследования.

– Ничего не хотите мне сказать? – Перед тем как задать вопрос, доктор

Капур сверился с листом на планшете.

Я покачала головой, он сделал пометку, щелкнул кнопкой, убирая стержень ручки, а ручку положил в карман.

– Я снижу вам дозу лекарств, но прошу прийти на осмотр через пару недель.

– Через пару недель? – Я инстинктивно прижала ладонь к груди, испугавшись самого худшего. – Что-нибудь не так?

– Физически все выглядит хорошо. Даже более чем хорошо. – Он ободряюще улыбнулся. – Однако побочные эффекты несколько... велики. Я хочу убедиться, что сокращение доз все приведет в норму.

– Побочные эффекты? – переспросила я. Их у меня столько, что захотелось узнать, говорит ли он о каком-нибудь конкретном.

– Ваша паранойя.

– Откуда вам известно? – Я не помнила, чтобы я признавалась ему в чем-то подобном.

– Ванесса сказала...

– Ванесса? – Теперь я повысила голос, заговорив громче, чем следовало: – Она мой врач и не имеет права распространяться ни о чем подобном...

– Ванесса работает в тесной связке с нами. Это мы направили вас к ней. И если у нее возникает беспокойство по поводу кого-то из наших пациентов, у нее есть полное право...

– А как насчет моих прав? То, что произошло, можно назвать злоупотреблением доверием. Я была с ней откровенна.

– Можете и впредь ей доверять. Уверяю вас, она не станет обсуждать...

Но его голос заглушил другой, прошептавший у меня в голове: *Не доверяй никому.*

Я испытала почти разочарование оттого, что меня отпустили домой. Получив от медсестры инструкции по режиму, методику наблюдения за побочными эффектами и список телефонов, куда следует звонить в чрезвычайных обстоятельствах, я чуть не попросила у нее разрешения остаться. Меня не радовала перспектива возвращения домой или встречи с родителями, особенно с отцом. Медсестра поинтересовалась, кто меня заберет. Я ответила, что родители, которые где-то здесь, скорее всего в кафетерии. Она предложила их позвать, но я ответила, что справлюсь сама.

Я еще потянула время, неторопливо одеваясь. Но, понимая, что исход неизбежен, взяла телефон. Мне пришла эсэмэска с неизвестного номера, и, когда я открыла текст, у меня все похолодело внутри:

«Надеюсь, ты вчера получила на холодильнике предупреждение.
Очень бы не хотелось, чтобы ТЫ попала в аварию».

Глава 48

– Глотай!

– Нет!

Ты просунул большой палец мне в рот и сильно надавил на нижнюю челюсть. Я попыталась, запрокинув голову, освободиться, но ты схватил меня за подбородок и не отпускал. Мои глаза наполнились слезами. Я попыталась оттолкнуть тебя обеими руками, но не хватило сил.

– Ну, давай! – приказал ты. – Сама же знаешь, потом полегчает.

Измученная, я прекратила борьбу. Ты ослабил хватку, и я рухнула на стул.

– Всего одну.

Ты навис надо мной, я попыталась покачать головой, но перед глазами все закружилось. Подступила тошнота. Нахлынул страх.

– За меня. – Твой тон стал мягче.

Я больше не могла сопротивляться и открыла рот. Ты положил мне на язык капсулу. Она была горькой на вкус.

Ты поднес мне к губам стакан с теплой водой, и я сделала глоток.

– Хорошая девочка. – Откинув волосы с моего лица, ты успокаивающе погладил меня по лбу.

Я закрыла глаза, ожидая, когда по телу разольется онемение и возникнет ощущение, что я плыву.

Когда ты снова заговорил, твой голос звучал приглушенно, словно издали. Кажется, ты сказал: «Я хочу лишь одного – чтобы тебе было лучше», – но я больше ни в чем не была уверена.

Сознание то покидало меня, то возвращалось. Руки и ноги отяжелели, я теряла координацию. Возникло ощущение движения. Ты нес меня, я пыталась освободиться, но тело будто налило свинцом.

– Т-с-с... – сказал ты и обнял меня так, что моя голова устроилась у тебя на плече.

– Пожалуйста... – попыталась выговорить я, но язык не шевелился, и я снова погрузилась в черноту. Какое облегчение больше ничего не чувствовать! Ни о чем не думать.

– Я не могу тебя отпустить, Калли, – шепнул ты.

Глава 49

Проснувшись на диване в неудобной позе, я почувствовала, что онемевшее тело все еще дрожит. С тех пор как я сдала пробу на биопсию, прошло два дня, но я еще ни разу не легла в постель. Как только засыпала, возвращалась памятью к Калли и страшилась того, что могла увидеть, закрыв глаза. Боялась провалиться в черноту своих снов. Боялась того, что не всегда могла вспомнить наяву, но от чего меня бросало в пот и хотелось кричать. Детали размывались, как и прежде, ускользая от сознания, но оставался плотный покров страха.

«Очень бы не хотелось, чтобы ТЫ попала в аварию», гласило пришедшее мне на телефон сообщение, и я понимала, что, если покажу его в полиции, от меня опять отмахнутся. Не было никакой возможности узнать, кто его прислал, и оно было так сформулировано, что не всякий принял бы его за угрозу. Но я понимала: мне угрожают. И, несмотря на бесконечные проверки, заперта ли входная дверь, наброшена ли на нее цепочка, несмотря на придвинутую к двери мебель, при малейшем звуке мое сердце уходило в пятки, и я не сомневалась, что рядом кто-то есть.

Я старалась не заснуть, выпивая одну чашку кофе за другой, расхаживала по квартире и не вылезала из «Гугла». С тех пор как на аэродроме Бертон был обнаружен труп, прошло десять дней. Почему полиция так и не установила личность жертвы?

Кто побывал у меня дома? В местных новостях ничего не говорилось о других подобных случаях. Я задавала себе вопрос, не связано ли проникновение в мою квартиру со взломом у Аманды и Тома. Я вернулась ко дню похорон Калли и изучила архивы того времени. Мне потребовались часы чтения, прежде чем я обнаружила то, что искала. Всего один короткий абзац, сообщающий о взломе и аресте преступников.

Полиция задержала двоих мужчин в связи с квартирной кражей на Честер-роуд. Все похищенное возвращено хозяевам, кроме взятой из сейфа наличности и изображенного на фотографии необычного ожерелья. Полиция просит, если кому-нибудь что-то известно об этой вещи, сообщить по указанному ниже телефону. Считается, что преступная парочка совершила целую серию взломов в то время, когда хозяева домов уходили на похороны.

Здесь же помещалась фотография ожерелья Аманды с рубинами и бриллиантами в виде звезды. Ни одного из преступников не звали Нейл или Оуэн, и, как я понимала, кража в доме Тома не была связана с Калли. А как в моем случае? У меня из головы не выходило послание на холодильнике: «НЕ КОПАЙ». Господи, как же я боюсь!

Когда забрезжил рассвет, я рухнула на диван и бездумно смотрела в мерцающий в углу экран телевизора, приглушив звук, чтобы услышать, если кто-нибудь снова попытается ко мне проникнуть. Я прислушивалась. Я все время прислушивалась.

Сто восемьдесят четыре дня назад в мое тело пересадили сердце Калли. Теперь мне иногда кажется, что я ненавижу девушку, которая подарила мне жизнь. Не понимаю, чего она хочет. Что пытается до меня донести. Я перестала отличать реальное от нереального, и мне не с кем обсудить мои проблемы. Я никому не могу доверять.

За окном солнце позолотило небо, но даже с приближением дня я продолжала ощущать на себе чужой взгляд. Чувствовала, что за мной следят. Выжидают. Я снова бродила по квартире: заглядывала в шкаф, за двери, под кровать, но нигде никого не было. Везде было пусто.

Глотая лекарство, я почувствовала отек в горле. Из носа текло, лоб горел. «Я умираю», – мелькнула непрощенная мысль, но я тут же ее прогнала. С чего это вдруг? А что, если все-таки умираю? Что, если тело стало отторгать сердце Калли и я не сумею узнать для Тома и Аманды, что произошло в тот роковой вечер? Я уронила на руки тяжелую голову. Несмотря на полученные предупреждения, нужно продолжать попытки, но я не представляла, в каком направлении двигаться.

В который раз я принялась изучать схему на холодильнике. Но тут на небе показалось солнце и зайчиком сверкнуло на серебристой ручке холодильника. Ослепительный блеск пробудил память – на этот раз мою, – и я вспомнила свое первое появление в доме Натана. Как вытаскивала из сарайчика подушки, как перевернула цветочный горшок, как сверкнуло что-то серебристое, как я бросилась наутек от паука. Ключ от дома.

Я вошла в прихожую Натана и, заперев за собой дверь, опустила ключ в карман. Перед тем как уйти, я верну его в сарайчик. В доме было тихо. Спокойно. Но тишина казалась гнетущей, а не ободряющей, хотя я знала: здесь никого нет, Натан на работе. Чуть приоткрыв дверь в гостиную, я проскользнула внутрь и на цыпочках подошла к окну. Бросила сумку, слегка раздернула шторы и выглянула на улицу. Я отдавала себе отчет, что могу нажать кучу неприятностей, но, несмотря на витающее надо мной

ощущение тревоги, не заметила, чтобы соседи хватались за мобильники и указывали пальцами на дом. Видимо, я проникла сюда незамеченной.

Нескольких минут мне хватило, чтобы успокоиться и идти дальше. Я не знала, что надеялась найти, но вместе со страхом ощущала какое-то возбуждение – сердце билось легко и быстро. В прежние свои визиты я не поднималась наверх – все, что произошло в тот вечер с Натаном, свершилось на диване внизу. Вспомнив наши забавы, прикосновения его рук, я подавила подступившее к горлу раздражение.

На лестничную площадку выходили три белые гладкие двери. Я толкнула первую, и створка медленно распахнулась. За ней оказалась ванная, и здесь слабо пахло отбеливателем. Я обвела взглядом помещение, отметив в углу плетеную корзину для грязного белья и голубые плитки на стенах. Все как в моем сне. Если раньше во мне еще сохранялась тень сомнения, то теперь я так же определенно, как свое имя, знала, что мои видения – не что иное, как память Калли. Я открыла зеркальную дверцу шкафчика, но ни коробки с тампонами, ни электропилятора там не оказалось – только одинокая бритва Натана и крем после бритья.

Следующей комнатой была спальня с высоким дубовым гардеробом, откуда Калли в моем сне доставала сумку. Следовательно, она в самом деле собиралась уйти от Натана. Я тяжело опустилась на край аккуратно застеленной кровати – лоскутное покрывало лежало ровно и прямо – и задумалась об эсэмэсках, которые Калли посылала неизвестному абоненту. Очень может быть, что она завела любовника, а Натан об этом узнал и избил ее. В первый раз или такое случалось и раньше? Натан не похож на вспыльчивого человека. Том назвал его «внимательным». Но насколько широка черта между «внимательным» и «властным»? Не исключено, что Натан ее переступил. Если бы он не снял деньги с их общего счета, может быть, Калли успела бы от него уйти и осталась жива. Эта мысль меня опечалила, хотя если бы Калли осталась жить на этом свете, я бы, скорее всего, его покинула. Может, она ехала на свидание с любовником, когда попала в аварию. Или взяла кредит, после чего рассчитывала нормально зажить.

Все это только догадки, но даже если подкрепить их фактами, я никогда не смогу сказать Аманде и Тому, что их дочь была несчастлива с Натаном. Чувство, что я так или иначе их подвожу, не давало мне покоя. Мысли путались, голову ломило. Я прижала ладонь ко лбу. Горячий. Надо спешить домой. Но, как бы паршиво я себя ни чувствовала, меня одолевало любопытство: с кем все-таки спала Калли? Если с Оуэном, был ли он приятелем Натана? Я осмотрела шкаф и комод, толком не зная, что искать.

Содержимое ящиков было отглажено и тщательно сложено – ничто не свалено комом.

В другой спальне все так же отличалось аккуратностью. Мебели немного: только односпальная кровать и ящик для белья. Я подняла крышку и наткнулась взглядом на россыпь мягких коричневых конвертов. Открыла один из них: в нем лежали поздравительные открытки на День святого Валентина и любовные записки. Мне стало очень грустно: Натан и Калли когда-то были счастливы. Другой конверт оказался настолько пухлым, что едва не рвался. Я заглянула в него и оторопела – в нем оказались связанные друг с другом пачки купюр. Когда я вытащила их, на дне конверта что-то блеснуло. Ожерелье с рубинами и бриллиантами в форме звезды. То самое, которое украли из дома Тома и Аманды во время похорон Калли. Как оно оказалось у Натана? Помнится, Том говорил, что Натан не пошел на похороны Калли, но не он же вломился в дом ее родителей? Следующий конверт почти ничего не весил, и я сначала решила, что он пустой. Но, запустив в него пальцы, вытянула три паспорта. На фотографиях сам Натан, Калли и Софи, которая, как считалось, находится в Испании. Но как она могла быть за границей, если ее паспорт здесь? Получается, Натан знал, что Софи в Англии. Почему он лгал? Почему Софи не общалась с родителями? Догадка ударила, как обухом по голове. Что, если труп на аэродроме принадлежит Софи? Не это ли пытается сообщить мне Калли? Предупредить, насколько опасен Натан?

У меня неприятно засосало под ложечкой. Я положила паспорта обратно в конверт, но он выскользнул из моих пальцев, когда до меня долетел пугающий звук – дребезжание садовых ворот. Я пошвыряла все с пола обратно в ящик и, затаив дыхание, ждала, что звякнет крышка почтового ящика и в щель засунут рекламную макулатуру. Но вместо этого в замке повернули ключ, и на лестнице повеяло сквозняком, когда открыли входную дверь. Натан вернулся домой. Я оглянулась – спрятаться негде. А потом внутри у меня все оборвалось. Я вспомнила, что оставила свою сумку в гостиной.

Глава 50

Паника разливалась по венам, пока я слушала, как Натан ходит вниз. Стукнул поставленный на пол кейс, с глухим звуком опустились на коврик ботинки. В мозгу у меня крутилось, как заклинание: *только бы он не зашел в гостиную*, но я тут же подумала, что будет гораздо хуже, если ему вздумается подняться наверх. Я словно окаменела, мышцы у меня одеревенели, я не смела пошевелиться и едва решалась дышать. Послышался скрип ступеней. Он все-таки направляется сюда. Я отчаянно пыталась вспомнить, все ли положила на место, но забыла, закрыла ли шкафчик в ванной. Ступая как можно тише, я подошла к окну и в отчаянии стала смотреть, нет ли другого выхода, хотя заранее знала, что нет. Шаги звучали все ближе и ближе. Пот градом катился по моей спине, майка прилипла к коже. Удивительно, что он не слышит ударов моего сердца! Несколько мгновений стояла полная тишина. Не было слышно ни малейшего движения. Почему он остановился? Прижавшись лбом к двери, я представила, как он стоит с другой стороны и тянется к ручке. Когда я сюда поднялась, двери были плотно закрыты, а теперь в них щели. Он, должно быть, уже догадался, что в доме посторонний. Что он скажет, если обнаружит здесь меня? Как поступит?

Атмосферу прорезал резкий сигнал мобильного телефона. Я машинально потянулась к карману, но в этот миг Натан ответил: «Слушаю!» – и сигнал прервался. Я с облегчением вздохнула – пронесло, вызов не мне – и перевела аппарат в беззвучный режим.

– Какого черта тебе надо? – зло спросил Натан. Я никогда не слышала, чтобы он говорил с такой яростью.

В горле у меня запершило, и я судорожно сглотнула. Только бы не закашляться.

– Я же тебе сказал, чтобы ты мне больше не звонил. – И через секунду: – Знаю. Видел. Это не моя проблема! – Пауза. – Где ты? Дьявольщина! – Натан больше не сдерживался.

У меня булькнуло в горле, я зажала рот рукой и присела на корточки. Ноги стали резиновыми и больше меня не держали.

– Ты затеял опасную игру. Ладно. Давай завтра вечером. – Пауза. – Около десяти часов, и покончим со всем. Ясно? Ты никогда, слышишь, никогда больше ко мне не подкатишь!

Раздался стук. Я съежилась. Но через несколько мгновений включили

душ, и по дну ванны забарабанила вода. Я не решалась сдвинуться с места, не сомневаясь, что Натан заметил приоткрытую дверцу шкафчика и набросится на меня, как только я попытаюсь скрыться. Секунды превращались в минуты, и я понимала: долго тянуть нельзя. Сняла туфли и, держа их в руке, приблизилась к двери и потянула ее на себя. Петли скрипнули. Я похолодела и, наморщив лоб, прислушалась. Но вода продолжала литься, и дверь в ванную оставалась закрытой. Лестница показалась бесконечной: я спускалась очень медленно и, замирая, оборачивалась на каждый звук.

Оказавшись на первом этаже, я схватила в гостиной сумку и попыталась открыть входную дверь. Она оказалась заперта. Я потянулась к заднему карману за ключом, но тут сообразила, что окружающая обстановка изменилась: шум воды прекратился, щелкнул запор двери ванной. Крепко сжав губы, чтобы не закричать от страха, я, подгоняя себя, возилась с замком. Пол надо мной поскрипывал. Замок наконец открылся, и в это время на лестничный ковер упала тень: Натан шел вниз. Я выскочила наружу, как можно тише затворила за собой дверь и бросилась бежать.

Ярость в голосе Натана, говорившего по телефону, преследовала меня. И на бегу я представляла, как он хватает меня за плечи и тащит обратно, ощущала на шее его горячее дыхание. Резануло в бок, я приложила к больному месту ладонь, замедлила бег и вскоре остановилась. Привалилась спиной к стене, уперлась руками в колени и скрючилась, ловя воздух ртом и не отрывая взгляда от той стороны, откуда прибежала. Из-за угла показалась фигура, и сердце у меня подкатило к горлу, но это оказался не Натан. Смахнув рукавом пот со лба, я стала думать, как поступить дальше. Я совершенно вымоталась. Меня мутило. И я понимала, что домой мне идти нельзя. Обычно после биопсии я несколько дней отдыхала, чтобы восстановить отнятые процедурой физические и духовные силы.

Кошелек я не взяла, наличных у меня в квартире не было, так что такси мне не вызвать. В других обстоятельствах я бы позвонила отцу, но теперь не знала, что ему сказать. Утром я не ответила на его звонок, перевела его на голосовую почту. И когда он снова стал бормотать извинения, в сердцах нажала большим пальцем на клавишу, стирая голос, который когда-то утешал меня и успокаивал.

Горло саднило, страх вцепился в меня острыми когтями, в голове, подобно акулам, закружили когда-то услышанные жуткие истории о подхвативших инфекцию больных с пересаженным сердцем, которые постоянно рассказывают в больнице. Жар становился сильнее, но я

убеждала себя, что это всего лишь лихорадка. И, чтобы не поддаться панике, вспомнила, чему учила меня Ванесса: распрямить спину, глубоко вдыхать, выдыхать, выпячивая живот. После нескольких вздохов мне стало спокойнее и не так жарко. Я закрыла глаза и попыталась представить себя в красивом саду, но вместо этого увидела нависающее надо мной злое лицо Натана. Неужели он что-то сделал с Софи? Неужели это ее тело нашли на аэродроме? Открыв глаза и собрав все силы, я пошла. Достала из кармана телефон и позвонила туда, куда звонить не хотела.

Мне казалось, что я сто лет сижу на этой жесткой кованой скамейке, и я почти убедила себя, что он не придет. Мимо со свистом проносились машины, из открытых окон низкими частотами бухала музыка. Его ни в одной не было. Из распахнутой настежь двери магазина за спиной удушающе несло запахом мыла и шампуней – смесью земляники и сандала, цитрусовых и лаванды. Глаза застилала пелена боли.

Наконец он появился. Прилив облегчения поднял меня на ноги, я ступила к краю тротуара и помахала рукой.

– Спасибо, что приехал, Сэм, – поблагодарила я и забралась на пассажирское сиденье.

Он жевал карамельку и как раз добрался до начинки, поэтому только кивнул. Я откинула голову на спинку в знак того, что устроилась, и мы тронулись с места и влились в поток машин. Урчание мотора и льющаяся из колонок музыка успокаивали своей привычностью. Сэм не сводил глаз с дороги.

– С тобой все в порядке?

– Чувствую слабость после биопсии. Вышла погулять и заблудилась. Не надо было забредать так далеко.

– Давай отвезу тебя домой.

Домой... Сэм имел в виду квартиру с ее пустыми комнатами и почти пустым холодильником. Я вжалась в сиденье его машины, в которой пахло мятой, и, слушая переборы гитары Эда Ширана – «Подари мне любовь», – почувствовала себя здесь дома больше, чем где-либо. В безопасности. И вдруг испытала укол боли из-за того, что Калли этого не хватало.

– Сэм, у тебя есть время сначала кое-куда съездить со мной?

Под колесами хрустнул гравий стоянки у паба в Вудхейвене. Казалось, прошла целая вечность с тех пор, как мы останавливались здесь по дороге с побережья. На неровной поверхности машину тряхнуло, и от лежащего у меня на коленях подсолнуха оторвался лепесток. Мы купили его, когда

остановились на заправке «Би-пи».

– Не понимаю, почему тебя сюда потянуло, – сказал Сэм. – Разве не пора обо всем забыть и жить дальше?

– Так-то оно так. – Я потеряла лепесток между пальцами, он казался бархатным на ощупь. – Но меня не покидает чувство, что мне следует что-то предпринять. Хотя, возможно, я ошибаюсь. И мне просто хочется по-человечески попрощаться с Калли. Это должно быть там. – Я прикрыла глаза от солнца и показала на дорогу. – Дальше будет перекресток, за ним дерево. А ты посиди здесь, выпей чего-нибудь. – Я потянулась к ручке дверцы.

– Я пойду с тобой, – возразил Сэм, и меня тронуло его предложение.

– Спасибо, – кивнула я, вылезая из машины. – Но я хочу побыть одна.

– Еще бы... – сердито буркнул он, и я взвилась.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Что ты снова меня отталкиваешь. Как и всех остальных.

– Не понимаю...

– Как ты поступила с Рейчел?

– Снова вели за моей спиной душевные разговорчики?

– Как ты могла обвинить ее в том, что она тебя подсиживает, Джен?

– Я ничего не соображала. Это было перед самой биопсией. Теперь я знаю, что это не она. Линда сказала...

– А до Линды ты не знала?

– Я виновата, – тихо согласилась я. – Прости.

– Не передо мной тебе надо извиняться.

– У меня такое чувство, что мне надо извиняться перед всеми. Только не знаю, как начать. Знаешь что, Сэм...

– Джен, я так больше не могу. Притворяться, что мы друзья. Слишком тяжело. – Он опустил взгляд и, ступая по гравию, смотрел на мыски своих ботинок. – Прости, Джен, пойду, пожалуй, в самом деле выпью пива. Дай знать, когда освободишься. Отвезу тебя в твою квартиру. – Он повернул к пабу.

Хотя сказано было много, именно от его последних слов, когда он назвал нашу общую квартиру моей, мне захотелось расплакаться.

* * *

Дерево оказалось дубом, большим и крепким. Его корни прятались в земле, укрытой сухой травой и ромашками. Я провела пальцами по

шероховатой коре, пытаюсь обнаружить нанесенные машиной Калли шрамы, но нашла единственную царапину. Как быстро природа искореняет признаки другой жизни! Впечатление такое, что Калли вообще никогда здесь не было.

Я крепко прижала обе ладони к дубу и закрыла глаза. И в этот миг земля ушла у меня из-под ног и я, потеряв равновесие, тяжело привалилась к стволу. Меня осенило. Но правда оказалась тяжелой и болезненной, как удар кирпичом по голове.

Глава 51

– Прекрати! Прекрати! Прекрати!

– Нет! – проревел ты. Хотя в последнее время мы несколько раз отчаянно ругались, таким злым я тебя еще ни разу не видела. Я обхватила пальцами холодную металлическую ручку. Вот бы сейчас выскочить из машины. Но ты ехал слишком быстро.

Щетки стеклоочистителей шумели и шумели, дождь барабанил по ветровому стеклу, фары едва освещали дорогу впереди.

– Поезжай медленнее, – попросила я почти шепотом. – Дорога очень опасная. Пожалуйста, снизь скорость.

Подобно грому, навстречу нам прогрохотал грузовик, и в свете его ярких белых прожекторов красные блестки на моем платье вспыхнули, словно капельки крови. От вибрации открылась дверца бардачка – она никогда не запиралась как следует, – я стала ее закрывать и увидела свой айфон. Тот, что ты у меня отобрал. Неудивительно, что я его не нашла, когда искала дома. Я покосилась на тебя – ты неотрывно следил за дорогой – и опустила аппарат в сумку. Свой старый, с предоплатой, я по глупости оставила на работе в шкафу и теперь обрадовалась, что снова была на связи.

Ты думал, что поступаешь правильно, делая вид, будто ничего не случилось. Но ведь случилось, и невозможно вернуться к тому, как было раньше. Я стала другой. Ты тоже, если честно признаешься. Разве могло быть иначе после того, что я сделала?

У тебя на щеке пульсировала жилка, и ты так крепко сжимал руль, что твои плечи почти касались ушей.левой рукой ты стянул с шеи галстук и, когда бросил его на пол, задел цветок в петлице. Лепестки опали, как слезы.

– Я думал, сегодня ночью ты сделаешь над собой усилие, – сказал ты. – Но что-то непохоже, чтобы наши отношения пришли в норму. Скажи честно, у нас есть шанс? – В твоём голосе столько страдания!

– Боюсь, нет. Я стараюсь, но ничего не могу с собой поделать. Стоит мне закрыть глаза, и я вижу... – Я вздохнула и коснулась все еще болезненного места на щеке. – Приходится лгать родителям, говорить, что ударилась о шкафчик. Какой избитый штамп! Обманываю всех подряд. Но больше не хочу и ухожу от тебя. Извини.

– В этом нет необходимости, – возразил ты. – Ты можешь сделать

выбор. Брось свою работу, уедем отсюда и начнем все сначала. Если ты согласишься оборвать все связи, мы можем начать с чистого листа.

– Натан! – Я натолкнулась на твой взбешенный взгляд. – Я не могу!

– Но когда-то мы были счастливы. И можем стать снова. Ты способна выбрать меня?

– Прости.

Ты повернулся, мы встретились взглядами, и на мгновение передо мной возникла картина: мы с тобой в старости.

Автомобильный сигнал, скрежет тормозов, скрип покрышек, и я обеими руками ухватила за дверную ручку.

– Натан! – крикнула я.

Глава 52

Реальность рушится на меня, я вновь воспринимаю окружающее и моргаю на яркий свет. Машину вел Натан. Мой гнев пылает сильнее, чем солнце на небе. Передо мной с кристальной ясностью возникает картина происшествия. Надетое на свадьбу красное блестящее платье Калли, лимонно-желтый галстук Натана.

Машиной управлял этот сукин сын! Он и разбил автомобиль. Я словно наяву увидела злость на его лице. И страх на лице Калли, когда она выкрикнула его имя. Это он отстегнул ее ремень безопасности? Сознательно расправился с ней? Сбежал, оставив ее умирать в кювете? Жалкий трус!

Я повернула обратно к пабу. Сэм сидел в машине и вертел в руках телефон. Он не сказал ни слова, когда я забралась в салон и застегнула пряжку ремня безопасности. Повернул ключ в замке зажигания, и мы в облаке пыли умчались со стоянки. Эд Ширан и Тейлор Свифт сообщили нам, что все теперь не так, как раньше, и Сэм выключил радио. Но я не нарушила тишины. Ядовитые мысли разъедали меня, уничтожая чувство благодарности, пока не осталась одна холодная, неодолимая ненависть ко всем, кто мне лгал. Ко всем, кто меня спас. Кто принудил жить вот такой полужизнью. Не совсем моей. И не совсем Калли. Я поняла, что она пыталась мне сообщить: ее убил Натан, и она не успокоится, пока он не ответит за свое преступление.

Клянусь богом, я заставлю его за все заплатить!

Глава 53

Я думала, что ночью вообще не засну, но все же урывками вздремнула на диване, а когда проснулась, по-прежнему кипела злостью к Натану. Я вспомнила свой прежний сон о нем и Калли, и это натолкнуло меня на одну мысль. Ни свет ни заря я открыла дверь ветеринарной клиники и заперла ее за собой. Следовало спешить – Линда приходит на работу, как правило, рано. Восходящее солнце окрасило щели между планками жалюзи бледным светом, но я не стала их открывать. Пospешила к пульту на стене и выключила сигнализацию. Пока я нажимала на кнопки и вводила пароль, сердце у меня замирало – вдруг пароль другой, но его не изменили. Лампочки моргнули раз, другой, третий, и я оказалась в клинике.

В кладовой царил полумрак, но я не решилась включить люминесцентные лампы: они еще долго гудят после того, как их погасят, а я не хотела, чтобы кто-нибудь узнал, что я здесь побывала. И обнаружил пропажу. А так все будет шито-крыто до следующей инвентаризации. Я дрожащими руками достала из сумки мобильный телефон и, включив в нем фонарик, пересекла помещение. Наркотические препараты были заперты в особом ящике, и я набрала на замке нужную комбинацию цифр.

Звякнул колокольчик, открылась входная дверь. Черт! Дверь закрылась. Мне захотелось чихнуть, и я, стараясь сдержаться, закрыла нос ладонью.

В коридоре послышалось цоканье каблучков Линды. Я вжалась в стену. Ради всего святого, только не входи сюда! Она остановилась. У меня запершило в горле, я судорожно глотала, чтобы подавить кашель. Снова цоканье каблучков – Линда прошла мимо, открыла дверь своего кабинета и захлопнула ее за собой.

Я неслышно открыла шкафчик и тут же нашла то, что искала. Дюйм за дюймом я осторожно отворила дверь, слушая, как сердце в груди выбивает барабанную дробь. Выскользнув в коридор, я прокралась к пожарному выходу и стала пробираться по длинной стороне автостоянки, чтобы в тени стены оставаться скрытой от глаз Линды. Интересно, сообщит ли она в полицию, если узнает, что я взяла? Пузырек почти ничего не весил, но сумка как будто потяжелела, и, когда она стала съезжать с плеча, я поспешно подтянула ее вверх.

От выхлопа проезжающего по улице автобуса мой голодный желудок скрутило узлом. В восемь часов утра движение в городе стало плотным:

мимо проносились машины, спешили на работу люди – подавляли зевки, смотрели в смартфоны, но мне казалось, что каждый прожигает меня взглядом. Рассматривает. Осуждает. Я бы не удивилась, если бы кто-нибудь обозвал меня воровкой. Я крепче сжимала ремешок сумки, убежденная, что всем известно, что в ней лежит. И что я задумала.

Я шла, уставив взгляд в тротуар, и спешила, как только могла, хотя все мышцы болели и изматывал жар. Дыхание у меня было чаще, чем шаги, но я старалась идти еще быстрее.

Шум в ушах сперва заглушал стук шагов, ускорявшихся вместе с моими. Кто-то следовал за мной. Я чуть повернула голову и боковым зрением уловила движение. Скорее почувствовала, чем увидела – кто-то пытался меня схватить.

Действуя почти неосознанно, я метнулась через дорогу. Раздался скрип тормозов, и я в ужасе застыла на пути приближающейся машины. Секунды растянулись в минуты – я отмечала каждую деталь, словно мир замедлил свой бег. Испуганное лицо откинувшегося на спинку водителя, его прямые руки на руле. Охнувшие зеваки. Гудки машин. Автомобиль вильнул в сторону, но на тротуар не выскочил – там стояли люди: дама с коляской, тяжело опирающийся на палку старик. Я по-прежнему находилась на траектории летящей на меня машины и не могла сдвинуться с места. Грохнулся на асфальт велосипед, его хозяин, пытаюсь избежать неминуемого столкновения, повалился на землю.

Крик. Я закрыла глаза, ожидая удара.

Глава 54

Голова у меня дернулась, потянув шею, и между лопатками резанула острая боль. Я вернулась на тротуар, откуда только что прыгнула на мостовую. Чуть не сбившая меня машина продолжала ехать по улице, но теперь намного медленнее, чем раньше. Велосипедист встал и охлопывал себя сверху вниз руками, словно проверяя, нет ли повреждений. Мои одеревеневшие мышцы стали оживать, и я задрожала. Когда ко мне вернулся слух и зрение прояснилось, я сообразила, что меня держат за руку, и попыталась освободиться, но чьи-то пальцы сильнее впились в тело.

– Рейч? – Я проглотила застрявший в горле ком.

– Какого черта, Дженна? Ты выскочила на мостовую перед самым носом машины!

– Не заметила.

В глазах Рейчел мелькнуло недоверие.

– Это магистраль, здесь постоянно ездят автомобили. С тобой все в порядке? Дерьмово выглядишь. Когда ты последний раз спала?

Я пожала плечами.

– Слушай, а ты не того... не хотела себя угробить?

– Господи, конечно, нет! За кого ты меня принимаешь?

Рейчел молча оглядела меня, и я не стала судить ее за то, что она не ответила на мой вопрос. Я и сама уже не понимала, кто я такая. Она отпустила мою руку, и я, помня о пузырьке в сумке, поправила на плече ремешок.

– Что ты здесь делаешь? – спросила она. – Я заметила тебя, когда выходила из автобуса, и попыталась догнать.

– Не могу поверить, что ты продолжаешь работать на Линду. – Я сказала это суше, чем хотела.

– Мне нужны деньги. Ты пришла извиниться?

– Перед ней?

– Передо мной.

– Хорошо, прости. – Извинение прозвучало неискренним даже для моего уха. Я рассеянно взглянула на улицу за ее спиной, где находилась наша ветеринарная клиника, опасаясь, как бы шум не привлек Линду. – Рейч, мне пора. Увидимся как-нибудь в другой раз.

Ее глаза блеснули, и она печально покачала головой.

– Боюсь, Джен, не получится.

Домой я вернулась ближе к девяти часам, но все еще не могла избавиться от дрожи в теле после того, как чуть не попала под колеса машины. Мне потребовались все остатки сил, чтобы подтащить к входной двери журнальный столик, несколько раз убедиться, что цепочка надета, и заняться обычными проверками. Под кроватью и в шкафу никого не оказалось. В гостиной я натянула рукав на кулак и, вытерев манжетом мокрый лоб, устроилась на диване. У меня несколько часов до того, как Натан вернется с работы. До того, как мне нужно будет выйти из дома. Я подсунула под голову подушку и стала думать о Калли. О том, что собиралась сделать. Ради нее. Я приложила ладонь к груди. Ради нас.

Мое тело отяжелело и пылало огнем. Мышцы ныли, волосы стали влажными от пота. Я убеждала себя, что это всего лишь простуда, но с каждой минутой чувствовала себя все хуже. Опять, как вчера, закрались подозрения, что я подхватила в больнице инфекцию. Горло саднило. *Нет, нет, это только простуда!*

Но я прекрасно сознавала, что с тех пор, как мне пересадили сердце, организм предпринимал все возможное, чтобы избавиться от него, и только иммунодепрессанты препятствовали тому, что, с его точки зрения, было вполне естественным – отторгнуть чужую плоть. Подумав о таблетках, я вспомнила, что в утренней суматохе забыла принять лекарства. Но одна пропущенная доза – это не смертельно. Но отчего же мне так плохо?

Держись, Калли, сказала я стуку сердца. Было ли это только мое воображение или оно на самом деле стало биться медленнее? Тише? *У меня всего лишь простуда!* Я силилась привстать и взять лекарства, но настолько отяжелела, что рухнула на спину. И сколько бы ни старалась держать глаза открытыми, веки сами собой опустились.

Глава 55

Я проснулась в половине пятого вся в поту. День был ненастным, пасмурным. За окном гостиной в сером небе собирались грозовые облака. Горло саднило так, словно я проглотила проволочную щетку. Кашель скрутил и не отпускал до тех пор, пока не вспыхнул огонь в груди.

У меня всего-навсего простуда.

Я перекатилась на бок, и мозг снова погрузился в болезненные воспоминания – о том первом случае, когда мне пришлось усыпить животное. Пока Линда наполняла шприц, горло жалило, будто прокисшей желчью. Мои руки сильно дрожали, когда я гладила жесткую шкурку Мод – золотистого ретривера, терпеливо ждавшего на смотровом столе. Во рту у меня пересохло, язык распух и едва ворочался, а я все твердила: «Я не причиню тебе боли, дорогая. Так будет лучше».

– Ты не обязана это делать, – сказал Джон.

Линда молча стояла рядом с ним.

– Знаю, – ответила я так тихо, что сама едва услышала свой голос.

Я подставила ладонь, Линда вложила в нее шприц, и я сомкнула пальцы на прохладном пластмассовом цилиндрике. Линда хотела, чтобы все ее ветеринарные сестры умели выполнять эвтаназию, хотя делали это под ее присмотром.

– У нас не только котятки и щенятки, – говорила она. – Если не привыкнешь к плохому, значит, выбрала работу не по себе.

Я кивала, хотя у меня все переворачивалось внутри, когда я думала, что придется стать свидетельницей последнего вздоха животного. И что именно я буду в ответе за то, что этот вздох последний. Но я все равно это делала.

Я заставила себя подняться. Позаимствованное мною время подходило к концу. С каждой минутой я чувствовала себя все хуже и хуже. Калли покидала меня. Мое тело отторгало ее сердце. Я убеждалась в этом с каждым его слабеющим ударом и хотела сделать для нее все, что могла. Ведь мы с ней стали почти одной личностью – я и она. Из моих видений я знала, что Натан помыкал ею: забрал у нее телефон, отнял деньги, запугал. В тот вечер именно он вел машину, а не вернулся домой на такси, как сказал Тому и Аманде. Я в этом не сомневалась. Однако где взять доказательства? Никто не примет меня всерьез. Все, что я видела и чувствовала во время обморока на месте аварии, было совершенно

реальным. Но что, если я все неправильно поняла? Эта мысль, сколько бы я ее ни гнала, возвращалась снова и снова.

Вокруг было тихо. Очень тихо. Как бы я хотела обсудить с кем-нибудь свои дела! Но с кем? Ванесса мне не поверит, Рейчел больше не желает со мной знаться, даже Сэм махнул на меня рукой. С родителями, с тех пор как мне стало известно об отце и Линде, я почти не разговариваю. Мне не с кем поделиться. Даже если мой план осуществится, я не смогу рассказать Аманде и Тому, что отомстила за смерть Калли. Но сама-то я буду знать! *А что, если я все-таки ошибаюсь?*

Я дотащилась до кухни и, прежде чем проглотить таблетки, плеснула в лицо холодной водой. Включила потихоньку радио, чтобы иметь что-то вроде компании, стояла и смотрела на свою схему. На распечатку материалов о клеточной памяти. На скачанные из «Фейсбука» фотографии Калли и ее родных. Среди них был старый снимок Аманды: ее лицо еще не избороздили морщины, глаза лучились смехом. Если бы не Натан, она до сих пор оставалась бы такой и не превратилась бы в подобие выеденной скорлупы – старуху, все дни проводящую в одном и том же кресле в тоске по дочери, которую больше никогда не увидит.

Из приемника полилась новая мелодия. Эд Ширан пел «Поцелуй меня» – нашу с Сэмом песню. На секунду я ощутила такую острую боль в груди, что согнулась пополам и, чтобы не упасть, ухватилась за край стула. Я понимала: еще не поздно позвонить в больницу и попросить о помощи. Но я взглянула на фотографию Аманды, и все сомнения исчезли. Я должна совершить задуманное. Должна убить Натана.

Глава 56

Я толкнула ворота у дома Натана, и они со скрипом открылись. Мышцы свело от напряжения, но я нашла в себе силы постучать серебряным молоточком. Силуэт Натана приблизился к матовому стеклу двери. Пот выступил каплями у меня на висках. Звякнули ключи, и мое сердце забилося чаще. Входная дверь открылась, за ней стоял мокрый после душа Натан в обернутом вокруг бедер полотенце. Не иначе, готовился встретить того, с кем говорил по телефону и назначил свидание на десять.

– Дженна? – Он секунду колебался, в глазах мелькнуло смущение. – Зайдешь?

Господи! Неужели я на такое способна?

* * *

Натан пошел одеваться, а я сказала ему, что поищу что-нибудь выпить. Я знала, что времени у меня немного – он скоро спустится. Однако, оказавшись у него дома, начала сомневаться, что смогу довести дело до конца. Я встала на кухне у раковины и посмотрела в сад. Солнце, пламенея, склонялось к горизонту, небо подернулось красным. Казалось, что до него можно добежать и, вытянув руку, коснуться пальцами. Как же красив мир! Но люди превращают его в помойку. Мне захотелось свернуться клубочком и оплакивать его несправедливость. Тюрьмы набиты насильниками, убийцами, педофилами. Почему им позволено жить, почему у них здоровые сердца, а моя жизнь утекает? Но если я убью Натана, не превращусь ли я в такое же зло, как они? Я не знала и вцепилась пальцами в волосы, словно так могла заглушить голос в голове, твердивший, чтобы я не совершала преступления и возвращалась домой. Но в этот миг я услышала Натана: он насвистывал так, словно его совсем не волновало, что мир катится в тартарары, и это подогрело мой гнев – я приняла решение.

Я достала из буфета два стакана и плеснула в один из них виски «Джек Дэниэлс» – напиток с резким кислотным вкусом. Я никак не могла справиться с крышечкой украденного на работе пузырька: чем больше я старалась, тем сильнее потела моя трясущаяся рука. Стекло стало скользким, пальцы одеревенели. Я сдернула с крючка у плиты полотенце и

повторила попытку. На этот раз крышечка поддалась, я вылила содержимое пузырька в янтарную жидкость и размешала ее пальцем. В свой стакан я налила яблочного сока и несколько мгновений боролась с желанием добавить туда спиртного. Теперь не имеет значения, попадет ли в мой организм алкоголь: все равно мое тело отторгает чужое сердце, поэтому я и чувствую себя так ужасно. Но мне нужна светлая голова. Я взяла стаканы и приложила немалое усилие, чтобы удержать их в руках – они весили не меньше кирпичей. Я на самом деле больна.

Но это всего лишь простуда.

Ну вот, я готова.

В гостиной я не могла усидеть на месте. Пол надо мной поскрипывал: в спальне расхаживал Натан. Когда я кружила по комнате, глаза Калли, казалось, следили за мной с фотографии на камине. Радостная, она стояла на мостике и смеялась. Нет ничего, что бы сравнилось с ощущением полного счастья и сознания, что ты абсолютно любима. Я готова была поклясться: в тот момент Калли не сомневалась, что это навсегда. Затем я вспомнила ее последний снимок – с синяком под глазом и распухшей щекой – и подумала: как же мы губим друг друга, когда наши отношения дают трещину и рассыпаются!

Я достала мобильник и написала Сэму эсэмэску: «Прости за все», – хотя сама не понимала, за что извиняюсь – за то, что уже совершила, или за то, что только готовлюсь совершить. Глаза жгло от непролитых слез, но плакать я не могла. Не время. На лестнице послышались шаги. Еще не поздно передумать. Но Натан уже входил в комнату. Я ступила на кремовый ковер и протянула ему стакан.

– Спасибо, – поблагодарил он. – Неважно выглядишь, Дженна. – Он приложил к моему лбу ладонь. – Да ты вся горишь.

Я откинула голову, отстраняясь от его руки, и почувствовала, как между глазами пульсирует боль. Нахлынуло непреодолимое желание, чтобы кто-нибудь за мной поухаживал, позаботился обо мне. Но я вспомнила, какие муки выпали на долю моему сердцу. Пусть Натан испытает то же самое. Узнает, каково это – жить в подобном ужасе и ощущать собственную беспомощность.

– Ничего страшного, немного простудилась. Извини, что в последние дни не отвечала на твои сообщения. Мы можем поговорить?

– С удовольствием. Только у меня мало времени. Сегодня вечером мне надо уйти.

– Куда? – Я постаралась, чтобы мой вопрос прозвучал как можно

небрежнее.

– Я должен встретиться с другом.

С кем бы Натан ни разговаривал по телефону, того человека никак нельзя было назвать его другом. Меня не удивило, с какой легкостью он солгал. И я внезапно прониклась ледяным спокойствием.

– Но на то, чтобы выпить, времени, я думаю, хватит.

– Хватит. Только я решил, что ты имела в виду чай. Мне предстоит вести машину. – Натан поднес стакан к носу и принюхался. – Сто лет не пил виски «Джек Дэниэлс». Ладно, одна порция не повредит. – Он уже поднес стакан к губам и собирался пригубить напиток, как вдруг опустил руку. От разочарования у меня все оборвалось внутри.

– Что-то не так?

– Лед. Хочешь, принесу?

Я покачала головой – спазм в горле мешал говорить. Натан пошел на кухню, и я услышала, как из дозатора холодильника в стакан со стуком упали кубики льда. Я опустилась на диван: ноги у меня были словно ватные.

– За что пьем? – спросил он, вернувшись.

– За истину. – Мой голос прозвучал на октаву выше обычного, и мне оставалось только надеяться, что Натан ничего не заметил.

– За истину? – Он отпил виски и поморщился. – Еще и без воды. Хочешь меня убить? – Он сделал новый глоток, поменьше первого.

– Твое здоровье! – Я опрокинула в себя яблочный сок, но как только прохладный напиток попал мне в горло, выплюнула его обратно в стакан и закашлялась. Из моих глаз покатились слезы.

Натан взял у меня стакан, обнял за плечи, и у меня не хватило сил сбросить его руку. Он протянул мне коробку с бумажными платками, я вытащила один и вытерла глаза. Пока я сморкалась, он достал откуда-то одеяло и закутал мне ноги. Мне стало неуютно от его доброты. «Волк в овечьей шкуре», – так сказала бы о нем мама. А что, если это неправда?

Что, если я ошибаюсь?

Но он уже осушил свой стакан. Времени для сомнений не осталось.

Глава 57

Я тянула время, заполняя его пустой болтовней, пока Натан не сказал:

– Дженна, мне что-то нехорошо. – Зрачки у него расширились, он откинул голову на спинку дивана, словно ему стало трудно ее держать. – Наверное, заразился от тебя.

– Уверяю тебя, что нет, – коротко и холодно ответила я. У меня не осталось времени на эмоции. – Давай поговорим, Натан. Поговорим о Калли.

– О Калли?

– Скажи мне, – я взяла у него стакан и с силой опустила его на журнальный столик, – скажи, что ты с ней сделал?

– Что я с ней сделал? Дженна, ты несешь чепуху. Наверное, ты в самом деле больна.

– Больна не я, Натан. – Я придвинулась к нему и сказала на ухо: – Я все знаю.

– Что знаешь?

– Как ты издевался над ней. Запугивал ее. – Я касалась его щекой. – Как убил ее.

– Это просто смешно! – выкрикнул Натан, наконец сбросив личину. – Я любил Калли! Делал все, чтобы ее уберечь. Буквально все! А вот ты ее не знаешь. – Его лицо все больше краснело, только я не понимала, от злости или от средства, которое я подмешала ему в виски. – Тебе лучше уйти. – Его речь замедлялась, голова тряслась, словно он пытался сбросить пелену с мыслей.

– Я никуда не уйду, пока не услышу правду. – Я встала над ним.

Натан сел, не удержался, повалился на диван, помотал головой и попытался подняться.

– Дженна, мне правда не по себе. – Он говорил неразборчиво, открывал и закрывал рот, словно проверяя, может ли он двигать челюстью.

– То, что я подлила тебе в виски, называется пентобарбитон. Собак он убивает довольно быстро. Но, учитывая твои размеры и количество выпитого, у тебя есть минут двадцать. С поправкой в ту или иную сторону, точнее трудно сказать.

Глаза у Натана вылезли из орбит. Он схватился за край дивана и попытался подняться, но ноги, видимо, онемели, и он грохнулся на пол, едва не задев головой журнальный столик. Потянулся к моей лодыжке, но я

отступила и сверху вниз продолжала смотреть на человека, который своим отвратительным, жестоким поступком невольно спас мне жизнь. Затем коротко пнула его носком под ребра, чтобы он не засыпал.

– Начинай говорить.

Глава 58

Натан лежал на полу, перевернувшись на живот. Его тело подергивалось – он пытался вернуть власть над своими конечностями, но это были судорожные беспомощные движения, как у старающейся принять нормальное положение валяющейся на спине черепахи. Он повернул ко мне лицо – вены на его шее вздулись, глаза от испуга выпучились.

– Что со мной?

– Твое тело мало-помалу отключается, органы сдают один за другим. Последней пропадет речь. К счастью для тебя, все произойдет относительно безболезненно.

– Дженна...

– Заткнись и слушай. – В моей сумке лежал еще один пузырек. Я вынула его и показала Натану. – Это антидот. Если ты признаешься в том, что сделал, я дам его тебе, и ты проведешь остаток своей жалкой жизни в тюрьме. Ясно?

– Да. Я...

– Подожди.

Я наклонилась, впились ему пальцами в плечо, потянула раз, другой, третий, но не смогла перевернуть на спину. Вся в поту, я встала на колени, подсунула одну ладонь ему под плечо, другую под бедро и резко толкнула. Чтобы он не скатился назад, я подставила ему под поясницу колено, сжала зубы и снова толкнула. На этот раз он принял нужное положение. Тяжело дыша, я достала телефон, включила диктофон и положила аппарат на журнальный столик.

– Теперь говори.

– Дай мне антидот. Пожалуйста.

– Чем скорее ты все скажешь, тем скорее получишь его. Не бойся: несмотря на то что ты чувствуешь, ты не умираешь. Пока.

– Я не знаю, что ты хочешь от меня услышать. Я не сделал ничего дурного. Пожалуйста, Дженна.

В его глазах блеснули слезы, но это только сильнее разожгло во мне злость.

– Ты прислушался к мольбам Калли, когда вез ее к месту смерти? Проявил к ней сострадание?

– Я правда не понимаю, что ты обо мне вообразила. Мы были счастливы с Калли. Не дай мне умереть, Дженна!

– Ты забрал у нее телефон.

Натан быстро-быстро заморгал:

– Откуда ты узнала...

– Снял деньги с ее счета, чтобы помыкать ею.

– Это был наш общий счет.

– Ходил за ней по пятам. Следил. Ни на секунду не оставлял одну.

Даже на работе у нее не было от тебя спасения. Стоило ей выйти на обед, ты уже тут как тут. Она боялась тебя и хотела бежать. Признайся! – Теперь я кричала во весь голос. – Она собиралась от тебя уйти!

Единственная слеза скатилась по его щеке, я поднесла телефон ближе к его губам, и он прошептал:

– Да.

Глава 59

– Ты не мог ее отпустить, так?
– В глубине души она сама этого не хотела.
– Хотела. Она тебя боялась.
– Откуда, черт возьми, тебе знать? – Голос Натана немного окреп. – Ты не была с ней знакома.

– Не была, но я ее чувствую. – Я потянула вниз футболку и показала ему шрам. – Во мне ее сердце. Слышал о клеточной памяти?

– Нет. Дженна, дай мне, пожалуйста, антидот...
– Некоторые ученые называют сердце вторым мозгом и полагают, что оно способно накапливать память, и, когда сердце пересаживают другому человеку, реципиент наследует воспоминания донора. Я унаследовала воспоминания Калли. Я чувствую ее страх.

– Она боялась не меня. Не могу поверить, что ты меня отравила.
– Взяла с тебя пример. Признайся, ты заставил Калли что-то принять в тот вечер, когда она погибла.

– Ничего подобного я не делал... – Натан вдруг замолчал. – Ты имеешь в виду снотворное? За пару дней до аварии я посоветовал ей принять лекарство, которое ей прописали после того, как у ее отца случился инфаркт и она перестала спать. Она не спала несколько дней, ей требовался отдых. Но как ты об этом узнала? Говоришь о какой-то унаследованной памяти? Это просто смешно!

– А как иначе я могла об этом узнать? Меня посещают видения. О ней. О Софи. Ты ее убил. Убил их обеих. – Забрезжившая в мозгу догадка наконец обрела форму. – Калли решила от тебя уйти. Софи ей помогала. Они решили уехать за границу, – рассуждала я вслух. – Чтобы сорвать их план, ты похитил их паспорта, лишил Калли возможности пользоваться ее телефоном и банковским счетом. Но зачем ты вломился в дом Тома, когда ее хоронили?

Голова у меня пухла, лоб пылал огнем. Все как-то не складывалось, а время было на исходе. Черт возьми, почему Натан не признается в том, что совершил?

– Я не вламывался в дом Тома во время похорон Калли. Вернулся сюда и до бесчувствия напился. Я не прятал ничьих паспортов. Ты бредишь, Дженна. Тебе нужна помощь. Обещаю, я тебе помогу, но сначала ты должна помочь мне. Я в самом деле плохо себя чувствую.

Натан побледнел, губы у него подернулись синевой. Меня встревожило, что его состояние так быстро ухудшалось.

– У тебя на втором этаже спрятано ожерелье Аманды и паспорта. Я видела. – Я потеряла усталые глаза, словно пытаюсь воспроизвести в них ускользающую картину. Ведь это же было? Я ничего не придумываю?

– В свободной комнате?

– Да! Вот ты и признался! – Я не схожу с ума. Мне все известно!

– В таком случае ты должна была заметить список из больницы.

– Что за список?

– Тот, что подписал Том. Список принадлежавших Калли вещей. Он отдал их мне вместе со списком. Подписал, не читая. Ему было не до того. Он поставил подпись в акте о передаче органов, а все остальное не имело значения. Эти вещи я принес домой. Паспорта, деньги и ожерелье нашли в ее сумочке. Калли, наверное, взяла их, когда мы заезжали в дом ее родителей, чтобы отвезти их на свадьбу. Том и Аманда могли не пользоваться сейфом в дни между смертью Калли и ее похоронами и заметили пропажу лишь тогда, когда полиция попросила их составить список похищенного.

Я колебалась, не зная, лжет Натан или говорит правду, и твердо решила это выяснить. Засунула руку в его карман и, чтобы он не смог позвать на помощь, забрала мобильный телефон. Приказала:

– Не двигайся, – хотя сомневалась, что он на это способен.

Я поднялась наверх в свободную спальню и открыла ящик с бельем. Не стала заглядывать в конверты, которые уже держала в руках перед тем, как Натан меня спугнул, но, запустив руку на самое дно, извлекла оттуда лист бумаги размером А4 с логотипом больницы Святого Мартина в верхней части страницы. Это и был список вещей Калли, датированный тем днем, когда она погибла. Я пробежала его глазами и поняла, что Натан сказал правду. В нем значились и деньги, и паспорта, и ожерелье.

Не удосужившись собрать разбросанные на ковре вещи, я встала, и перед глазами у меня запрыгали черные пятна. Чтобы не потерять равновесие, я оперлась ладонью о стену. *Это всего лишь простуда.*

На подгибающихся ногах я спустилась обратно в гостиную, но там никого не оказалось. Натан исчез. Я присела на коврик и принялась тереть примятые ворсинки в том месте, где он лежал, словно таким образом могла его материализовать. Ковер еще хранил тепло его тела. Куда он подевался?

За спиной у меня послышался шум.

Глава 60

Я обернулась на странный звук. Дверь в столовую была приоткрыта. Я подкралась к ней и, заглянув в щель, увидела его – Натан полз, опираясь на локти, но, услышав мои шаги, повернул голову и уставился на меня налитыми кровью глазами.

– Дженна, пожалуйста, вызови «Скорую помощь». Я не хочу умирать.

– В таком случае расскажи правду. – Мне не понравились просящие нотки в моем голосе. Не так я представляла себе наш разговор.

– Не понимаю, чего ты от меня хочешь. Объясни, и я скажу все, что угодно. Подпишу все, что потребуешь. Но Калли никто не убивал. Она погибла в аварии.

Я положила телефон Натана на журнальный столик, взяла свой мобильник и снова стала записывать.

– Калли чего-то боялась, так? Я это чувствую. Кое-что даже видела. Синяк на ее лице – твоя работа?

– Нет. Никогда пальцем ее не тронул. Я ее любил.

– Однако взял с нее обещание никому не говорить, откуда взялся синяк, и даже для верности коснулся ее щеки. Если бы она заработала синяк при падении, почему об этом нельзя было говорить? Но ты хотел, чтобы она лгала.

– Откуда ты...

– Клеточная память. Я тебе уже говорила, что мне снились ее воспоминания. – К горлу подкатила злость, и я повысила голос.

– Я не хотел, чтобы она от меня уходила. Думал, если она останется, все образуется и наши отношения станут прежними. Мы были с ней счастливы. Я предложил ей уехать, поменять работу. Начать все сначала. Ей требовалось время, чтобы понять, что такое возможно. Поэтому я забрал ее мобильник, перевел деньги на другой счет и постоянно находился рядом. Чтобы не позволить ей уйти. Но в тот вечер, судя по всему, она задумала побег.

– В тот вечер, когда вас пригласили на свадьбу?

Натан едва заметно кивнул.

– Во время той поездки, когда погибла Калли, за рулем сидел ты. Я видела.

Натан закрыл глаза, и я поняла, что у меня не остается времени.

– Просто признайся. Признайся, что в тот вечер, когда она погибла, ты

был в машине. Вы поругались? Так?

– Да. Я спросил, намерена ли она выбрать меня. Калли ответила, что нет. Но она должна была выбрать меня. – Голос Натана слабел, и я подвинула телефон ближе, чтобы его слова записались.

– Кого она предпочла тебе?

Его веки затрепетали, и это означало, что мое время кончилось. Но я не отступала.

– Так ты был за рулем?

– Да. – Он говорил настолько тихо, что телефон пришлось подсунуть к самым его губам.

Я услышала то, что хотела, но не ощутила волны облегчения, на которую так надеялась. Натан пытался что-то добавить, но язык его больше не ворочался, и я не смогла ничего разобрать. Он облизнул губы. Я принесла с кухни воды и поднесла стакан к его рту. Струйки побежали по его подбородку, и он закашлялся. А когда перестал кашлять, его грудь больше не поднималась и не опускалась. Он затих и лежал совершенно неподвижно.

Глава 61

– Натан!

Неужели он умер? Это невозможно! Меня пронзил страх. Я приложила ухо к его груди и с облегчением услышала, что под ребрами бьется сердце. Мои слезы падали ему на грудь и расплывались на рубашке. Мгновением раньше, стоя на кухне и глядя на заходящее солнце, я поняла, что не способна убить Натана. Не могу это сделать, что бы он ни совершил. Я взяла на работе два разных препарата: один мог его убить, другой нет. Я подлила ему в виски несмертельный. Но, судя по тому, как быстро Натан отключился, переусердствовала с дозой кетамина. Пузырек же с пентобарбитоном, способным убить человека, лежал у меня в кармане. Вот Линда запаникует, когда обнаружит, что его нет в сейфе! И поделом ей.

– Просыпайся! – Я крепко встряхнула Натана за плечо, и он открыл глаза.

Он смотрел на меня, пытался сесть, но не мог.

– Ты отстегнул ее ремень безопасности? Специально направил автомобиль в дерево?

– Нет. – Его глаза снова превратились в две узкие щелки. – Не я сидел за рулем, когда произошла авария. На свадьбе мы поссорились и кричали друг на друга всю дорогу домой. Это было ужасно. Дома мне потребовалось в туалет, и, когда я вышел, Калли исчезла вместе с машиной.

Я села на корточки. Промокшая от пота майка липла к телу. Я очень устала и не знала, как поступить. Где-то глубоко внутри зрело неприятное чувство. И не только от того, что я сделала. Я начинала верить Натану. Вспомнила, как добр он был ко мне – принес воды, заботился, не забыл даже захватить хлеб, чтобы я могла покормить уток. Про паспорт и ожерелье он сказал правду. *Я доверила бы тебе жизнь*, мелькнули слова Калли из моего сна. В глубине души мне начинало казаться, что и я должна ему верить.

– Натан, ты не умрешь. Некоторое время будешь чувствовать сонливость, но, пожалуйста, держись, не засыпай. Я нужна Калли. Нам вместе надо кое-что сделать, я в этом уверена. Иначе мне от нее не освободиться. Только я не знаю, что именно нужно делать. Я ей обязана. Скажи, кого она предпочла тебе? С кем ты должен встретиться сегодня вечером?

Натан пытался что-то сказать, и я наклонилась, чтобы наши лица

оказались на одном уровне. От него пахло виски. Он закрыл глаза, но на этот раз сумел вытолкнуть из себя слова:

– Она хочет, чтобы ты помогла Софи.

– Софи? Она в опасности? Калли это пытается мне сообщить?

Натан едва шевельнул головой, однако я решила, что этого достаточно, чтобы принять его движение за утвердительный кивок.

– Она и есть тот человек, с которым ты сегодня вечером встречаешься?

– Да. Я делал все, чтобы не подпустить к ней Калли. Держать на расстоянии и не позволить впутаться.

– Во что впутаться?

– Я считал, что с этим покончено. – Он начал вращать глазами.

– Натан, где Софи?

– Она... – Пытаясь говорить, он израсходовал последние силы. Веки его опустились, и черные ресницы коснулись смертельно бледной кожи. Я изо всех сил трясла его за плечо, но он лишь мотал головой. Грудь его судорожно поднималась и опадала, и в такт ее движениям раздавался прерывистый раскатистый храп. Я уронила голову на руки. Натан отключился не меньше чем на час. А на десять у него назначена встреча с Софи. Если к этому времени я к ней не успею, Софи может снова исчезнуть. Мое сердце набухало в груди, как воздушная кукуруза, и я понимала, что позаимствованное мною время на исходе. Если я позвоню доктору Капуру, меня заберут в больницу, но, я думаю, уже слишком поздно. Кроме того, у меня долг перед Калли и ее родителями. Если Софи в опасности, я должна ей помочь. И немедленно. Я сжала кулаки, надавила ими на глаза, и туман в мозгу стал рассеиваться. Где она?

Думай! Что это был за шум на заднем плане? Я вспомнила звонок со второго телефона Калли – того, что дала мне Сара в стоматологической клинике. Если Натан всеми силами пытался разлучить сестер, то номер, который я набирала, наверняка принадлежит Софи. А шум? Я где-то слышала его раньше.

Внезапно меня осенило. Это был звук разбивающихся о берег океанских волн.

Теперь я знала, где находится Софи. Я много раз видела это место в своих видениях. Кемпинг «Гнездо совы». Я должна его найти.

Глава 62

Холодно. Как же чертовски холодно, думала она. При каждом вдохе влажного воздуха у Софи перехватывало в груди. Сейчас бы одеяло, но приходилось обходиться пальто, в которое она закутала плечи, а на кисти натянула рукава джемпера. Резкий скребущий звук не прекращался ни на минуту, и Софи, свернувшись клубочком, вспомнила песенку, которую пела ей Калли, когда она среди ночи забиралась к старшей сестре в постель, дрожа от ужаса, потому что ей казалось, что в спальню пробралось чудовище.

Ты только вообразила,
Что под кроватью страшный верзила.
Монстра там нет – это глупая шутка;
Скоро утро, спи спокойно, малютка.
Завтра будем весь день веселиться:
Забавляться, играть, кружиться...

Софи прижималась к сестре, которую любила больше всего на свете. Ей было с ней спокойно и уютно. А Калли никогда не жаловалась родителям, что Софи снова не давала ей ночью спать. Софи ни за что бы не поверила, что настанет время, когда старшей сестры не окажется рядом, чтобы прийти к ней на помощь. Она вспомнила, как Калли подставила Даррену Патерсону подножку на игровой площадке за то, что тот обозвал Софи плаксой, и стояла над ним, уперев руки в бедра. «Еще раз обидишь мою сестру, будешь иметь дело со мной!» Калли всегда была рядом, но сейчас, когда Софи больше всего в ней нуждалась, ничем помочь не могла.

От голода у Софи урчало в животе – она много часов ничего не ела и теперь достала из кармана «Сникерс». Его она стянула с открытой металлической полки рядом с кассой, когда стояла в очереди, чтобы заплатить за кофе, и быстро сунула его в карман, чтобы не заметила стоявшая за прилавком надменная девица с облезлыми красными волосами. Поделом этой глупой корове. Софи заметила, с каким отвращением та косилась на ее спутанные волосы и грязную одежду.

Она проверила свой мобильный телефон. Аккумулятор окончательно сел, впрочем, кому ей звонить? Разве что Натан сообщит, что не явится.

Хотя ему стоило бы прийти, и Софи думала, что он все-таки придет. Не захочет же он, чтобы люди узнали о том, что сделала Калли. Не позволит запачкать память своей замечательной подружки, не говоря уже о том, что она была замечательной дочерью и замечательной сестрой. Софи вытерла рукавом глаза. Просто здесь ужасно много пыли, и от этого из глаз текут слезы. Но она сознавала, что несправедлива. Калли действительно была замечательной сестрой, и Софи жалела, что втянула ее в эту историю. Ей не хватало ее каждую минуту.

Было темно, хоть глаз выколи. Вдруг раздался крик, и по коже у Софи побежали мурашки, но она сказала себе, что это всего лишь лиса. Рядом нет никого, кто мог бы причинить ей вред. Но она понимала, что это неправда: монстры обитают не только под кроватями.

Глава 63

Я вызвала такси. Мне не хотелось оставлять Натана в таком состоянии, но я надеялась, что с ним все обойдется, и холодела при мысли, что могла его убить.

Я рассчитывала, что, окончательно очнувшись, он поймет: все, что я сделала, было сделано ради Калли. Ну почему она не выражалась в своих посланиях яснее? Надо слушать, сказала мне экстрасенс Фиона. Как я могла так ошибиться? Ее любовь к сестре – вот что побуждало меня к действию. В какую опасность угодила Софи?

Лицо Натана все еще было бледным, но из него ушло напряжение. Я отвела волосы с его лба – теперь он словно спал. В других обстоятельствах я бы, возможно, все отдала, чтобы, засыпая, слышать его голос и, просыпаясь, ловить его взгляд. Но он не тот человек, которого я могу полюбить. Совсем не тот. Не следовало ложиться с ним в постель.

Я ухватила его за ремень и с трудом, кряхтя, приподняла, чтобы он принял удобное для восстановления сознания положение. Пульс у него был ровный, его состояние не вызывало опасений. Господи, взмолилась я, пусть с ним все обойдется!

На улице дважды просигналила машина. Я отдернула занавеску и помахала таксисту, давая знать, что иду. Схватила сумку и захлопнула за собой входную дверь.

Начал накрапывать дождь. Я назвала шоферу адрес и откинула голову на обивку сиденья, от которой слегка тянуло табачным дымом, хотя на стекле красовалась красная наклейка «Не курить».

– Приехали, – сказал таксист.

Я уже сжимала в руке две двадцатифунтовые бумажки, которые протянула ему.

– Сдачи не надо.

С мокрым от дождя лицом я стояла на пороге, колотила кулаком в дверь и думала, что должна была бы замерзнуть, но я вся горела и не представляла, сколько еще времени продержусь на ногах. Я ударила снова, руки у меня дрожали от напряжения. И когда дверь открылась, я буквально упала на руки Тома и прохрипела:

– Это Софи.

Глава 64

В который раз проверяя время, Софи подставила циферблат под лунный свет. Шел десятый час, и она начала терять уверенность, что Натан придет. А что, если не придет? Здесь ей оставаться нельзя, но без денег и паспорта никуда не деться. Звонить больше некому, иначе можно навлечь опасность на родных. А она их любила. Искренне любила.

По щекам ее струились слезы, из замерзшего носа текло. Начав плакать, Софи не могла остановиться и раскачивалась взад и вперед. Она никогда еще так не рыдала и даже не сразу поняла, что сама издает эти звуки. Больше всего ей хотелось, чтобы рядом был отец – погладил бы ее по волосам и, как раньше, сказал бы, что она его принцесса. Чтобы обнял и заверил, что все хорошо. Но он этого не скажет, и все совсем не хорошо, а она больше не его маленькая дочурка. Она давно выросла и встретила Оуэна. И несмотря на все, что случилось, когда она думает о нем, внутри у нее все замирает.

Софи познакомилась с Оуэном три года назад. Отец только что перенес второй инфаркт, и все боялись, что он умрет. Она была в ужасе. Калли поддерживал Натан, мать с дядей Джо постоянно находились в больнице, и предоставленная самой себе Софи воображала самое худшее. Всякий раз, закрывая глаза, она видела одну и ту же картину: вот она, сторбившись под черным зонтом, смотрит, как в могилу опускают гроб с телом отца, и дождь без перерыва барабанит по крышке. Не в силах избавиться от наваждения, она схватила бутылку с отцовским виски, спрятала ее под пальто и потащила в парк. После первого глотка в груди разгорелся огонь, во рту возник едкий вкус. Как люди могут пить такое для удовольствия? Она тянула виски и кружилась на детской карусельке, пока та не остановилась так резко, что янтарная жидкость выплеснулась на белые джинсы.

– Привет!

Софи вытерла губы и, повернувшись, увидела мужчину, держащего обеими руками перекладину карусели. Софи крепче вцепилась в бутылку.

– Пьешь одна? Что-нибудь случилось?

Его интерес пробудил в ней желание сказать правду.

– Случилось.

– Если хочешь, расскажи. – Он склонил голову набок, словно приготовившись ее слушать. И Софи пробормотала:

- Мой отец болен. Может умереть.
- Посиди со мной, расскажи все подробно.

Мужчина был старше ее. Моложе отца, но вполне взрослый. Чем-то напоминал одного из ее школьных учителей. Софи слезла с карусели и пошла за ним к скамье.

- Я Оуэн. – Мужчина сел к ней чуть ближе, чем требовали приличия.
- Софи.

Она снова глотнула из горлышка, а когда опустила бутылку, Оуэн ее отобрал. Софи испугалась, что он станет ее ругать, но Оуэн поднес бутылку к губам, сделал несколько жадных глотков и вернул ей.

- Ты уже достаточно взрослая, чтобы пить спиртное?

– Мне семнадцать, но все говорят, что на вид я старше, – ответила Софи.

- Так и есть, – кивнул Оуэн. – Расскажешь мне об отце?

Софи разрыдалась у него на плече, и, пока она говорила, как ей страшно и одиноко, слезы катились по черной блестящей коже его куртки. Они передавали друг другу бутылку, и Оуэн слушал. Слушал, как ей казалось, с неподдельным интересом. И к тому моменту, когда он двумя пальцами взял ее за подбородок и запечатлел на онемевших от виски губах первый в ее жизни поцелуй, Софи поняла, что влюбилась.

Глава 65

Том почти внес меня в гостиную и положил на диван. Я попыталась сесть.

– Что случилось, Дженна? – Надо мной склонилась Аманда и приложила ко лбу тыльную часть ладони. – Ты вся горишь.

– Вызову «Скорую помощь», – предложил Том.

– Нет! – Я оттолкнула руку Аманды. – Софи в опасности!

– Софи в Испании. – Голос Тома звучал монотонно-ровно. – С Оуэном.

– Нет. – Мой язык едва ворочался во рту, и мне было трудно выговаривать слова.

– Ты бредишь, Дженна. У тебя лихорадка. Тебе надо в больницу.

– Загляните в мою сумку. – Я в отчаянии показала на пол.

Том расстегнул «молнию» и вытряхнул содержимое сумки на журнальный стол. Аманда схватила паспорт, и, когда открыла книжицу, кровь отхлынула от ее щек.

– Это Софи, – прошептала она сквозь пальцы. – Дженна! – Ее голос стал громче. – Где она? Где моя девочка?

– Почему у тебя паспорт Софи? Откуда ты его взяла? – Том смотрел на меня так, словно никогда не видел.

Я пыталась ухватить кружащиеся в моей разгоряченной голове слова и сформулировать ответ так, чтобы меня не приняли за умалишенную, но у меня ничего не получалось.

– Есть такое понятие «клеточная память», когда...

– Реципиент наследует воспоминания донора. Слышал об этом. После того что случилось с Калли, я часами изучал случаи трансплантации. Я тебе рассказывал, Аманда. Помнишь? О научных исследованиях в этой области. Какое это имеет отношение к Софи?

Том пересек комнату и обнял жену, словно мои слова были стрелами и могли ее ранить.

– Я что-то чувствую. Что-то вижу. Смутные образы. Отрывочные картины. Мне кажется, это воспоминания Калли. Она пытается что-то до меня донести, хотя очень нечетко. Но теперь я знаю: она хочет предупредить, что Софи в опасности. Натан мне признался. – Я подняла руку, отвергая неизбежные вопросы, на которые не имела ответов. – Сегодня вечером он собирался с ней встретиться. Нам необходимо ее найти.

Том и Аманда молчали, пытаюсь вникнуть в то, что я им сказала. Поверили ли они мне? Я надеялась, что поверили. Отчаяние Калли сквозило в каждой клеточке моего тела. Том подошел к двери, и на какое-то страшное мгновение мне показалось, что он выставит меня вон, но он лишь взял с коврика ботинки.

– Где она?

– Я думаю...

– Думаешь? Если Софи в Англии, мне надо знать, где именно. Раз Натан с ней встречается, буду звонить ему. – Том потянулся к трубке городского телефона.

– Он не ответит, – предупредила я, и его рука замерла. – Поверьте мне, как бы дико это ни звучало.

Том немного поколебался и положил трубку на место.

– Мне часто снились Калли и Софи. Я видела их в одном и том же месте. Там, где они чувствовали себя счастливыми. Думаю, Софи сейчас именно там.

– Где конкретно? – Аманда в отчаянии ломала руки.

– В кемпинге, где вы постоянно останавливались. Вы говорили, что он назывался «Гнездо совы».

– Ньюли-он-Си? Мы ездили туда, когда девочки были маленькими. Пару лет назад кемпинг закрылся.

– Я уверена, что она там.

– Пойду возьму свои ключи и твои туфли, Аманда.

Том громко зашагал вверх по лестнице, а я заставила себя подняться и обняла его жену за плечи, отчасти чтобы самой удержаться на ногах, отчасти чтобы утешить ее.

– Я считала, что она в Испании. С Оуэном, – проговорила Аманда.

– Если она в опасности, может, стоит вызвать полицию? – предложила я.

– Нам неизвестно, в опасности она или нет, – возразила Аманда. – И как мы скажем полицейским, что тебе приснилось, будто Софи в кемпинге, который давным-давно закрыт? Нас не примут всерьез. Надо искать ее самим.

– Будем искать, – согласилась я с уверенностью, которую отнюдь не чувствовала.

Аманда с тревогой посмотрела на меня.

– Тебе надо к врачу, Дженна. Ты выглядишь ужасно.

– Я нормально себя чувствую, – солгала я. – Хочу довести дело до конца.

– Не хочу быть в ответе еще и за тебя. Вызову «Скорую». С сердцем Калли тебе нельзя рисковать.

Прежде чем я успела ответить, в гостиную ворвался Том с мобильным телефоном в руке.

– Знаю, знаю! – кричал он в трубку. – Это звучит дико. Но, по крайней мере, нужно проверить. Позвоню, как только что-то прояснится.

Он положил телефон в карман и подал Аманде туфли.

– Просто проинформировал Джо. Поехали.

Я сделала шаг, но Аманда остановила меня.

– Том, я думаю, Дженне не надо ехать. Она больна.

Том посмотрел на меня:

– Тебе не надо ехать.

– Я хочу, – твердо проговорила я.

– Она хочет, – эхом отозвался Том. – Поехали. Нечего терять время на споры. Наша первостепенная задача – Софи.

Сидя на заднем сиденье его машины, я прижала ладонь к груди. Сердце выстукивало: «Софи-Софи-Софи», – и я прошептала Калли, что мы поможем ее сестре, но не знала, как долго сумею продержаться.

Это всего лишь простуда.

А если нет? Я солгала всем, кому могла, а теперь обманывала себя.

Пискнул мой мобильный телефон, и на экране высветилось имя Натана: «Ты где?»

«Еду забирать Софи, – ответила я. – Прости».

Я поежилась при мысли, что могла его убить. Осталась ли бы я после этого прежней? Если для меня, конечно, есть какое-то «после».

Кончились жилые кварталы, начались темные загородные дороги. Мы ехали все быстрее. Пронеслись через деревню Вудхейвен, и мою душу стиснули ледяные пальцы страха. Я подумала о том, что полгода назад здесь проезжала Калли и чем все это для нее закончилось.

Я чувствовала, что слабею с каждой минутой. Погода была ужасной. Из невидимых ночных туч налетал дождь, и шуршание стеклоочистителей по ветровому стеклу гипнотизировало. Как я ни старалась держать глаза открытыми, веки все равно опустились.

Глава 66

До последних выходных Софи думала, что находится в безопасности, и постепенно перестала постоянно оглядываться. Все прошлые месяцы, пытаясь выстроить новую жизнь, она переезжала из города в город и останавливалась в хостелах. Зарабатывала на пропитание барменшей в пабах, таких же прогнивших и поганых, как «Принц Уэльский».

Софи помнила, как нервничала, когда Оуэн в первый раз повел ее в свою любимую пивнушку.

– Как по-твоему, я нормально выгляжу? – спросила она, задержавшись у входа.

В этот день Софи дольше обычного подводила глаза и клеила накладные ресницы. Она отчаянно старалась выглядеть старше своих семнадцати лет. Хотела понравиться друзьям Оуэна.

– Ты выглядишь потрясающе, крошка. – Взгляд Оуэна скользнул по ее фигуре, и Софи испытала восхитительный трепет предвкушения. – Одна маленькая поправка. – Он расстегнул еще одну пуговицу на ее блузке, и у девушки полыхнуло жаром в груди: она почувствовала, что край черного кружевного бюстгалтера, который Оуэн подарил ей на прошлой неделе, теперь у всех на виду. – Не волнуйся, детка. Теперь ты моя девушка, и я о тебе позабочусь. Кроме того, хозяин паба – мой друг. – Крепко поцеловав Софи, Оуэн сцепил ее пальцы со своими и увлек внутрь.

Как только они оказались в пабе, в нос девушке ударил застоялый запах пива и пота. Он вытравил из ее памяти больничную атмосферу, успеваю, казалось, насквозь пропитать все ее существо.

– Это мой бизнес-партнер Нейл. – Оуэн представил ее мужчине, который так откровенно уставился на ложбинку между ее грудями, что Софи, загораживаясь, инстинктивно скрестила руки.

– Бизнес-партнер?

Все две недели с тех пор, как Софи узнала Оуэна, их разговоры сводились главным образом к ее страху за жизнь отца. Она рассказывала о том, как прислушивалась сквозь тонкую, словно бумага, стенку к рыданиям матери. О скапливающихся на микроволновке неоплаченных счетах. О подслушанном ею телефонном разговоре матери с подругой: мать жаловалась, что, лишившись дохода от бизнеса, они потеряют дом. Куда им тогда деваться? Софи не представляла. Несчастье за несчастьем, она выплескивала все свои беды на нового друга. Ей стало совестно: ему-то она

рта открыть не давала. Что она знала об Оуэне? Только то, как она размякала, когда его язык проникал между ее губами, и как исчезали все ее проблемы, когда его рука скользила по ее обнаженному бедру.

– Чем вы занимаетесь? – спросила она Нейла.

– То одним, то другим, – ответил тот. – Хочешь выпить? – Он достал из кармана пачку банкнот и вытянул из нее двадцатку.

Софи заколебалась. Хоть ей и хотелось показаться опытной женщиной, но при одном воспоминании о выпитом в парке виски желудок ее забастовал.

– Пожалуйста, колу.

Нейл удивленно изогнул бровь.

– Мне сегодня еще нужно навестить в больнице отца, – объяснила Софи. – Он очень болен, и я не хочу, чтобы он унюхал запах алкоголя у меня изо рта. – Она представила Тома на больничной койке – без кровинки в лице, белого, как подушка, на которой лежала его голова, и к глазам ее подступили слезы. Софи шмыгнула носом, сознавая, что, если расплачется, краска потечет по щекам.

– Представляю, как тебе тяжело. – Нейл накрыл ее руку ладонью.

Его ладонь показалась такой же тяжелой, как обнимающая ее за плечи рука Оуэна. А когда он посмотрел ей в глаза, у Софи возникло ощущение, что она здесь своя. Пусть мать с дядей Джо постоянно в больнице и совершенно о ней забыли. Пусть Натан утешает Калли. У нее теперь есть собственные друзья. Есть кто-то, кто ее любит:

– Хочешь чего-нибудь такого, что снимет напряжение? – спросил Нейл.

– Чего именно?

– Такого, что поможет расслабиться, но отец ничего не унюхает.

– Пожалуй, не надо...

– Оставь ее в покое. Она еще ребенок, – сказал хозяин паба Стив, весело посмотрел на Софи и налил ей колы.

– Я не ребенок, просто... – Софи выпрямилась.

– Не дергайся, Соф. – Оуэн положил ладонь ей на задницу и слегка сжал. – Просто знай, что у нас это есть. И если твой отец умрет и тебе будет невмоготу, с этим ты хотя бы переживешь похороны.

Слова Оуэна показались ей ударом в грудь. Отец не может умереть! Не должен! Но тут Софи вспомнила аппараты и провода в больнице. Их писк надолго задерживался в ее голове после того, как она уходила из палаты. Она подняла на Оуэна полные слез глаза:

– Хорошо. Что у вас есть?

Глава 67

Моя голова дернулась, я стерла с подбородка дорожку слюны. Должно быть, я задремала и теперь вглядывалась в темноту, стараясь определить, где мы находимся. Ориентиров никаких, но в темноте за окном ревел океан. Я приспустила стекло и ощутила на языке соль.

– Проезд к главной стоянке закрыт, – сообщил Том, замедляя ход и останавливая машину. – Придется объехать территорию и встать на прибрежной парковке. – Он включил передачу, мотор заурчал громче, и мы снова двинулись с места. – Вроде бы сюда.

Машина резко повернула влево, и моя мотающаяся голова ударилась о стекло.

Там, где некогда была дорога, теперь росла трава. Автомобиль кренился на рытвинах, и я, чтобы не болтаться на сиденье, ухватилась за дверную ручку. Наконец мы приехали. Фары осветили сову: крылья распростерты, клюв открыт в немом крике. «Гнездо совы». Ньюли-он-Си. Мы на месте.

Глава 68

По вечерам холод здесь пробирал до костей. Софи свернулась калачиком, подтянув колени к груди, и обхватила себя руками. Деревянное кресло, на котором она сидела, пахло сыростью, и в нем виднелись ходы, проделанные насекомыми. Софи помнила, как на каникулах это кресло раскладывалось и превращалось в кровать, на которой они с Калли спали, прижимаясь друг к другу в своих одинаковых пижамах. Утром они вставали под струи воды в общем душе и ощущали ступнями песок в прохладной воде, оставшейся в поддоне от предыдущего купальщика. Калли помогала сестре вымыть волосы, и едкие пузырьки никогда не щипали ей глаза. Калли во всем ей помогала. И теперь Софи испытывала угрызения совести: ведь если бы Калли не помогла ей в тот роковой вечер, она бы не погибла.

Ужасный выдался вечер. Дождь лил так, что, казалось, в окна пригоршнями швыряли гальку, но в доме Оуэна было тепло и уютно – радиаторы системы отопления полыхали жаром.

– Держи, детка. Знаю, как тебе от этого хорошо. – Оуэн протянул ей свернутую в трубочку банкноту.

– Я больше этим не занимаюсь. Думала, что ты понял, когда мы снова сошлись. Больше не употребляю.

– И я тебя за это уважаю. Но одну последнюю дозу в память о прежних днях?

Софи колебалась. Ей хотелось острых ощущений.

– Но только самую последнюю. – Она наклонилась над журнальным столом, резко втянула в себя воздух и стерла остатки белого порошка под носом. Свернулась у Оуэна на коленях и, целуя его, чувствовала, как растет в ней восторг.

Только она запустила руку к нему в трусы, как в дверь постучали.

– Не обращай внимания. – Софи застыла, и Оуэн, обнимая ее, попытался заставить ее продолжать.

Но стук возобновился, на этот раз громче.

– Постучат и уйдут. – Оуэн крепко стиснул ей сосок, и она застонала.

Открылась крышка почтового ящика.

– Я знаю, что ты здесь! – крикнули за дверью.

Голос принадлежал Калли, и Софи, вскочив на ноги, поправила одежду.

– Я только хочу поговорить, – продолжала сестра.

– Она не уйдет, пока ей не ответят, – прошептала Софи. Оуэн чертыхнулся, застегнул ширинку и шагнул в коридор.

Через секунду в гостиной появилась Калли – глаза сверкали, мокрые волосы прилипли к лицу, и с них капало на пол.

– Поехали! – Она схватила Софи за руку.

– Нет! – уперлась сестра.

– Она никуда не поедет. – Оуэн загородил дверь. – До того, как ты так грубо к нам ворвалась, мы тут кое-чем занимались. – Он ухмыльнулся и похлопал себя по промежности. – И хотим довести дело до конца.

– Соф, что ты нашла в этом лузере?

– Я его люблю. – Как бы Софи хотела, чтобы Калли поближе узнала Оуэна!

– Скажешь тоже! Никакая это не любовь! – Калли в отчаянии хлопнула себя по лбу, и на ее пальце блеснуло обручальное кольцо с бриллиантом.

Софи вдруг почувствовала, что ее тошнит от ее идеальной сестры с ее идеальным парнем и ее идеальной жизнью.

– Оставь меня в покое! Ты всегда мне все портишь! Ты мне не нужна! – Слова, срываясь с языка, жгли ее саму.

– Слышала, что она сказала? – Оуэн отступил с порога и показал на дверь. – Свободна. Провожать не стану. Нам есть чем заняться. – Его рука потянулась к «молнии» на брюках.

Калли бросилась на него, толкнула в грудь.

– Чертов ублюдок!

– Убирайся, сумасшедшая стерва!

Оуэн отпихнул ее, и она повалилась на пол. Голова Калли с тошнотворным стуком ударилась о журнальный столик, и девушка застыла на грязном ковре. На какое-то мгновение Софи показалось, что сестра умерла, и она ощутила такую боль, что чуть не потеряла сознание. Но Калли шевельнулась, и Софи с нахлынувшей радостью бросилась к ней. Щека Калли покраснела и распухла, из уголка губ сочилась кровь, и Софи вытерла ее большим пальцем.

– Боже мой, Калли, это же просто случайность. Оуэн, ты же не хотел ее ударить?

– Конечно, не хотел, – буркнул тот.

– Соф, пожалуйста, поедем со мной.

Софи проглотила застрявший в горле ком, она не могла смотреть сестре в глаза.

– Мама и папа обрадовались тому, что мы с Оуэном снова вместе.

Почему ты тоже не можешь порадоваться за меня?

– Потому что мама и папа не знают про это дерьмо. – Калли взяла с журнального стола пластиковый пакетик с порошком.

Оуэн рассмеялся, но это был холодный, нерадостный смех.

– Хочешь, я расскажу тебе историю про то, что ты называешь дерьмом? – Он рывком поставил Калли на ноги. Та попыталась освободить руку, но он не пустил.

Софи видела, как на руке сестры появился отпечаток его пальцев, и почти ощутила, какую боль причинила ей хватка ее любовника. Она испугалась, очень испугалась того, что могло произойти дальше, и понимала: Калли надо уводить. Схватив бронзовую фигурку обнимающейся пары, которую подарила Оуэну на первую годовщину их знакомства, она со всей силы ударила его по затылку.

Глава 69

На стоянке было темно, хоть глаз выколи. Если бы не луна, не удалось бы вообще ничего разглядеть.

– Где же она? – всхлипнула Аманда.

Она опустила стекло, тщетно надеясь, что станет лучше видно. Том вынул из замка зажигания ключ, фары погасли, и двигатель, остывая, начал пощелкивать.

– Дальше лучше идти пешком, – сказал он. Достал из бардачка фонарь и перед тем, как мы вышли из машины, отдал его Аманде.

Рев океана оглушал, холодный соленый воздух щипал губы.

– Проверим фургончик, который мы обычно снимали. – Том взял жену за руку и потянул вперед. Я потащила следом, освещая путь фонариком мобильного телефона, но ноги вязли в сырой земле, и мне было трудно за ними успевать. Мои руки и ноги были словно высечены из мрамора. Я очень, очень устала, и лишь адреналин гнал меня вперед. Не обращая внимания на табличку с надписью «Охраняется собаками», мы протиснулись в дыру в металлическом заборе, возведенном в слабой надежде воспрепятствовать проникновению на территорию непрошенных гостей. Место стояло заброшенным несколько лет, и все, что здесь можно было украсть, судя по всему, уже унесли.

Мы петляли по пустынной ярмарочной площади. Из темноты выступило колесо обозрения, его кабинки поскрипывали, раскачиваясь на ветру.

Послышался стук. Мы остановились как вкопанные и разом повернули головы. Вывеска «Хот-доги» одиноко висела на цепи, и ее колотило ветром о деревянную стену будки. Под подошвами хрустело стекло сотен китайских фонариков, которые некогда вращались по кругу вместе с ржавеющей каруселью, а теперь валялись в грязи.

Ярмарочная площадь была небольшой, но я могла представить, что отдохавшим здесь маленьким детям она казалась огромной. Дальше в сумраке темнели ряды неподвижно застывших фургончиков.

– Подождите. – Я ухватилась за гниющую деревянную ограду площадки для детского гольфа, и мне в кожу впились занозы. – Одну минуту.

– Ты в порядке? – Том сделал шаг вперед, ему не терпелось добраться до цели. Я взяла себя в руки – надо довести дело до конца. – Теперь

недалеко.

Я справлюсь.

Это всего лишь простуда.

Глава 70

Сквозь грязные пластиковые окна пробился далекий свет, и Софи услышала урчание мотора. Затем все смолкло, и снова стало темно. Должно быть, приехал Натан.

«И на том спасибо», – подумала Софи и принялась запихивать вещи в рюкзак. Когда она укладывала на дно рубашку, рука ее коснулась холодного металла. Пистолет Оуэна. Одна из немногих вещей, которые Софи, собираясь, захватила с собой. Она пришла в ужас, когда однажды любовник, ввалившись в дом, показал ей его.

– Зачем он тебе? – Она отшатнулась, когда он прицелился в свое отражение в зеркале и сделал вид, что нажимает на спуск.

– Для защиты, детка. Хочешь поддержать?

– Нет. Никогда к нему не прикоснусь. – Тогда она отказалась, а теперь тяжесть оружия в руке придавала уверенности. Разумеется, она им никогда не воспользуется, но на всякий случай сохранит.

Софи в последний раз окинула взглядом фургончик, где девочкой провела вместе с Калли столько счастливых часов. Шипучка и шоколадное печенье. Карточная игра «Снап».

– Прощай, сестра, – прошептала она.

Софи закинула рюкзак на плечо, но, прежде чем успела пересечь фургончик, дверь распахнулась, и кто-то вырвал у нее пистолет.

Глава 71

На мой взгляд, все фургончики были одинаковыми, однако Том и Аманда, судя по всему, знали, куда идти: повернули налево, затем направо и остановились перед одним из них, довольно большим.

– Этот. – Бледно-желтый луч фонаря блеснул на прилипшей к пластиковым окнам плесени.

Том толкнул дверь, и она легко отворилась.

– Софи! – Он вошел внутрь. – Ее здесь нет.

В его голосе прозвучало отчаяние, и мне стало казаться, что я что-то напутала и на самом деле схожу с ума. Но тут Аманда с невиданной раньше прытью бросилась вперед и упала на колени.

– Смотрите! – Она вытащила из рюкзака клетчатую рубашку и помахала ею, как флагом. – Это Софи! Эту рубашку Калли подарила ей на прошлый день рождения. Я прекрасно помню: в магазин они ходили вместе. – Она прижала рубашку к лицу, словно, вдыхая ее запах, она могла определить, где находится ее дочь.

– Значит, она была здесь. Но где же она теперь? – спросил Том.

И тут мы услышали крик.

Глава 72

– Быстрее!

Софи не могла отвести взгляда от пистолета в руке мужчины, пока бежала вместе с ним по площадке для гольфа, где они с Калли когда-то часами пытались загнать мячи в пасти динозавров. Софи споткнулась и, упав на что-то острое, поранила руку, но грохот разбивающихся о берег волн заглушил ее крик.

Он поднял ее на ноги.

– Пожалуйста! – молила Софи, вцепившись в его ладонь обеими руками и стараясь разжать его пальцы. Ветер забивал рот и заглушал ее крики, как бы она ни старалась, чтобы ее услышали. – Давай остановимся, поговорим.

На берегу ноги вязли в мягком песке.

Она не видела океана, но по брызгам на щеках поняла, что наступило время прилива.

– Пожалуйста, – упрашивала она. – Я боюсь воды!

– Знаю, – ответил он. – Поторапливайся, мы почти на месте. Быстрее!

Софи поежилась. Было холодно, но она не сомневалась: ее зубы стучат, словно кастаньеты, не оттого, что она замерзла, а от страха.

Однажды они стояли здесь, у кромки океана, с Калли. Сестра крепко держала ее за руку, и волны плескались у их ног. Калли наклонилась и зачерпнула воды маленьким красным ведерком Софи – они строили замок из песка, и им нужно было смачивать материал. Волна застала Софи врасплох, она поскользнулась и плюхнулась на спину в воду. Однако Калли не выпускала ее ручки из своей и была начеку: она знала, как сестра боится утонуть. Неужели вот так ей предстоит умереть сегодня? После всего, через что ей пришлось пройти? Софи сжала пальцы и представила, что ощущает тепло руки своей сестры.

Глава 73

– Кажется, кричали там, – сказал Том, и мы застыли возле вагончика, такие же неподвижные, как деревянная фигура совы.

Крик повторился снова. Днем его можно было бы принять за крик чайки.

– Со стороны берега, – уточнил Том и бросился на звук.

Не знаю, как мне удалось забраться на песчаную дюну, но, когда я оказалась на вершине, Том с Амандой уже гнались по пляжу за убегающими от них двумя фигурами. Свет фонарика удалялся и становился все слабее, я же упала на четвереньки, мои пальцы запутались в мокрых водорослях, и я никак не могла отдышаться. Мне не удавалось подняться на ноги.

Это всего лишь простуда.

Я посветила фонариком телефона на казавшийся почти черным песок и облизнула соленые губы. Надо справиться. Ради Калли.

Ноги утопали в сыром песке, но я все-таки встала.

– Софи! Софи! – Голос Аманды был едва слышен.

Я опустила голову против ветра и с усилием двинулась вперед. Пот катился по мне градом, казалось, что я бегу на одном месте по беговой дорожке, нисколько не продвигаясь вперед, но, подняв взгляд, я увидела Аманду и Тома, остановившихся перед двумя людьми. Софи я узнала по фотографии, рядом с ней маячил Джо. Что-то блеснуло в его руке. Пистолет! Я невольно отступила.

– Софи! – позвала Аманда и сделала шаг вперед, но Джо прикрикнул на нее:

– Стой на месте! Не подходи!

Я остановилась за Амандой и прикрыла телефон рукой, чтобы не было видно света от экрана. Но здесь, в низине, сигнала не было, и я не могла позвать на помощь.

– Джо, что ты здесь делаешь? Что означает твой пистолет? – Том остановился как вкопанный.

– Папа! – всхлипнула Софи.

И я почувствовала, как во мне поднимается волна любви к девушке, которую я никогда раньше не видела. К сестре моего сердца.

– Я думал, что ты в Испании, Софи, – начал Том. По его щекам катились слезы. – С Оуэном. Мы ждали, когда ты вернешься домой. Не

понимаю, что здесь происходит.

– Отпусти ее, Джо, – потребовала Аманда нечеловечески спокойным голосом.

– Нет! – Направленный в нашу сторону пистолет дрожал в его руке. – Мне очень жаль, Том, – проговорил он.

Глава 74

– Джо, зачем тебе пистолет? – Том, ожидая ответа, не сводил взгляда с брата.

Я оглянулась, оценивая расстояние до стоянки. Но, совершенно выбившись из сил, я не смогла бы бежать, а поползла бы, как черепаха. Как бы ни старалась, не сумела бы укрыться в темноте до того, как Джо нажмет на спусковой крючок. Зубы во рту выбивали дробь. Неужели после всех испытаний придется умереть здесь от пули?

– Это не мой пистолет. – Слова прозвучали почти умоляюще, Джо словно просил пожалеть его, но руку не опустил.

Песок под ногами проседал, как губка, я держалась из последних сил, не давая коленям подогнуться от страха. Боковым зрением я заметила, как поникла Аманда, и обняла ее за талию. Если бы она стала падать, мне бы не хватило сил ее удержать, но, зная, какой ужас она испытывает, я хотела хоть как-то ее утешить. Почувствовала, как она дрожит, и внезапно разозлилась на Джо: как он мог так себя вести после всего того, что Аманде пришлось испытать за последний год?

– И чей же это пистолет? – почти грубо спросила я.

– Ее. – Джо пихнул плечом Софи. – Я его отобрал, чтобы она не совершила очередную глупость.

– Софи, это твой пистолет? – требовательно спросил Том, и я удивилась, что ему удается владеть голосом.

Я представила, каким он был отцом, когда дочери были маленькими. Как спокойно выяснял, кто из них выбросил в ведро овощи, а кто сломал игрушку.

– Оуэна, – ответила Софи, не глядя ему в глаза. Она никому не могла смотреть в глаза.

– А Оуэну зачем пистолет? – продолжал Том.

Девушка умоляюще посмотрела на мать. Луна вышла из-за туч, и в ее свете глаза Софи блеснули.

– Не дави на нее, Том, – твердо потребовала Аманда. – Ей пришлось испытать что-то страшное. Но теперь она с нами. Наша дочь вернулась.

– И что дальше? – спросил Том.

Джо опустил оружие и разжал пальцы на запястье Софи, но та не двинулась с места.

– Боже, я больше не выдержу! Не могу! – Меня потрясло, что Джо

расплакался. – Нам надо убираться отсюда, прежде чем здесь появится Оуэн.

– Давай отвезем Софи домой. – Аманда сделала шаг к дочери, но муж задержал ее рукой.

– Я хочу здесь же немедленно услышать об Оуэне. Во что вляпался твой парень?

На мгновение все застыло и стихло. Слышался только шум океана, словно служивший фоном к этой сцене. Никто из нас не двигался. Ветер унялся, волны больше не грохотали, а, плескаясь, ластились к берегу. Я едва дышала. Но вот Софи вытерла нос рукавом и заговорила:

– Когда у тебя случился инфаркт, я очень испугалась, что ты умрешь. Ты пообещал, что все будет хорошо. Но ничего хорошего не получилось. После второго инфаркта врачи нас предупредили, что ты можешь не выжить. Я пришла в ужас. Мама и дядя Джо все время проводили с тобой. Калли жила с Натаном. А у меня никого не было. А потом я познакомилась с Оуэном, и он слушал меня. Действительно слушал. И мы полюбили друг друга. Когда он стал давать мне порошок, чтобы я меньше волновалась, я решила, что он так заботится обо мне.

– Порошок?

– Кокаин. Я собиралась бросить, когда ты поправишься. Но когда ты выписался из больницы, не смогла. Извини, папа, я не хотела.

– Гнусный сукин сын! Где он? – В голосе Тома слышалось такое бешенство, что я подумала: если Оуэн где-нибудь поблизости, он должен очень сильно испугаться. – Убью подлеца!

– Он уже мертв, – проговорила Софи.

Глава 75

– Соф, это была самозащита, – сказала Калли. – Полиция это учтет.

Они сидели на диване и делали вид, что все образуется, но лицо Калли приобрело зеленоватый оттенок, а голос у нее был неестественно монотонным.

– Я убийца. Мне дорога в тюрьму. – Софи раскачивалась, обхватив себя руками. К горлу подкатывал страх.

– Ничего подобного, – возразила Калли. Но Софи еще не приходилось слышать, чтобы ее старшая сестра говорила так неуверенно.

– Меня посадят. Посадят в тюрьму. Я там не выживу. – Она закрыла ладонями лицо и так сильно разрыдалась, что казалось, грудь у нее разорвется, и сердце вывалится на пол.

– Я этого не допущу. – Калли обняла ее за плечи. – Скажем, что это сделала я. Скажем, что я приехала за тобой, но тебя не оказалось дома, и Оуэн на меня напал. Полиция нам поверит. – Она провела рукой по своей распухшей щеке. – Я защищалась.

– Но рана у него на затылке. Такие не наносят при самообороне. Я не позволю, чтобы ты взяла вину на себя! Господи, я не хочу в тюрьму!

– Если мы все объясним полиции...

– Нет! – Софи затрясла головой. Она понимала: если в дело вмешается полиция, все ее секреты и ложь выплывут наружу. Семья развалится. Родные ее возненавидят. Калли возненавидит. – Пожалуйста, помоги мне! – Софи крепко стиснула руку сестры.

– Как? – Калли скользнула взглядом по Оуэну. Кровь сочилась из раны у него на голове и уже успела запачкать камин.

– Надо избавиться от тела. Тогда никто ни о чем не узнает. – В душе Софи зародилась надежда. – Его никто не хватится. Некому. Родных у него нет. – Софи старалась не думать о сыне Оуэна. Похоже, он его ни разу не видел. – Все его приятели – подонки. Особенно Нейл. Мнит о себе невесть что, а сам отпетый негодяй. Если пожалеет об Оуэне, то только о его деньгах, а не о нем самом. – Никто о нем не пожалеет, кроме нее. Но эту мысль она тоже прогнала. – Да, это самое лучшее решение.

– Софи, я не могу...

– Если бы ты меня любила, то смогла бы.

В глазах Калли мелькнула обида. Софи сознавала, что несправедлива к сестре, но ее, как гелий воздушный шар, наполняло отчаяние, и она не

знала, как поступить иначе. Поэтому ухватилась за первое, что пришло в голову, и продолжала настаивать:

– Закопаем его вот здесь. Смотри! – Она схватила с журнального столика бесплатную местную газету и скользила по страницам взглядом, пока не нашла нужное. – Аэродром Бертон. – Она ткнула пальцем в статью. – Здесь говорится, что это место – охранная зона. Запрещено строительство, не разрешено копать.

Калли поднялась и подошла к окну. Софи очень хотелось знать, что у сестры на уме. Они всегда были очень близки, но теперь между ними пролегла пропасть. Она ждала, что последует дальше, и, не в силах успокоиться, сжимала и разжимала кулаки. Громко тикали часы, в ушах пульсировала кровь. Наконец Калли повернула к ней заплаканное лицо:

– Хорошо, я тебе помогу.

Софи заторопилась, пока Калли не передумала, и бросилась в спальню, чтобы взять простыню и завернуть в нее Оуэна. Стоя в ногах кровати, на которой потеряла невинность, она заметила на прикроватном столике часы любовника. Ему больше не понадобится узнавать, сколько времени. Что же она наделала! Софи бросилась в туалет. Ее сотрясли спазмы и рвало в унитаз, пока внутри ничего не осталось. Успокоившись, она запихнула в рюкзак кое-какую одежду. Сюда она больше никогда не вернется.

Когда Софи вошла в гостиную со скомканной простыней в руке и кислым привкусом во рту, Калли лихорадочно нажимала на кнопки мобильного телефона.

– Что ты делаешь?

– Сообщаю Натану, что сегодня проведу вечер с тобой, а то он будет беспокоиться.

– Готова поспорить, что он будет в восторге. – Софи знала, что Натан ее недолюбливает. На то были веские причины – сколько волнений и неприятностей она постоянно доставляла сестре! – но при упоминании его имени она все равно раздражалась.

Калли прикусила губу, и на мгновение Софи показалось, что сестра передумала. Она уже пожалела, что ляпнула лишнее, но Калли лишь тяжело вздохнула и сказала:

– Давай займемся делом.

Калли подъехала задним ходом вплотную к двери и открыла багажник. Софи вытащила из него садовые инструменты и тележку, которые сестра,

любительница покопаться в родительском саду, постоянно возила с собой, и переложила их на заднее сиденье.

Дождь лил не переставая. И хотя их по-прежнему окутывала темнота, Софи нервно оглянулась, вообразив, что за ними следят чьи-то любопытные глаза.

В гостиной девушки отодвинули в сторону журнальный столик и на освободившемся месте расстелили простыню.

– Положим на нее и завернем, – предложила Калли, но ни одна из них не двинулась с места.

– На счет «три». – Калли подсунула руки Оуэну под плечи. – Берись за ноги, Соф.

Младшая сестра обрадовалась, что ею руководят, – почувствовала себя почти как в прежние дни. И при мысли, как изменятся их отношения после всего, что произошло сегодня, ее глаза обожгли слезы.

Софи поежилась, когда ее ладони коснулись лодыжек Оуэна. Джинсы задрались, и стали видны носки, которые она купила ему на день рождения. Ее стало неудержимо трясти.

– Если не уверена, еще не поздно передумать, – предложила Калли. – Если хочешь, я вызову полицию.

Но мысль о том, что полицейские начнут копать в ее прошлом, была страшнее того, что им предстояло сделать.

– Уверена, – отозвалась Софи, хотя никакой уверенности не чувствовала.

– Раз, два, три, – отсчитала Калли и, кряхтя, попыталась передвинуть труп. – Черт его подери! – Она присела на корточки и завернула Оуэна в простыню. – Никогда бы не подумала, что он такой тяжелый.

– Как мы донесем его до машины? – Страх сдавил Софи грудь, и она заговорила неестественно тонким голосом.

– А тележка на что? – ответила Калли.

На аэродром они ехали в тишине, если не считать указывающего направление голоса из навигатора и шелестящего звука щеток стеклоочистителей. Софи все еще ощущала запах чистящих средств: несмотря на большое пятно на камине, она не сомневалась, что с брызгами крови в гостиной удалось справиться. Кожу рук от отбеливателя мучительно саднило.

Вблизи аэродрома машину Калли стало подбрасывать на выбоинах.

– Как ты думаешь, где лучше закопать? – Софи тревожно высунулась из окна.

– Откуда мне знать? – огрызнулась Калли, и Софи содрогнулась, почувствовав, как отдаляется от нее сестра. – Где-нибудь рядом с кустами. Если кто-нибудь сюда заявится, меньше шансов, что заметят следы.

Калли повернулась, ожидая ответа, и Софи, увидев в полумраке ее восковое лицо, засомневалась, что сестра оправится от этого испытания. Оправятся ли они обе?

– Давай рядом с кустами, – согласилась она.

Калли прибавила газу и, когда мотор заурчал громче, отстегнула ремень безопасности и повернулась за сумкой, которую всегда во время поездок держала на заднем сиденье.

– Сколько раз тебе говорить, чтобы ты так не делала? – забеспокоилась Софи и выхватила сумку у нее из рук. – Это опасно. Что тебе нужно?

– Найди пакетик мятных карамелек. Меня тошнит.

Они объехали взлетное поле, успели дососать карамельки, и только после этого Калли снова снизила скорость.

– Давай здесь. – Она остановилась, заглушила мотор, но фары не выключила, оставив лучи света прорезать темноту и высвечивать струи дождя.

Калли работала лопатой, а Софи вилами. И хотя земля была влажной, они копали довольно долго, пока не вырыли яму достаточной глубины. К тому времени, когда могила была готова, Софи обливалась липким потом, мышцы ее рук дрожали и пылали огнем. Она взглянула на сестру и не поняла, от чего у той мокрое лицо – от дождя или от слез.

В машине на стоянке у железнодорожной станции она умоляла Калли:

– Поедем со мной.

– Не могу, – отвечала та. – Я люблю Натана.

– А меня не любишь? – После того, во что она втравила сестру этой ночью, Софи подозревала, что этой любви пришел конец.

– Конечно, люблю. Ты же моя сестра.

– Ты ему расскажешь? Натану?

Калли смахнула все еще дрожавшей рукой мокрую прядь со лба.

– Не знаю, Соф. Раньше я ничего от него не скрывала.

– Он сообщит в полицию.

– Не сообщит.

– Если ты вернешься, тебе придется вести себя естественно. На работе. Везде. Но ты не сможешь. Я тебя знаю.

– Я не могу взять и разом распрощаться со своей жизнью. – Калли потерла мокрые щеки рукавом. – Куда ты едешь?

– Не знаю. – Софи пожала плечами. – Всегда бредила Испанией. Черт! С тех пор как родители возили нас в Париж, мой паспорт все еще у них.

– Поехали к ним...

– Сумеешь его забрать? И дай мне немного денег, чтобы хватило на билет и на пару месяцев в дешевой гостинице, пока не встану на ноги.

– Чтобы снять сбережения, я должна заранее уведомить банк. Так что на это может уйти несколько дней. А как быть с папой и мамой?

– Я им завтра сообщу. Напишу, что поехала отдыхать с Оуэном. Остальное придумаю потом. – Софи открыла дверь, вылезла из машины и закинула рюкзак на плечо. Она казалась себе очень маленькой и очень одинокой. – Я пришлю тебе сообщение – где и как устроилась.

– Постой, – остановила ее Калли. – Я поеду с тобой в Испанию. Не насовсем, не хочу бросать Натана. Но хотя бы до того времени, когда у тебя все утрясется.

У Софи перехватило в горле, она ничего не смогла ответить и только кивнула.

– Встретимся через несколько дней, когда я получу деньги и возьму наши паспорта. Обещаю, Соф, все будет хорошо.

Глава 76

Том от ужаса зажал обеими ладонями рот, а Аманда рухнула на колени, словно все ее кости разом превратились в труху. И свернулась калачиком на сыром, покрытом водорослями песке.

Недаром я так испугалась, когда увидела в доме Кэти фотографию Оуэна. Мысли роились в моей голове: все-таки в момент, когда произошла авария, машиной управляла Калли.

Фрагменты головоломки складывались так быстро, что за ними трудно было уследить. Я повернулась к Софи:

– Когда Калли разбилась, она спешила на встречу с тобой. Когда они с Натаном заехали за вашими родителями, чтобы отвезти их на свадьбу, она взяла из сейфа паспорта, деньги и кольцо.

– А ты, черт возьми, кто такая? – Софи только теперь заметила мое присутствие и сверкнула на меня глазами.

Глупо, но я на нее обиделась: как же так – я настолько с ней внутренне связана, а она меня не узнала?

– Меня зовут Дженна...

– Ты кого-то убила, Софи? – перебил меня Том. – И поэтому скрылась?

– Я не хочу в тюрьму, папа.

– Ты не пойдешь в тюрьму, – кивнул отец. – Оуэн напал на Калли. Ты защищала сестру. Я тебе помогу. Но ты должна рассказать мне все. Ты все мне рассказала?

Софи отвернулась.

– Нет.

Плечи у Джо опустились, как у сломленного горем человека.

– Не могу поверить, что ты его убила, Софи. Думал, ты здесь с ним. Тебе не нужно больше ничего говорить.

– Расскажу. По горло сыта секретами. По горло сыта ложью. – Голос девушки зазвучал громче, и Аманда поднялась на ноги.

– Ты расстраиваешь ее. Перестань. Разберемся во всем дома.

– Мне нельзя домой. Тело Оуэна в воскресенье нашли. Раньше я пыталась отгородиться от того, что случилось, и наполовину убедила себя, что никакого убийства не было. Но в новостях – я смотрела их в пабе, где работала, – сообщили, что труп Оуэна обнаружен. Теперь только дело времени, когда его опознают и начнут разыскивать меня. Я собиралась уехать из страны, как только Натан привезет мне паспорт и деньги. Не могу

поверить, что вместо того, чтобы мне помочь, он позвонил вам.

– Софи, мы и сами смогли кое в чем разобраться, – возразил ей отец. – Скажи мне правду, и я помогу тебе всем, чем смогу.

– Не дави на нее, Том... – начала Аманда.

– Пусть говорит, – прервал ее муж.

Софи отвернулась к казавшемуся черным океану.

– Папа, Оуэн давал мне наркотики, которые брал в пабе у своего приятеля Нейла. Никогда не просил денег, и я считала, что это подарки, поскольку он мой парень. Но однажды Оуэн заявил, что я задолжала Нейлу кучу денег. И не только за то, что получала, – он, оказывается, поставил меня на счетчик, и проценты росли с каждым днем. Я не знала, что делать. Оуэн сказал, что пытался меня защитить, но Нейл пообещал ему и другим в пабе, что накажет не только меня, но и Калли, если я не расплачусь. Оуэн очень расстроился, что втравил меня в такую передрагу. Но думал, что сумеет разрулить ситуацию.

– Каким образом? – спросил Том.

– Воспользовавшись твоим авторемонтным бизнесом для контрабанды наркотиков. Я сказала, что с тех пор, как ты заболел, мы на мели. Но он обещал все поправить: отдать мой долг и достаточно зарабатывать, чтобы мы могли платить за дом, пока ты не выздоровеешь. Он хотел помочь.

– Но мы не импортируем детали настолько часто, – возразил отец. – А когда приходится, у нас горы бумаг, масса документов. Каким образом Оуэн собирался обойтись без моей подписи?

Софи ответила не сразу:

– Право подписи не у одного тебя. Ведь бизнесом владеешь не ты один.

– Аманда? – Том посмотрел на жену, словно видел ее в первый раз, и та закрыла лицо руками.

Глава 77

– Я не знала, что еще предпринять. – Аманда наконец опустила руки.

Том вцепился в свое левое плечо, и даже в тусклом свете луны было видно, что он смертельно побледнел.

– Ты лежал в больнице, – продолжала Аманда. – Врач предупредил, что ты можешь умереть. Счета накапливались. Мы не платили за ипотеку. Что мне оставалось делать? Нашим дочерям грозила опасность.

– Ты могла обратиться в полицию.

– И надеяться, что к девочкам приставят круглосуточную охрану? Приходилось рассчитывать только на себя. Я их мать и обязана их защищать. Оуэн выразился ясно: подпишешь несколько бланков, и Калли с Софи ничего не будет грозить. И еще останется на жизнь. Откуда я могла взять то, что требовал Нейл, – сумму в несколько тысяч фунтов?

– Ты вовлекла Софи в противозаконные действия.

Услышав эти слова, Аманда пошатнулась. Мне еще не приходилось слышать, чтобы Том выразался так жестко.

– Как раз из-за Софи мне пришлось решиться на незаконный поступок. Я сделала это, потому что люблю ее.

– Ты знала, что наша дочь употребляет наркотики, и ничего мне не сказала?

– Я делала все возможное, чтобы она о них забыла. Помнишь, как Софи исчезла на несколько месяцев, и ты думал, что ей нужна передышка, чтобы прийти в себя после вызванного твоей болезнью стресса? Я оплатила ее лечение в клинике.

– В голове не укладывается. – Том низко склонил голову. Выглядел он совсем неважно, и я испугалась, что он потеряет сознание. – Ты знал об этом, Джо?

– Узнал, но только позже. Выписавшись из больницы, ты сказал, что Аманда убедила тебя поберечь здоровье и отойти от дел, и попросил меня взять бизнес в свои руки. Я заподозрил неладное, когда изучил счета: прибыль резко подскочила. Я поинтересовался у Аманды, не напутала ли она с отчетами, и узнал о ее договоренности с Оуэном. Тогда я разозлился не на шутку, но тебе ничего не сказал, потому что врач предупредил, что тебя нельзя волновать. Но сам я не хотел иметь с этим ничего общего. И никак в этом не участвовал.

– Но потом все закончилось? Я имею в виду договоренность с Оуэном.

Когда долг Софи был погашен, мы больше не имели с ним дел?

– К сожалению, не закончилось, – ответил брат. – Я старался, как мог, это прекратить, но все, на что оказался способен, – это держать в стороне тебя и Калли.

– В последние месяцы я часто выслушивал твои извинения и считал, будто ты переживаешь из-за того, что после смерти Калли наш бизнес пошел на спад, потому что к нашему общему делу ни у кого не лежала душа. Ничего подобного даже представить себе не мог. – Том сморщился, как от боли.

– Поверь, мне было очень плохо, – продолжал Джо. – Но я надеялся, что ты ни о чем не узнаешь. А когда после гибели Калли исчезла Софи, подумал, что она, чтобы справиться с горем, снова вернулась к наркотикам. Когда ты позвонил мне вечером и сказал, что Софи здесь, я решил, что она с Оуэном. И не хотел, чтобы ты с ним столкнулся. А обнаружив ее одну в фургоне, решил, что ее надо поскорее увести – Оуэн мог быть где-нибудь поблизости. У меня и в мыслях не было, что он... что она его... – Джо снова расплакался. На его терзания тяжело было смотреть.

– Знаешь, когда вы здесь появились, был момент, когда я чуть не выстрелил в Аманду – за все, что она натворила. Можешь поверить? – Джо вытер нос тыльной стороной ладони. – Сколько раз я пытался ее отговорить! Прости, наверное, нужно было все тебе рассказать. Но ты мой брат, я тебя люблю и не хотел рисковать твоей жизнью.

– Я тоже не хотела, Том, – вмешалась в разговор Аманда. – Заботилась о тебе, когда ты болел, не позволяла волноваться из-за неоплаченных счетов. А ты ни разу не поинтересовался, как мы выкручиваемся. Ни единого разу не спросил. – Аманда почти кричала. – Я продолжала дела с Оуэном, потому что иначе наша жизнь превратилась бы в сплошную борьбу, мы бы едва могли расплатиться за дом. И никаких развлечений. Когда я росла, мы отдыхали на Мальдивах и ели в хороших ресторанах. – В ее голосе послышалась горечь. – Это твоя вина, что мы оказались в такой ситуации. Я отдала тебе все, а ты не мог нас как следует обеспечить.

– Я тебя любил.

– И я тебя люблю, можешь не сомневаться. Но я хотела, чтобы дочери получали то, что было доступно мне в их возрасте. Все, что я сделала, я сделала ради них. Ради нас. Ради нашей семьи. Дело казалось таким простым! Оно и было простым. Оуэн все организовывал, а я только закрывала глаза. Всего-то подписала несколько бланков. Навар был не таким, чтобы нами заинтересовались, но доход получался приличным. Оуэн соблюдал осторожность. Тебе не о чем беспокоиться.

– За такие дела ты могла оказаться за решеткой. Мы оба могли попасть в тюрьму. – Голос Тома стал холоднее стали. – В каком бы положении оказались наши дочери?

– Оуэн заверил, что риска никакого нет, – тихо проговорила Софи. – Он знал, на что шел. Я сказала ему, что мы можем лишиться дома, и он позаботился о нас.

– А Калли? Калли знала? – Том по-прежнему держался за плечо.

– Нет. Она была в курсе, что Оуэн подсадил меня на наркотики, но про маму и дела понятия не имела. Но в тот вечер он собирался ей все рассказать, поэтому я его ударила. А если бы сдержалась, Калли бы не погибла.

– Не говори так! – Аманда в отчаянии сжала кулаки. – Все это время я едва могла жить. Сколько бы лекарств ни глотала, каждый день, каждую секунду жестоко переживала смерть Калли и была уверена, что потеряла тебя. Думала, что ты не вынесла гибели сестры и уехала с Оуэном в Испанию. Не могу поверить, что ты... убила его. Понимаю, каково тебе, и сочувствую. Но мы все исправим, все решим. Потому что мы одна семья.

– Не одна, здесь есть чужие. – Софи выхватила из руки Джо пистолет и направила его на меня. – Понятия не имею, кто ты, черт возьми, такая, но ты слишком много обо мне узнала.

– Софи! – Аманда попыталась отобрать у дочери оружие.

Последовала борьба. Выстрел.

Том, схватившись за сердце, повалился на песок. Аманда вскрикнула. Но, взглянув на Тома, я не заметила ни крови, ни входного пулевого отверстия. И тут до меня дошло: у него инфаркт. А пуля угодила в другого.

Глава 78

Софи скрючилась на песке. Джо, встав перед ней на колени, прикладывал к ее шее палец, пытаясь нащупать пульс. Мое сердце кричало: *нет-нет-нет!* Я пыталась неслышно попятиться, но под ногами у меня зашуршала галька, и Аманда вскинула голову. Я взглянула в безумные глаза женщины, которой больше нечего было терять, кроме своей свободы.

– Нужна «Скорая»! – кричал Джо.

Пистолет мотался в руке Аманды, сама она застыла на месте. Я не знала, что у нее в голове, но рисковать не могла: я видела и слышала все, что здесь произошло.

Бежать! выброс адреналина заставил мое больное тело двигаться, и я поплелась к безмолвной сове, тенью маячившей вдали. Аманда была хоть и старше меня, но я слишком ослабла и еле переставляла ноги. Мое единственное спасение – где-нибудь спрятаться и, поднявшись повыше, поймать сигнал мобильной сети и позвать на помощь.

Было темно. Очень темно. Облака стремительно неслись по угольно-черному небу, заволакивая звезды и луну. Влага наполняла легкие, я втягивала воздух короткими глотками, и время от времени на меня волнами обрушивалась дурнота.

Я молила: «Не подведи меня, Калли», – пыталась убежать, но ноги вязли в песке, и мне казалось, что я двигаюсь, как в замедленном кино. Я задыхалась, хватала ртом воздух. Ощущала на языке привкус соли и отчаяния. Карабкалась на песчаную дюну. Сердце едва не разрывалось от напряжения. Ступнями я пыталась хоть за что-нибудь зацепиться на мягкой почве. Хватаясь пальцами за траву, я ползла дальше, на вершину. В груди пылал огонь, но я слышала за спиной тяжелое дыхание Аманды, и инстинкт самосохранения гнал меня вперед. Последние несколько месяцев я провела, размышляя, хочется ли мне жить, но больше не задавала себе этот вопрос: я поняла, что безумно боюсь умереть.

На вершине я оглянулась и не увидела Аманды, хотя она была где-то поблизости. Что-то стукнуло. Я решила, что она оступилась и соскользнула вниз. Силы быстро таяли.

– Дженна, пожалуйста, подожди, – раздался ее голос. – Мне нужен твой телефон. – Она была где-то рядом и быстро нагоняла меня.

Дико озираясь, я старалась сориентироваться – сообразить, где дорога и машина.

– Послушай, ты меня не так поняла. Все, что я сделала, было ради дочерей!

Я втянула в легкие воздух, сжала и разжала кулаки и кинулась вперед. Оглянулась.

– Дженна, стой! Не убегай! Не звони в полицию! Дай мне объяснить. – Но в ее голосе не было ни тени раскаяния. Ею владела ярость, и каждое ее слово казалось мне ударом между лопатками.

Беги! Не останавливайся!

Кроссовки шлепали по бетону, и мне казалось, что я больше не слышу шагов за спиной, хотя из-за воя ветра об этом трудно было судить. Мне от нее не оторваться, можно надеяться лишь на то, что она пойдет в другую сторону.

Украдкой я бросила взгляд через плечо, но в этот момент сбилась с дороги и, споткнувшись на мягкой земле, выбросила вперед руки, чтобы ослабить удар. Ткнулась лицом во что-то большое и твердое, ободрала щеку. Сжав челюсть, я прикусила язык, и рот наполнился кровью. Я проглотила ее и почувствовала, как к горлу вместе с привкусом желчи подкатывает страх.

Тише! Ни звука!

Я испугалась. Очень испугалась. Я понятия не имела, на что способна Аманда. Насколько далеко она может зайти, чтобы не позволить мне сообщить о преступлении в полицию.

Я лежала на животе. Замерев. Затаив дыхание. Ждала. Ладони жгло от боли, щеку саднило, преющие листья лезли в нос. Меня замутило, когда, осмелившись пошевелиться, я медленно подалась вперед, зарывшись локтем во влажную почву. Левым, правым. Левым, правым.

Теперь я лежала в подлеске. Колючки впивались мне в кожу, цеплялись за одежду, но я не решалась встать, думая, что здесь, в окружении деревьев, меня не заметят. Но в этот миг облака разбежались, и в свете луны я увидела рукав своей толстовки – невообразимо белый, несмотря на то что был заляпан грязью. Я выругалась. Идиотка! Идиотка! Идиотка! Я стянула с себя толстовку и спрятала ее под куст. Зубы выбивали дробь от холода. И еще от страха. И от лихорадки. Где она? Слева под чьей-то ногой хрустнула ветка. Я инстинктивно привстала и оперлась на мысок, как бегун на старте. И сквозь грохот собственного сердца услышала кашель.

Звук раздался позади меня. Близко. Слишком близко.

Бежать!

Я рванулась вперед. Убеждала себя: у меня получится, хотя понимала, что лгу себе – долго мне не выдержать.

– Нет смысла убегать, – крикнула мне вслед Аманда. – Я знаю этот парк, как свои пять пальцев.

Ноги у меня совсем ослабли, шея не держала голову – такой она казалась тяжелой. *Это всего лишь простуда.*

Шевелись!

Облака снова закрыли небо, и землю окутала тьма. Я застыла на месте, не видя, куда поставить ногу. Земля была бугристая, а я не могла рисковать подвернуть лодыжку или что-нибудь сломать. Что же делать? Как отсюда выбраться? Порыв ветра отнес облака, и боковым зрением я заметила движение какой-то тени. Повернулась и закричала. Аманда была прямо за мной.

Бежать!

Глава 79

Я еле тащи́лась. Я выдохлась. Мир вращался перед глазами, повсюду плясали черные точки. Она найдет меня. Я больна. Умираю. Мне от нее не убежать, и спрятаться негде. Из глаз лились горячие слезы и быстро остывали на щеках. Все кончено. Кончена жизнь, за которую я так отчаянно боролась. Надежда угасла, и я медленно повернулась. Аманда стояла, не в силах отдышаться, она согнулась, опершись ладонями о колени.

Я проверила мобильник. Сигнала по-прежнему не было.

– Дай мне телефон! – потребовала Аманда.

Я покачала головой.

– Пожалуйста. Тому и Софи нужна помощь.

Я снова отказалась. Но если бы Аманда хотела меня убить, то давно уже успела бы это сделать.

– Мы же сумеем все уладить. Правда? – Она выпрямилась и сделала ко мне шаг. В ее правой руке поблескивал пистолет.

Я проглотила застрявший в горле ком – боялась подумать, каким образом Аманда собирается уладить со мной отношения.

Шевелись, Дженна, шептал в голове голос. Пальцы на ногах свело, но я вдруг поняла, что снова бегу – петлю меж брошенных киосков мороженщиков и гигантских пластмассовых животных, краска на которых выцвела и облупилась.

– Я не причиню тебе вреда! Ты все неправильно поняла! Тебе негде спрятаться! – кричала мне вслед Аманда. Но меня осенило: такое место есть!

Считай до десяти! Я уже знала, куда направляюсь.

На ярмарочной площади царил кромешная тьма, но в моем мозгу вспыхнули картины того, что там было раньше. Оранжевые, желтые, зеленые фонарики. Играет музыка. Запах сахарной ваты. Малыши цепляются за руки родителей. «Можно поймать уточку?» «Можно покататься на карусели?»

Я вскочила на помост карусели и, пробегая по доскам, почти ощутила, как она кружится: быстрее, быстрее, пока лица стоящих по сторонам не сливаются в одно расплывшееся пятно.

Рядом стояло большое здание с вывеской, на которой были изображены напитки и закуски, и, огибая его, я почти почувствовала вкус горячих маслянистых чипсов.

Вот и домик с болтающейся на ветру на ржавых крюках вывеской «Безумный гольф». Я упала на колени и принялась искать широкую незакрепленную доску. Одна шаталась, но ее обвил сорняк и не позволял оторвать.

Раздался хруст сломанной ветки, и я поняла, что Аманда близко. Я просунула пальцы в узкую щель между досками и, впившись ногтями в ту, что шаталась, рванула что было сил. Ноготь на большом пальце оторвался, и я еле сдержала крик. Просвет получился маленьким: ребенок бы пролез, а для взрослого был узковат. Меня охватило отчаяние. Поводив под досками рукой, я обнаружила внизу яму. Если бы удалось в нее протиснуться, мне бы хватило места спрятаться.

Я извивалась словно змея, разгребая локтями пыль, и она, забиваясь мне в рот, щекотала горло. Чтобы не закашляться, я задержала дыхание, выжидая, пока не пройдет спазм. Наконец моя голова оказалась в темноте, затем в сырое пространство протиснулись плечи и верхняя часть туловища. Вдруг что-то коснулось меня и задержало. Я замерла, испугавшись, что меня настигла Аманда, но оказалось, что это я сама уперлась задом в доску наверху. Чтобы пролезть дальше, пришлось долго вертеться и извиваться.

И вот я под деревянным настилом – закатилась, как шар в лузу. Я поворочалась, чтобы перевернуться, – мышцы резало от напряжения. Я подняла руку к просвету над головой и уложила доску на место как раз в тот момент, когда из-за угла закусочной выскользнул луч света. Фонарь Аманды.

Мои колени наткнулись на что-то твердое и округлое, мне захотелось подвигать онемевшими ногами, но я замерла, не обращая внимания на боль.

Мне не верилось, что Аманда не слышит бешеный стук моего сердца и мое прерывистое дыхание, но она снова и снова звала меня, и я различила в ее голосе разочарование: она не могла понять, куда я подевалась. Я вгляделась в щель между досками и увидела ее туфли. Аманда приближалась, и они словно увеличивались. Я тряслась от ужаса и молилась, чтобы она не нашла то место, где в прежние времена Софи пряталась от Калли.

Скрип. Открылась входная дверь. Раздался стук шагов над головой. На лицо мне посыпалась труха. Она попала в глаза, в рот. Я понимала, что, если буду лежать неподвижно, мне ничто не грозит. Аманда уйдет искать меня в другом месте.

И в это время зазвонил мой телефон.

Глава 80

Скуля, как одно из тех раненых животных, которых сама лечила, я попыталась в тесном пространстве вытащить из кармана трубку. Это был Сэм.

– Я только что прочитал твое сообщение...

– На помощь! – прохрипела я. – Она хочет меня убить.

– Дженна? Что происходит? Где ты?

Аманда опустила на четвереньки и приложила глаз к отверстию от выпавшего из доски сучка. Я изо всех сил ткнула в дыру большим пальцем, и она вскрикнула от боли. Потом зашлепала ладонями по полу, стараясь найти возможность пробраться вниз, но, к счастью, находилась в другой части домика.

– Дженна, я хочу всего лишь поговорить. Хотя бы на это я могу рассчитывать?

– Я в кемпинге «Гнездо совы» в Ньюли-он-Си. Пожалуйста, вызови сюда полицию и «Скорую помощь». Сэм? Сэм? – Я взглянула на экран, сигнал снова пропал, и я не знала, услышал он меня или нет.

– Дженна, выходи, давай все спокойно обсудим. Мне жаль, что так получилось. Я понимаю, что поступила неправильно, но на это были веские причины. Пожалуйста, ничего никому не рассказывай. Ради Тома. Он не заслуживает того, чтобы доживать жизнь в одиночестве. Все, что я хотела, – это защитить его и дочерей.

Я колебалась. Если бы она собиралась меня убить, то уже успела бы застрелить. Видимо, что-то доброе в ней все-таки осталось.

– Давай обсудим, как ты собираешься поступить. Ведь не станешь же ты разглашать наши тайны. Если меня отправят в тюрьму, в первую очередь пострадает Том. А он тебе нравится. Ведь правда? И ты ему очень нравишься. Ты нравишься и мне, и ему. Подумай о памяти Калли. Ни к чему, чтобы все сплетничали, что она покрывала убийцу. Она спасла тебе жизнь. Без нее тебя бы здесь не было. И без меня тоже. Ты нам обязана. Ведь так?

Калли. Я прижала ладонь к груди, и по моим щекам побежали слезы. Я не знала, как поступить. Я очень, очень устала.

Но это всего лишь простуда.

Ритм сердца все замедлялся, и я не сомневалась, что вскоре оно остановится совсем. Доски надо мной содрогались и скрипели: Аманда

колотила чем-то в пол, и я понимала, что она доберется до меня прежде, чем я успею отсюда выбраться. Дерево уже начало крошиться. Но, собрав последние силы, я решила, что надо все-таки попытаться.

Вытолкнув обеими руками оторванную от пола доску, я пролезла в проем. Туловище уже было на свободе, а ноги по-прежнему в яме, когда я уперлась во что-то твердое. Запрокинув голову, я посмотрела наверх. Ноги. И принадлежали они Аманде.

Она просунула руки мне под мышки и потянула. Почувствовав, что меня тащат наверх, я закричала и стала шарить руками, ища, за что бы зацепиться, но годы занятия йогой сделали Аманду на удивление сильной. Я была уже почти наверху, когда поняла, на что я наткнулась коленями. Это была клюшка. Холодная и металлическая. Я вспомнила, что в этом месте играли в гольф. И пока Аманда меня вытаскивала, я схватила клюшку и прижала к себе.

Аманда стояла надо мной, а вверху завывал ветер. Обе мы выбились из сил.

– Почему ты не можешь пообещать, что никому ничего не расскажешь?

Я не могла отвести взгляда от пистолета. Рука Аманды дрожала, и ствол колотил ее по ноге.

– А вы поверите моему обещанию?

Мне показалось, что прошла целая вечность, прежде чем она наконец заговорила:

– Когда дочери были маленькими, они устраивали битвы подушками, пока я готовила обед. Я миллион раз просила их этого не делать. В гостиной негде было повернуться. В конце концов они разбили вазу, которая досталась мне от дедушки и бабушки и стояла целое состояние. Я разозлилась не на шутку и спросила, как это вышло. Калли вышла вперед и сказала: «Мама, это сделала я». Вот такой она была – честной и доброй. А ты... в тебе ее сердце. Ты последняя ее живая частица, и я хотела бы тебе верить. Но ты – не она.

– Я чувствую то, что чувствовала она. Когда Калли и Софи были маленькими, вы с Томом привозили их сюда. Калли была счастлива.

– Дочери были бы счастливее, если бы было больше денег.

– Вы-то стали счастливее, когда у вас прибавилось денег?

– Не стала. Облегчение испытала – правда. А счастья не прибавилось. Но Том заболел и не мог работать. Не представляю, как бы я выкрутилась без Оуэна. Сама я многие годы вообще не работала и, даже если бы куда-нибудь устроилась, все равно не сумела бы выплатить долги Софи. Я

расплатилась в полной мере и не могу сесть за решетку. В самом деле не могу.

– Ничего не могу обещать, Аманда, – ответила я. – Понимаете, я умираю, и честность – это все, что у меня осталось.

– Послушай, Дженна, – нахмурилась она, – не заставляй меня обходиться с тобой жестоко. Я этого действительно не хочу.

Щелчок.

– Ты меня вынуждаешь.

Ствол взлетел вверх.

– Прости меня, Дженна.

Я привстала на колени и, поднявшись на ноги, взмахнула клюшкой. Удар пришелся Аманде в плечо и лишил ее равновесия, но оказался недостаточно сильным. Аманда выпрямилась и снова подняла пистолет.

На этот раз я вцепилась в клюшку обеими руками, и вложила в удар все силы. Я попала в висок, и Аманда, сложившись пополам, повалилась на землю. Раздался тошнотворный звук, когда ее голова ударилась о камень. Затем наступила тишина.

Я попыталась идти, но ноги не слушались. Колени подогнулись, и я упала на спину. Надо мной сияли звезды, но черный свод неба словно обрушился мне на голову, и я решила, что это последнее, что мне довелось увидеть в этой жизни.

Глава 81

Первым, что я услышала, когда очнулась, было разрывающее череп настойчивое пиканье. Боль пронзила виски. Затем возникло ощущение теплоты, неприятное и тягучее. Вдохнув, я узнала запах дезинфицирующих средств. Я снова в больнице. Я попыталась открыть глаза, но веки оказались слишком тяжелыми. Послышалось шарканье шагов, кто-то подошел к кровати, и я поняла, что должна заговорить, но язык прилип к гортани. На мою руку легла чья-то ладонь, пальцы погладили кожу. Возникло ощущение, что под головой мне поправляют подушку, и я сдалась подмявшей меня темноте.

* * *

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я снова начала воспринимать окружающее, но на этот раз у меня хватило сил открыть глаза. Палата была погружена в темноту, но свет из коридора проникал через маленькое стеклянное окошко, отчего на полу обозначился желтый прямоугольник. За дверью тихо разговаривали две нянечки. Я попыталась дотянуться до звонка, который сообщил бы им, что я проснулась, но под сокрушающим весом простыни было не пошевелиться. Сил хватило лишь на то, чтобы повернуть голову.

На стуле пристроился Сэм, и мне показалось, что я сплю. Словно почувствовав, что на него смотрят, он потянулся, зевнул, подошел к кровати и присел на краешек.

– Привет, красотка. – Его прохладные мягкие губы едва коснулись моего лба.

Мне захотелось расплакаться, но и на это не хватило сил.

– Пить. – Во рту у меня было сухо, как в пустыне.

Сэм нажал на кнопку вызова рядом с кроватью и, пока нянечка не открыла дверь, держал меня за руку. Палату заливал яркий свет, от которого стали слезиться глаза, и я быстро заморгала.

– Очнулись? Ну, и напугали же вы нас. Я вызову доктора Капура.

– Дайте ей воды, – попросил Сэм.

– Только несколько глотков. Не увлекайтесь.

Сэм, придерживая мне голову, поднес стакан к моим губам.

Вода была теплая и затхлая, но я никогда не пила ничего вкуснее.

– Софи? – Мне стоило большого труда произнести это слово.

Сэм взял меня за руку.

– Мне очень жаль, Джен, но она не выжила.

На меня нахлынула грусть, и сон снова затянул меня в свои глубины.

Вновь обретя сознание, я сначала лежала не двигаясь и прислушивалась к биению сердца в груди. Ощущение было каким-то другим. Меня охватило глубокое уныние. Я перевернулась на бок и, свернувшись калачиком, силилась втянуть в себя воздух, но тут встретилась взглядом с Сэмом. Он здесь. По-прежнему здесь. И от этого мне сразу стало спокойнее.

– Я умираю? – Я почти не сомневалась, что мой организм в конце концов отторгнет сердце Калли, и мне стало невыносимо грустно оттого, что это случится. Конец. Но я к нему не готова. Я корила себя за все, от чего отказалась, горевала о непрожитой жизни. Сэм прикоснулся ко мне – зачем я когда-то оттолкнула его руку? Наши пальцы сплелись, и каждая клеточка моего тела оплакивала зря потраченное мною время.

Глава 82

Звезды испещрили чернильное небо, волны, ласково накатывая на берег, убаюкивали меня, пока я сидела и ждала. Я не сомневалась, что ты придешь. Когда-то давно среди этих дюн мы играли в прятки. Ты закрывала ладошками глаза и считала до десяти, но я, оглядываясь, замечала, что ты раздвигала пальцы и подглядывала. Ты думала, я не понимаю, почему тебе сразу удавалось меня найти. Но я-то знала. Знала всегда.

Я подтянула колени к груди. Ветер развевал мои волосы, соленая влага целовала губы, а я напрягала зрение и, взглядываясь в темноту, старалась заметить первые признаки твоего появления.

Небосвод побледнел. Абрикосовое солнце, вставая над горизонтом, окрасило облака в лиловые тона. Красиво. Небо меняло окраску: было пурпурным, оранжевым, красным и лишь затем застенчиво-голубым, словно никаким иным быть и не могло. Но мы все можем больше, чем мы думаем. Больше, чем чувствуем.

Вот теперь я тебя видела. Вдали на берегу. Твои движения были медленными, неуверенными. Я помахала тебе рукой, и твое лицо озарилось, засияло ярче солнца.

Я обняла тебя. Как же я соскучилась!

– Ты здесь, – сказала ты, словно я могла быть где-то еще.

Мы взяли за руки и стали смотреть, как волны, разбиваясь о берег, превращались в белую пену. Вскоре пляж наполнится малышкой с измазанными мороженым подбородками, носящимися друг за другом собаками с вывалившимися из пасти языками и сестрами, которые будут играть, как когда-то играли мы.

– Готова? – спросила я.

Ты, судорожно сглотнув, кивнула, и мы вместе пошли к свету.

Глава 83

Когда я снова очнулась, первым, что я услышала, было гудение флуоресцентных ламп над головой. В палате было слишком светло, и я попыталась перевернуться, чтобы спрятать лицо в подушку. Но мне помешала трубка, ведущая к прикрепленному к руке катетеру, и я издала тихий жалобный стон.

– Ты в порядке?

Сэм по-прежнему находился рядом со мной. Глядя на его помятую одежду и щетину на подбородке, трудно было сказать, когда он в последний раз ночевал дома.

– Я все еще жива? – это прозвучало больше как вопрос, чем утверждение.

– Ты поправишься, Дженна.

Я всмотрелась в его лицо, пытаюсь отгадать, говорит он правду или лукавит. Я давно заметила: если Сэм неискренен, он особенным образом закатывает глаза. Но сейчас признаков лжи не было заметно. Я покачала головой.

– Но...

– Ты подхватила бактериальную инфекцию. Если бы тебя вовремя сюда не доставили... – Он сжал мою руку. – Доктор Капур доволен тем, как ты реагируешь на лечение. Он сам тебе это скажет во время обхода. Поверь мне.

И я поверила. Я не чувствовала прежнего жара, и мышцы болели уже не так сильно. Сэм плеснул в стакан воды и поддерживал мою голову, пока я пила.

– Я позвоню твоим родителям. Они поехали домой, чтобы принять душ и переодеться.

– Тебе необязательно здесь постоянно находиться, – сказала я, осушив стакан.

– А если мне хочется, Дженна? Я ведь чуть тебя не потерял. Опять.

У меня перехватило горло и стало щипать глаза:

– Прости меня за все. Я считала, что поступаю правильно. После того как лишилась ребенка, решила, что стала для тебя обузой.

– В потере ребенка нет твоей вины. Точно так же можно винить врача, к которому мы обратились, когда заболели гриппом. Он тогда сказал, что слабость и головокружение – естественные симптомы первой стадии

выздоровления. Не увидел, что тебе грозит, а ведь он как-никак врач. Джен, никто ни в чем не виноват.

– Я была сама себе противна. Не понимаю, как ты мог меня терпеть.

– Я тебя люблю, – ответил Сэм. – Такова простая истина.

Я знала, что обязана рассказать Сэму о нас с Натаном. Но только не теперь. Больничная палата не место, и сейчас не время.

– Я тоже люблю тебя, Сэм. – В этот миг лишь эта истина имела значение.

Он провел большим пальцем по моей руке.

– Пожалуй, сделаю несколько звонков. Все о тебе беспокоятся.

– Все?

– Моя мама сходит с ума.

– Неужели? Я думала, она никогда меня не простит после того, как потерялся Гарри.

– С тебя потребуется некоторая компенсация. Но не за то, что потерялся Гарри. Мама понимает, что ты ни при чем.

– В таком случае за что? – Я не могла припомнить, что еще натворила.

– На радостях, что сын нашелся, мама приютила бездомную собаку, о которой он постоянно говорил. Лаванду. Гуляет с ней два раза в день, ворчит, но, мне кажется, по-настоящему привязалась к псине. На прогулке познакомилась с вдовцом, хозяином боксера. Потом встретила с ним опять. У него есть сын примерно возраста Гарри, тоже фанат «Лего Звездные войны». Может, их отношения к чему-нибудь и приведут.

Так это мистер Харви, тот, что приходил в ветеринарку!

– Скоро сюда примчится Рейчел. – Сэм заметил на моем лице удивление и объяснил: – Она ушла с работы. Сказала Линде в лицо: катись-ка ты куда подальше!

Сэм еще повожился с телефоном, потом положил его на прикроватную тумбочку, и из динамика полилась мелодия Эда Ширана «Поцелуй меня». Сэм закинул ноги на кровать, и я, освобождая ему место, подвинулась к стене. Там мы и лежали вдвоем: он обнял меня за плечи, и моя голова на его груди опускалась и поднималась в такт его дыханию. Как мне этого не хватало! Сэм заговорил лишь после того, как песня закончилась:

– Я так испугался, когда ты позвонила. Не понимал, что происходит, и пришел в ужас от мысли, что больше никогда тебя не увижу. Снова не самая романтическая обстановка, но тем не менее... – Сэм полез в карман и достал коробочку с кольцом. – Выйдешь за меня замуж? – Он открыл крышку.

В коробочке лежало кольцо его бабушки, и у меня сдавило горло.

– Я не смогу его передать.

– Что передать?

– Кольцо, – всхлипнула я. – Ты говорил, что твоя бабушка хотела установить такую традицию, но у меня не будет внучки, которой я смогу его передать.

Сэм вытащил из-под меня руку, приподнялся на локте и заглянул мне в глаза.

– Никому из нас не дано знать, что нас ждет впереди, Джен. И сколько времени нам отпущено. – Он смахнул пальцем слезу с моей щеки. – Может быть, мы решим усыновить ребенка и будем его растить. Может быть, нет. Но если ты не примешь это кольцо, оно никому не достанется, потому что я люблю только тебя. Одну тебя.

Меня охватило волнение. Я думала, что нечто подобное испытывала к Натану. Но в душе у меня была только любовь к Сэму, и я отбросила все сомнения. Что бы ни уготовило нам будущее, он всегда будет рядом. И я собиралась воспользоваться каждой минутой, которую отвела мне жизнь.

– Я выйду за тебя замуж, – сказала я твердым, решительным голосом.

Сэм наклонился, мы коснулись лбами и оставались в этой позе, пока в палату, дребезжа колесами, не въехала каталка. Сэму предложили напитки и газеты. Он выгреб из кармана мелочь и взял две чашки чаю.

– Не шампанское, но что поделать. Хочешь клубники? – Он открыл дверцу тумбочки и достал круглую корзиночку с фруктами. – Твоя мама принесла. Сказала, что теперь это твоя любимая ягода.

Я представила себе вкус клубники, и меня замутило.

– По-прежнему ее ненавижу, – ответила я с облегчением.

Калли исчезла, осталась только я. Я одна. И Сэм. Наша семья из двух человек.

Эпилог

Год спустя

Свет проник сквозь щель в шторах. Я перекатилась на спину и, утопая в старом продавленном матрасе, раскинула руки и ноги, растягивая ноющие мышцы. Голые ступни высунулись из-под одеяла в ногах односпальной кровати, и утренний холодок пощипывал пальцы.

Мать гремела посудой на кухне, отец открыл душ, и вода шумела вовсю. В бунгало отличная слышимость.

Я приподнялась на локтях и, взглянув на дубовый шкаф, который стоял здесь со времен моего детства, широко улыбнулась. Когда я училась в школе, на его круглой гладкой ручке висела моя форма: накрахмаленная рубашка и отутюженный галстук. Теперь – мое свадебное платье. Волны кремового шелка с пришитыми вручную жемчужинами, отливающими в полумраке бледно-розовым светом. Я подумала о Сэме, и меня охватило ощущение счастья. Каково ему проснуться одному в нашем новом доме с тремя спальнями? Для меня было облегчением переехать в новое жилище из нашей старой квартиры.

Джо, чрезвычайно смущаясь, признался, что это он оставил на холодильнике надпись с требованием прекратить поиски Софи. Я понимаю, что он сделал это для того, чтобы помешать мне узнать правду и рассказать Тому, что натворила его жена. Но с тех пор я больше не чувствовала себя в этой квартире как дома. В нашем доме у Гарри есть своя спальня, и он часто гостит у нас. Потребовались два выходных, чтобы наклеить на стены обои с картинками из «Звездных войн» и разгладить на них пузыри. Но дело того стоило: надо было видеть сияющее лицо мальчика, когда он вошел в комнату!

Рядом с домом есть небольшой огородик, где я выращиваю мяту и розмарин. Я часто стою на улице, не обращая внимания на ветер, который развеивает мои волосы, и дождь, смачивающий мою кожу. Мне не всегда удается прогнать мысли об Аманде. Вспоминая о том, что она теперь находится в тесной камере, я испытываю смешанное чувство жалости и гнева. Печали и надежды. Несмотря на все те ужасы, которые она совершила, Аманда во всем призналась и, получив срок, развязала Тому и Джо руки, позволив им начать новую жизнь. Я не забываю и то, что, если бы не она, меня бы не было на свете, и испытываю благодарность. Каждый

из нас совершает поступки, руководствуясь какими-то своими причинами. Лжет с определенной целью. Во всех нас есть хорошее и дурное, никто не обладает исключительно одним или другим. По крайней мере, мне хочется так думать.

В дверь постучали. Вошла мама и поставила на столик у кровати кружку с горячим кофе.

– Как ты себя чувствуешь?

– Волнуюсь. – И это была правда. Медицинские осмотры стали реже, лекарств мне назначали меньше. Я больше не видела теней в каждом углу, и мне не казалось, что за каждым моим движением следят. Я ощущала себя, как любая другая невеста, примерявшая платье за платьем и неспособная выбрать какое-нибудь одно, потому что нравились все. Мама, наверное, не верила, что доживет до этого дня.

– Это тебе. Я получила строгий наказ не отдавать до сегодняшнего дня. – Мать поставила на одеяло картонную коробку и, прежде чем уйти, раздвинула шторы.

Я приподнялась на подушках и открыла крышку – внутри лежало что-то, завернутое в папиросную бумагу, а сверху – белый конверт. Я извлекла из него лист бумаги, развернула, и у меня сжалось сердце, потому что я узнала почерк Тома.

Дорогая Дженна!

Нам с Джо очень жаль, что в этот день мы не можем быть рядом с тобой. Начался сезон ловли форели в Шотландии, и мы надеемся, что наш новый бизнес принесет нам достаточно средств, чтобы пережить зиму. Здесь холоднее, промозглее, чем я ожидал, но, по-моему, красивее, чем у нас. Мне казалось, я буду чувствовать себя одиноко, но поток туристов не прекращается ни на один день, и я всем доволен. Свежий воздух и физические упражнения принесли мне много пользы. Я похудел, стал подтянутее. Джо взял на себя все, что касается лодок, я занимаюсь удочками и лесками. Такая жизнь устраивает нас обоих.

Но ты сегодня выходишь замуж! Мы оба очень рады за тебя. Я часто думаю о тебе, Дженна. Вспоминаю, как Калли бурлила от возбуждения, когда обручилась с Натаном (кстати, он скоро приезжает нас навестить!). Калли не успела арендовать помещение и выбрать платье, но успела купить вот это. И порадовалась бы, если бы узнала, что это теперь твое.

С любовью, Том.

Я осторожно развернула папиросную бумагу и задохнулась от

восторга: передо мной оказалась серебряная диадема, которую Калли ни разу не надела. Солнце, проникая в окно, отражалось от крохотных бриллиантов, и на стенах вспыхивали радуги.

Дверь открылась.

– Ты еще в постели? – Рейчел сорвала с меня одеяло. – Собираешься выходить замуж в пижаме? В качестве подружки невесты я требую, чтобы ты пошевеливалась и подняла задницу с кровати!

Я рассмеялась.

– Потрясающе выглядишь. – Я скользнула взглядом по ее дизайнерскому лимонному платью. Рейчел настояла, что заплатит за него сама.

– Еще бы! С такой непомерной зарплатой, какую твой отец назначил мне за работу старшей ветеринарной сестрой, я покупаю только самое лучшее!

– Ты заслужила каждое пенни. – Я говорила чистую правду.

Сама я тоже работала в клинике отца, но только три раза в неделю. В свободное время я ходила на курсы живописи и соорудила в нашем новом доме студию. Я пробовала все новое. Как выразилась Ванесса, жила полной жизнью. Писать маслом – не то же самое, что рисовать карандашом, и девочки на берегу у меня пока не получались как живые. Но я научусь. Обязательно научусь.

– Нервничаешь? – спросил отец.

– Немного. – Я заглянула через дверь внутрь церкви.

Все уже собрались. Кэти держала за руку мистера Харви – я так и не привыкла называть его Саймоном. Гарри сжимал поводок Лаванды, у собаки на шее был повязан большой красный бант. Мама уже терла глаза. Впереди всех стоял Сэм. Мы встретились с ним взглядами, и все мои волнения растаяли.

– Готова? – спросил отец.

Я поправила на голове диадему Калли, взяла под руку отца, и мы стали ждать, когда заиграет музыка.

Раздались первые аккорды – это была песня «У меня есть мечта» группы «АББА». Под нее я и шагнула в оставшуюся часть своей жизни.

Письмо от Луизы

Привет!

Прежде всего, спасибо всем читателям и литературным блогерам за то, что вы прочитали и обсудили «Сестру», а также рассказали о ней другим. Мой дебютный роман поднялся в рейтинге на первое место, чего я никак не ожидала и за что чрезвычайно благодарна всем, кто меня поддержал.

Надеюсь, вам понравится история Дженны. Теория клеточной памяти завоевывает все больше приверженцев среди специалистов, а меня она буквально завораживает. Я углубилась в изучение этого вопроса, и большинство примеров, которые приводит моя героиня во время разговоров с Ванессой, взяты из реальной жизни. Меня поразило число людей, у которых после трансплантации органов происходят личностные изменения. Этому нет разумного объяснения. Каким образом реципиенты обретают память доноров, которых до этого не знали? Способна ли наука объяснить все на свете? Еще недавно сердце считалось средоточием мудрости и чувств. Каково ваше мнение? Я бы очень хотела узнать.

«Подарок» – литературное произведение, и я воспользовалась правом художника трактовать события по-своему. Описывая Дженну, я больше внимания уделяла эмоциональному состоянию человека, находящегося на грани смерти, но, надеюсь, подошла разумно к этому вопросу с медицинской точки зрения и не упростила эффект пересадки органа.

Меня восхищают родные доноров. Я и мои родственники давно написали заявления о готовности отдать свои органы. Если вы сделаете то же самое, вы сможете спасти чьи-то жизни.

Я хочу узнать мнение читателей о книге. Со мной можно связаться на моем сайте, в «Твиттере» или «Фейсбуке».

Спасибо, что нашли возможность провести время с Дженной. Если вам понравился «Подарок», я буду благодарна, если вы напишете небольшой отзыв. Это для меня очень важно.

Луиза.

www.louisejensen.co.uk

Fab_fiction

Fabricatingfiction/

Выражение признательности

Чтобы эта книга появилась на свет, пришлось потрудиться уйме людей, и я должна поблагодарить очень и очень многих. Во-первых, электронное издательство «Bookouture» и весь его персонал – тех, кто за сценой, а также других авторов, оказывавших мне постоянную поддержку. Моего редактора Лидию Вассар-Смит, Генри Стедмена, придумавшего потрясающую обложку, и Рори Скарфа, чья вера в меня имела для меня большое значение.

В прошлом году я познакомилась с несколькими очень приятными людьми как в Интернете, так и лично и признательна блогерам за их неустанный труд. Нас объединяет любовь к литературе, и я особенно благодарна за каждый отзыв о моих произведениях.

Когда я увидела свою работу опубликованной, мне было очень интересно делиться этим новым ощущением с моим виртуальным литературным другом Сэмом Каррингтоном, который ежедневно помогал мне к нему привыкать. А также с Томом Бейлом, у которого всегда находились ответы на мои бесконечные вопросы, возникавшие в первый год моего существования в качестве публикуемого автора.

Спасибо Лин Ларен за ее подсказки во всем, что касалось полицейских операций. Если в тексте и остались какие-то ошибки, то вина в этом исключительно моя. Спасибо Саре Хаммонд за ее чуткое ухо и ТУ цитату, которая всегда будет висеть над моим рабочим столом. Благодарю Сару Уэйд за постоянную поддержку, Саймона Адамсона – за чтение черновиков, Бекки Бриджес – за то, что рассказала о специфике работы ветеринарной сестры.

Я в большом долгу перед Эммой Митчелл, Лусил Грант и Миком Уинном, щедро тратившими свое время, чтобы «Подарок» стал таким, каков он сейчас.

Я благодарна моим родным за любовь и поддержку, особенно маме Диане Хоктон, которая терпела меня весь этот напряженный год. И тете Джуди Кингстон – за ее поддержку.

Спасибо Карен Эплбай – моей несравненной сестре. Наверное, я редко говорю, что очень тебя люблю. Но поверь, это так.

Спасибо Каллуму, Кэю и Финли – моим потрясающим мальчишкам, заставляющим меня стремиться к тому, чтобы стать лучше, насколько это возможно. Какими бы большими вы ни выросли, вы навсегда останетесь

моим миром.

Заканчивая писать «Подарок», я радовалась, что у меня есть муж. Спасибо, Тим, за то, что замещал меня во всех домашних делах, а еще за твою непоколебимую уверенность в том, что я способна написать вторую книгу.

И, конечно, спасибо Иену Хоули, которого я очень люблю и буду любить всегда.